

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

ЛАСАРИЯ АЙНАР ОТАРИЕВИЧ

**МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
НА СЕВЕРНОМ И ЮЖНОМ КАВКАЗЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 23.00.05 –
Политическая регионалистика. Этнополитика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор А.В. Манойло

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
 Глава I. Теоретико-методологические аспекты урегулирования этнополитических конфликтов	
1.1 Формирование представлений о природе этнополитических конфликтов.....	21
1.2 Современные научные подходы к исследованию этнополитических конфликтов.....	34
1.3 Причины эскалации этнополитических противоречий.....	46
1.4 Формы и методы регулирования современных этнополитических конфликтов.....	56
 Глава II. Разрешение этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе	
2.1 Факторы обострения этнополитических противоречий в Кавказском регионе.....	80
2.2 Динамика этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье.....	95
2.3 Механизмы и формы регулирования этнополитических конфликтов в контексте грузино-абхазского и осетино-ингушского противостояний.....	119
2.4 Современные условия стабильности и безопасности в Кавказском регионе.....	151
 Заключение.....	 164
Список источников и литературы.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конфликты в современном мире, возникающие в условиях обострения этнополитических противоречий, приобретают особую роль в эволюции социально-политических институтов и общественных отношений в различных странах и регионах, нередко выявляя и раскрывая различные недостатки международной политико-правовой системы. Этнополитическая форма конфликта характеризуется множественностью предпосылок, причин и следствий острых противоречий, возникающих на почве межнационального, политического, социокультурного и экономического размежевания. Феномен этничности, способный выступать одновременно как консолидирующий и как разъединительный механизм в общественной среде, в силу своих уникальных свойств и атрибутов предоставляет возможность эффективно использовать настроения социальных групп, влияя на динамику конфликтного взаимодействия, направляя конфликт в русло разрешения либо его дальнейшего обострения.

Конфликты являются основополагающим фактором перемен и трансформаций общества на протяжении всей истории человечества, несмотря на минимальное количество положительных свойств собственного проявления. Противостояния, базирующиеся на комплексе этнических и политических атрибутов, неизбежно приобретают драматический характер на фоне: быстротечных социальных преобразований; потрясений в экономической и политической среде; интенсивных изменений в культурно-ценностной ориентации современного общества и др. Вышеизложенные процессы в постсоветское время привели к демаркации внутри некогда «единого» общественного организма по различным, но взаимосвязанным основаниям.

На практике подобные проблемы характерны не только для стран «третьего мира», но и для современных, развитых унитарных и федеративных государств Европы, Азии, Северной и Южной Америки, обладающих многолетним опытом реализации национальной политики в сфере обеспечения и поддержания диалога

и согласия между представителями этнических сообществ, религиозных общин и конфессиональных объединений. Однако и в случае наличия существенного опыта в регулировании межконфессиональных и межэтнических отношений возникают серьезные трудности в оптимизации межгруппового взаимодействия, приводящие к острым конфликтам на этнополитической почве.

Интенсивные процессы этнополитической мобилизации на пространстве бывшего СССР коснулись практически всех проживающих на этой территории этнонациональных сообществ. Политизация этничности актуализировала насущные вопросы национального самоопределения, повысила роль этнического самосознания и самоидентичности, позволила выявить очертания политических и социально-экономических предпочтений национальных элит. Сложившиеся обстоятельства неизбежно подвели к разворачиванию конфронтации на почве имеющейся несовместимости интересов различных групп, к интенсификации напряженности в поликультурной среде.

Практически синхронное обострение межнациональных отношений в постсоветской России и независимых республиках Закавказья вылилось в кровопролитные войны: грузино-осетинская, грузино-абхазская, армяно-азербайджанская, осетино-ингушская, а также чеченский кризис.

Несмотря на некоторую схожесть форм эволюции и контекста этнического размежевания, этнополитические конфликты на Северном Кавказе России и в Закавказье обладают существенными различиями, выразившимися и в их протекании, и в процессе их урегулирования. Наиболее симптоматичными, драматичными и, на сегодняшний момент, нерешенными остаются осетино-ингушский и грузино-абхазский конфликты. Так, бесперспективные в плане нахождения компромиссов территориальные противоречия, вызванные и осложненные последствиями депортации горских народов, породили вооруженный конфликт между двумя тесно соседствующими северокавказскими народами – осетинами и ингушами, который, по общему признанию отечественных специалистов, явился первым открытым межэтническим конфликтом в истории современной России. Другим примером, получившим

широкий общественный резонанс, стал грузино-абхазский конфликт – не менее драматичный эпизод вооруженного конфликта на территории Южного Кавказа, имеющий далеко идущие политические и социально-экономические последствия для всего Кавказского региона.

Актуальность диссертационной работы обусловлена важностью решения вопросов этнополитического размежевания, поиска благоприятных этнополитических координат в системе общественно-политической стабильности Кавказского региона. Комплексное исследование представлений о природе этнополитических конфликтов в контексте истории политической мысли, а также теоретико-прикладной анализ современных этнополитических противоречий на территории «Большого Кавказа» позволяют дополнить диагностируемыми и верифицируемыми сведениями специфику исследуемого типа конфликтов; проанализировать способы профилактики, модели регулирования и подходы по ликвидации последствий конфликтов; а также спрогнозировать развитие этнополитических процессов и отношений на Кавказе, что безусловно является релевантной задачей для современной политической науки.

Степень разработанности темы исследования. В зарубежной и отечественной политической науке значительное число трудов посвящено предметному рассмотрению источников этнополитического противостояния на Кавказе, динамике и специфике протекания конфликтов, их сущности и роли влияния на политическую архитектуру региона. В ходе исследования моделей регулирования этнополитических конфликтов на Кавказе в настоящей работе были использованы научные труды, экспертные оценки и публикации как отечественных, так и зарубежных авторов, в таких сферах, как: политология, история, социология, этнология, конфликтология, этнополитика, публичная дипломатия и государственного управления. По мнению диссертанта, все использованные материалы, труды и публикации допустимо подразделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести работы зарубежных исследователей по вопросам природы и специфики этнополитических процессов, межнациональных

и этнополитических конфликтов, сущности этничности и ее соотношения с такими категориями и понятиями, как: политика, национализм, насилие, элитарные группы, политические режимы, миграция, идентичность и др. Значительный вклад в разработку и развитие этих вопросов внесли: Р. Брубейкер, Т. Ванханен, Т. Гурр, Д. МакГарри и Б. О'Лиери, Р. Ставенхаген, М. Эсман и др.¹

Ко второй группе можно отнести публикации и научно-исследовательские работы комплексного характера по смежным направлениям, обосновывающим предельную важность системного анализа катализаторов и факторов развертывания этнополитической конфронтации. Среди авторов второй группы следует выделить Э. Азара, Б. Андерсона, И. Гальтунга, Э. Геллнера, Д. Горовитца, Л. Кризберга, Дж. Ротшильда, Э. Смита, Э. Хобсбаума и др.²

К третьей группе относятся труды отечественных авторов по социологии конфликта, конфликтологии, международному праву (в части международно-правовых аспектов этнополитических процессов, отношений и конфликтов), международным отношениям и этнополитической конфликтологии – А.Х. Абашидзе, А.Р. Аклаева, В.В. Амелина, С.А. Арутюнова, А.В. Глухой, А.В. Дмитриева, А.Г. Здравомыслова, М.М. Лебедевой, В.А. Михайлова и др.³

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.; Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.: «Кучково поле», 2014. 288 с.; Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1993. 448 p.; McGarry J., O'Leary B. (eds.) The Politics of Ethnic Conflict Regulation. L.: Routledge, 1993. 336 p.; Stavenhagen R. Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke: Macmillan, 1996. 324 p.; Esman M. An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge: Polity Press, 2005. 200 p.

² Azar E. The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. Aldershot: Dartmouth, 1990. 157 p.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Кучково поле», 2001. 288 с.; Galtung J. The True Worlds. N.Y.: Free Press. 1981. 469 p.; Геллнер Э. Нация и национализм / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 320 с.; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 699 p.; Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood, NJ: Prentice-Hall, 1973. 300 p.; Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981. 290 p.; Э. Смит. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализм / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М.: Практикс, 2004. 464 с.; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991 / Пер. с англ. Е.М. Нарышкиной. М.: Независимая Газета, 2004. 636 с.

³ Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М.: Изд. РУДН, 1997. 224 с.; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. 480 с.; Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М.: РАН, 1997. 320 с.; Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 416 с.; Глухова А.В. Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 100–107; Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. М.: Альфа-М, 2007. 208 с.; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: «Аспект Пресс», 1999. 286 с.; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: «Аспект Пресс», 1999. 271 с.; Михайлов В.А.

Важное значение для настоящего исследования имеют комплексные научные труды отечественных авторов по ключевым аспектам этнополитических конфликтов, путям их предотвращения и урегулирования; классификации форм и типов этнополитических конфликтов; анализу националистских движений и их последствий; предназначении и месте этнических элит в обществе и государстве; проблемам российского федерализма (отношений Центра и регионов); роли демократических институтов в разрешении конфликтов; социально-психологические и культурные аспекты этнополитического противостояния и многие другие аспекты. Таким образом, **к четвертой группе** можно отнести труды В.А. Авксентьева, В.А. Ачкасова, Л.М. Дробижевой, В.Ю. Зорина, Э.Н. Ожиганова, Э.А. Паина, Т.Г. Стефаненко, Л.Н. Тимофеевой, В.А. Тишкова, Ж.Т. Тощенко, Л.Л. Хоперской и др.⁴

Научные труды последнего десятилетия, в части исследований современных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, а также выработки подходов и рекомендаций по их эффективному урегулированию и предотвращению, приобретают дискретный характер, окончательно оформляется переход от описательного подхода к детерминированному и факторному анализу этнополитических процессов и отношений, учитываются концепции и разработки смежных отраслей научного знания (политическое прогнозирование и моделирование этнонациональных кризисов, системно-ситуационный анализ этнополитических процессов и отношений, социометрические процедуры и т.д.), активно используются междисциплинарные методы исследования

О некоторых стратегических подходах к достижению социально-политической стабильности на «российском Кавказе» в новых условиях // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2011. № 1. С. 157–174.

⁴ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92–99; Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 37–43.; Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.; Зорин В.Ю. Этнополитика в современной России: статьи, выступления, интервью. Саратов: Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2012. 132 с.; Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 277; Пайн Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России., М.: Институт социологии РАН, 2004. 328 с.; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: «Аспект Пресс», 2014. 352 с.; Тимофеева Л.Н., Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. 2016. № 2. С. 13–37; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.; Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.; Хоперская Л.Л. Этнополитические конфликты: модели и возможности разрешения // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 11. С. 191–194.

этнополитических конфликтов и процессов, влияющих на межнациональный и межконфессиональный климат. Итак, к пятой группе трудов по вышеупомянутым направлениям можно отнести публикации таких авторов, как: Р.Г. Абдулатипов, А.Г. Большаков, И.В. Бочарников, И.А. Василенко, О.А. Васильева, В.М. Капицын, В.И. Коваленко, В.С. Комаровский, А.П. Кочетков, Е.А. Куштавкина, А.В. Манойло, Н.П. Медведев, А.Ю. Полунов, Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, А.-Х.А. Султыгов и др.⁵

К шестой группе относятся труды, освещающие вопросы специфики и сущности этнополитических конфликтов в Кавказском регионе (в частности, осетино-ингушского и грузино-абхазского), моделей и форм их разрешения и регулирования. Среди видных авторов этого направления следует отметить: Н.Н. Акаба, Ю.Д. Анчабадзе, В.А. Аствацатурову, В.И. Блищенко и М.М. Солнцева, К.С. Гаджиева, И.Д. Звягельскую, С.Д. Кавтарадзе, К.И. Казенина, Г.П. Лежава, С.М. Маркедонова, Г. Нодия, Я.С. Патиева, М. Тео Янса, И.Р. Хинтба, А.А. Цуциева, В. Чирикба, С.М. Шамба и др.⁶

⁵ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. 320 с.; Большаков А.Г. Региональные политические конфликты в государствах европейской периферии: концептуально-методологические параметры конфликтологического анализа // *PolitBook*. 2012. № 3. С. 9–22; Бочарников И.В. О евразийской геополитической стратегии России // *Международные отношения*. 2016. № 1. С. 80–85; Василенко И.А. Проведение переговоров в условиях острого конфликта: использование процедуры посредничества // *Дипломатическая служба*. 2012. № 3. С. 8–14; Васильева О.А. Этнополитические конфликты на южных рубежах постсоветской России: опыт политического управления. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2011. 388 с.; Капицын В.М. Форматы регулирования насилия в международных отношениях // *Политическая наука*. 2016. Специальный выпуск. С. 72–90; Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во Московского университета, 2016. 704 с.; Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // *Власть*. 2015. № 3. С. 20–27; Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 4. С. 63–76; Куштавкина Е.А. Этнополитические отношения и конфликты: теория и практика. М.: Дом МИСиС, 2010. 121 с.; Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. М.: Горячая линия, 2015. 392 с.; Медведев Н.П. Политические кризисы и конфликты: теория и практика. М.: Изд-во журнала «Вопросы политологии», 2017. 176 с.; Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // *Россия и современный мир*. 2008. № 2 (59). С. 144–163; Пушкарева Г.В. Механизмы формирования политических идентичностей в политическом пространстве современного общества // *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012. С. 99–113; Соловьев А.И. Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // *Политическая наука*. 2006. № 3. С. 95–113; Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М.: Макс Пресс, 2006. 268 с.

⁶ Акаба Н.Н. Северокавказский фактор в абхазо-грузинском конфликте [Электронный ресурс] // URL: <http://apsnypress.info/analytic/6359.html> (дата обращения: 10.05.2017); Грузины и абхазы. Путь к примирению / Общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю.Д. Анчабадзе. М.: «Весь мир», 1998. 248 с.; Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). М.: Московское бюро по правам человека, 2011. 192 с.; Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: «Аспект Пресс», 2014. 304 с.; Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. 532 с.; Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. 160 с.; Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском

К отдельной группе правомерно отнести докторские и кандидатские диссертации по сопряженным темам исследования, посвященные актуальным проблемам современных этнополитологических и конфликтологических исследований, – преодолению и выработке оптимальных механизмов решения этнополитических кризисов и проблем. Внимания заслуживают диссертации следующих авторов: А.А. Аванесян, О.Р. Баймлера, Р.Э. Бараш, К.Б. Барбаряна, О.Р. Болотниковой, Ю.В. Васильева, А.К. Идаятова, О.Г. Карповича, Е.С. Карсановой, Г.Г. Кесяна, А.И. Кольба, Х.М. Мейриева, Д.Г. Николаева, Г.В. Слядневой, М.Ж. Татиева, Б.А. Хагба и др.⁷

пространстве. М.: Экзамен, 2005. 224 с.; *Казенин К.И.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. 180 с.; *Лежава Г.П.* Технологии этнической мобилизации. Из истории становления грузинской государственности (1987–1993 гг.). М.: ЦИМО, 2000. 372 с.; *Маркедонов С.М.* Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. 260 с.; *Нодия Г.* Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства [Электронный ресурс] // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian/pdf/02_Nodia.pdf (дата обращения 10.09.2017); *Патиев Я.С.* Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Магас: Сердало, 2004. 606 с.; *Тео Янс М.* Персональный федерализм: решение для этнонациональных конфликтов? Что он означал для Брюсселя и что он мог бы означать для Абхазии? [Электронный ресурс] // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks-/federal_r/16jans.pdf (дата обращения: 10.05.2017); *Хинтба И.Р.* Основные этапы переговорного процесса (1992–2008): эволюция подходов и анализ результатов // Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы [Электронный ресурс] // URL: <http://apsnyteka.org> (дата обращения: 10.05.2017); *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. 200 с.; *Чирикба В.* Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода [Электронный ресурс] // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian/pdf/03_Chirikba.pdf (дата обращения 10.09.2017); *Шамба С.М.* Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия – Грузия: Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 4–12.

⁷ *Аванесян А.А.* Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве и методы их урегулирования (на примере Южного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2013. 184 с.; *Баймлер О.Р.* Национально-культурная автономия в системе технологий предотвращения и урегулирования внутригосударственных конфликтов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2013. 173 с.; *Бараш Р.Э.* Явление разделенных этнонациональных групп: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. 189 с.; *Барбаряна К.Б.* Этнополитические конфликты в Закавказском регионе: истоки и развитие: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2007. 153 с.; *Болотникова О.Р.* Проблемы урегулирования этнополитических сепаратистских конфликтов в XXI веке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 173 с.; *Васильев Ю.В.* Этнополитические конфликты на Юге России: возникновение и системообразующие механизмы разрешения: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2006. 299 с.; *Идаятов А.К.* Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов (на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2014. 192 с.; *Карпович О.Г.* Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2012. 344 с.; *Карсанова Е.С.* Этнополитические конфликты в полиэтничных федерациях: природа и практика решения в условиях глобализации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 381 с.; *Кесян Г.Г.* Миротворческий потенциал предотвращения и урегулирования современных этнополитических конфликтов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. 174 с.; *Кольба А.И.* Политическое управление конфликтами в регионах современной России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.05. Саратов, 2013. 400 с.; *Мейриев Х.М.* Осетино-ингушский конфликт в контексте современной геополитики России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2016. 147 с.; *Николаев Д.Г.* Политические основания и условия признания независимости Абхазии, Южной Осетии и Косово: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2011. 185 с.; *Сляднева Г.В.* Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. – 214 с.; *Татиев Р.М.* Территориальные этнополитические конфликты: политико-правовые основы урегулирования (на примере осетино-ингушского конфликта): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. 163 с.; *Хагба Б.А.* Этнополитическая стратегия на Кавказе: историко-политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 1996. 170 с.

Правовая, эмпирическая и источниковая база диссертационного исследования представлена комплексом использованных в работе источников на русском и иностранном языках, различных по своей структуре и степени достоверности. Их можно подразделить на несколько блоков, а именно:

- конституции, официальные нормативные правовые акты, стратегические и программные документы Российской Федерации, Грузии, Абхазии и ключевых акторов мировой политической арены;
- международно-правовые акты (резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, декларации, соглашения, договора и другие международно-правовые акты, принятые в рамках переговорного процесса, формальных встреч и консультаций);
- тексты заявлений, выступлений и докладов официальных лиц Российской Федерации, Грузии, Абхазии и Западных стран;
- стенограммы брифингов, информационные бюллетени, аналитические и справочные материалы внешнеполитических ведомств Российской Федерации, Грузии и Абхазии, рабочих групп Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье; материалы экспертно-аналитических центров и неправительственных организаций;
- статистические материалы и результаты социологические опросы;
- публикации российских и зарубежных СМИ;
- источники личного происхождения (мемуары, заметки и публикации непосредственных участников конфликтов и переговоров по их урегулированию).

Изучение названных источников предоставило возможность всесторонне исследовать проблематику, выявить широкий спектр, в некоторых случаях противоположенных, подходов, которые являются центральными в отношении способов разрешения и моделей регулирования этнополитических конфликтов в целом, и в осетино-ингушском и грузино-абхазском конфликтах, в частности.

Объектом диссертационного исследования являются природа возникновения, особенности генезиса и проявления этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе.

В фокусе сравнительного анализа в настоящем диссертационном исследовании находятся грузино-абхазский и осетино-ингушский конфликты, определяемые в современной политической науке как «этнополитические конфликты». Выбор в качестве объектов исследования вышеуказанных конфликтов обусловлен рядом причин: относительное сходство исторических предпосылок, причин и источников этнополитического размежевания (территориальные разногласия, изменения политико-правового положения этнотерриториальных единиц и т.д.); участие и роль российских властей в предотвращении вооруженных конфликтов в Абхазии и Пригородном районе; схожие хронологические рамки эскалации этнополитических конфликтов; гуманитарные, социальные и политические последствия конфликтов и т.д.

Таким образом, представляется допустимым сравнение осетино-ингушского конфликта как наиболее яркого примера этнополитического противостояния на территории Северного Кавказа России с грузино-абхазским конфликтом, не менее показательным и острым этнополитическим противоречием на территории Закавказья.

Предметом диссертационного исследования выступают формы, методы и механизмы регулирования этнополитических конфликтов в Северокавказском и Закавказском регионах (по материалам осетино-ингушского конфликта на Северном Кавказе и грузино-абхазского конфликта на Южном Кавказе).

Целью настоящего диссертационного исследования является выявление и классификация моделей регулирования осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликтов, определение характеристик и закономерностей функционирования.

Цели диссертационного исследования определила постановку и решения следующих **научно-исследовательских задач**:

- классифицировать современные научные подходы исследования этнополитических конфликтов и способов их эффективного урегулирования;
- выявить катализаторы эскалации этнополитических противоречий в современном мире;

- уточнить основополагающие факторы, влияющие на рост этнополитической напряженности на Кавказе;
- выявить основные этапы развития этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье (на примере осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликтов);
- определить современные подходы к урегулированию этнополитических конфликтов в контексте осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликтов;
- охарактеризовать модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе, выявить их сходства и различия;
- определить условия безопасности и стабильности на Кавказе в условиях геополитических трансформаций и этнополитических процессов.

Исследовательская проблема заключается в сформировавшемся в отечественной науке и практике устойчивом представлении об этнополитических конфликтах на Северном и Южном Кавказе как о явлениях, развивающихся в особой этнокультурной среде и в силу этих причин мало подверженных воздействию инструментов внешнего регулирования. В случае возникновения подобного рода конфликтов органы государственной власти и управления реагируют на них по факту (ситуативный подход). Их деятельность, при указанных обстоятельствах, направлена на устранение последствий конфликта, разъединение сторон и минимизацию ущерба, а не на искоренение объективно существующих противоречий и источников, приводящих к возникновению конфликтов.

На практике в основе регулирования кавказских этнополитических конфликтов лежат разные по своему существу и характеру модели, предполагающие реализацию разноплановых подходов по оказанию результативного воздействия на конфликты данного типа. Между тем, этнополитические конфликты на Северном Кавказе и в Закавказье требуют особого внимания как объекты политического управления, осуществляемого с помощью особых политических технологий, инструментов и процедур.

Основной гипотезой диссертационного исследования выступает предположение о том, что современные модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье, наряду со структурными различиями в формах и масштабах этнополитической конфронтации, довольно сильно дифференцированы по механизмам и конфигурациям политического воздействия на предмет и структуру конфликта. В случае регулирования осетино-ингушского конфликта, являющегося примером внутрироссийского этнополитического противостояния, используется исключительно отечественная практика политического воздействия на конфликты, в то время как политическая деятельность в сфере урегулирования грузино-абхазского конфликта сопряжена с широкой международной посреднической активностью, ролью и интересами ключевых игроков мировой политической арены. В этом случае, отечественная модель регулирования этнополитических конфликтов основана на системном подходе и подвержена экстраполяции, нежели международная модель, всецело основанная на конъюнктурном подходе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проблематика регулирования этнополитических конфликтов приобрела актуальное значение в современных условиях, подобные типы конфликтов возникают в различных регионах мира, в том числе в Российской Федерации. И в этом плане Кавказ является в определенном смысле исследовательской площадкой по их изучению. При этом, Кавказский регион – важнейшее геополитическое и геостратегическое пространство на Евразийском континенте, он содержит широкую этноконфессиональную палитру, где в тесной связи, и, в то же время достаточно автономно развиваются разноплановые социально-политические, экономические, этнокультурные, идеологические процессы. Структура кавказского общественно-политического организма актуализирует острые и резонансные проблемы этничности, территориальных притязаний, прав народов на самоопределение, преобразование политико-правового статуса этнотерриториальной единицы либо расширение ее прав и полномочий в рамках государства.

2. В силу особой специфики Кавказского региона этнополитические противоречия на данной территории проявляются наиболее ярко и практически всегда ведут к возникновению на этой почве конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности. Одновременно с этим кавказскими общественными институтами и структурами выработан уникальный опыт по преодолению и замораживанию острых межнациональных проблем, основанный на традициях совместного проживания на изначально географически ограниченной территории. Экстраполяция данного опыта на все российское пространство имеет широкие перспективы для гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений на современном этапе укрепления этнополитической стабильности и безопасности в России.

3. Этнополитическое размежевание на Кавказе обусловливается следующими факторами: проникновением религиозного экстремизма и радикального ислама; наличием острых, укоренившихся в обществе межэтнических противоречий; затянувшимся процессом становления общественно-политических институтов, в особенности гражданского общества; этнократическими тенденциями и вытекающими из этого специфическими формами политической самоорганизации; последствиями противоречивой советской национальной политики конца первой половины XX века; искусственной политизацией и мобилизацией этничности, манипуляцией этническими атрибутами; влиянием и воздействием внешних политических сил (внерегionalных акторов) на социально-политическую обстановку в регионе; бескомпромиссностью кавказских элит в вопросах реализации национальных интересов и приоритетов.

4. Подходы к урегулированию осетино-ингушского конфликта выстроены в контексте отечественной модели регулирования этнополитических процессов и отношений, основанной на политико-правовых формах воздействия на содержание, структуру и динамику конфликтного явления. Разрешение любых этнополитических противоречий на территории Российской Федерации находится в исключительном ведении федеральных органов власти. Государство в этих

условиях выступает в качестве беспристрастного арбитра, создающего и поддерживающего среду, необходимую для многостороннего мирного диалога. Целью реализации отечественной модели регулирования этнополитических отношений является поддержание межэтнического согласия и межконфессионального мира, мониторинг и прогнозирование потенциальных очагов этнополитической напряженности, закреплённой в ключевом нормативном правовом документе в сфере регулирования этнополитических, этноконфессиональных отношений и процессов – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», утверждённая Указом Президента РФ в декабре 2012 года.

5. Урегулирования грузино-абхазского конфликта основываются на модели международного политического «включения», выражающейся в активном участии мировых политических акторов в процессе урегулирования конфликта, во многом это связано с тем, что территория Южного Кавказа приобрела очертания отдельной геополитической конструкции. Справедливо выделение двух подходов деятельности по регулированию грузино-абхазского конфликта: формальный и полужформальный, где первый базируется на общепризнанных традициях и способах разрешения этнополитических противоречий (переговорный процесс, неприменение силы и др.), второй носит специфический характер, основанный на развитии отраслевого сотрудничества и взаимодействия с участниками конфликта. На практике подходы неэффективны по причинам следующего рода: высокое число вовлечённых в переговорный процесс субъектов; особенности положения и соотношения политико-правового и международно-правового статусов участвующих в конфликте сторон (диспаритетные взаимоотношения между сторонами конфликта, условная международная правосубъектность); ценности и цели посредников, связанные с их геостратегическими и военно-тактическими предпочтениями.

6. Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе обладают схожими способами реализации общепризнанных механизмов преодоления этнополитического кризиса, а именно: приверженность

мирному переговорному процессу; всесторонние поиски альтернативных путей выхода из кризиса; выработка политико-правовых институтов в виде полуформальных норм, призванных систематизировать и определять порядок и характер взаимодействия конфликтующих сторон. Во всех случаях приоритетное значение отводится консоциальным методам разрешения конфликтов.

Существенные различия в моделях регулирования осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликта: формате процесса урегулирования (внутрироссийская площадка и международная); участии и неучастии международного посредничества в ходе мирного разрешения; влиянии геополитической конъюнктуры на структуру и динамику конфликтного взаимодействия; объектно-субъектном содержании конфликта (осетино-ингушский конфликт – это столкновение между равностатусными субъектами в рамках единого государственно-территориального образования; грузино-абхазское противостояние носит в субъектном отношении диспаратный формат).

В международной модели регулирования этнополитических конфликтов под эгидой международных организаций или посредничестве ведущих стран применяются технологии традиционной и модернистской парадигм урегулирования этнополитических конфликтов, использующиеся в зависимости от конкретных процессов и свойств конфликтов. Как правило не учитывается кавказская общественно-политическая специфика, выражающаяся в традициях, культуре и менталитете народов Кавказа (этническое самосознание). Отечественная модель базируется на позитивном опыте использования известных парадигм урегулирования, включающий широкий спектр механизмов правового, культурного, и социального воздействия.

7. Международное регулирование конфликтов под эгидой различных организаций переменчивы в условиях современной динамики региональных и мировых политических процессов, подходы к решению вопросов постконфликтного взаимодействия между сторонами противостояния зависят от условий и стратегий ключевых игроков мировой политической арены. Подходы

международной модели не является гибкими и универсальными механизмами решения этнополитических проблем. Инструментарий российской модели регулирования наиболее адаптивен в качестве универсального подхода по поддержанию этнополитической стабильности и безопасности в государстве.

Методологической основой диссертационного исследования выступают: общенаучный и системный методы; структурно-функциональный и сравнительно-политологический методы; контент-анализ историко-правовых документов. Выбранная методологическая база обуславливается двумя факторами: первый – современные тенденции, закономерности и процессы поступательного развития отечественной и зарубежной политической науки; второй – авторская позиция исследователя.

Системный метод в данном диссертационном исследовании использовался в качестве инструмента для анализа этнополитических отношений, процессов и проблем, а также использован для определения и систематизации источников эскалации этнополитического противостояния. Структурно-функциональный метод позволил выявить связь и существенную разницу между этническими и этнополитическими конфликтами, соотношениями этничности и политики, а также для классификации типов и форм этнополитического размежевания.

Применение сравнительно-политологического метода позволяет сопоставить и в то же время проанализировать как зарубежный, так и отечественный опыт решения этнополитических конфликтов, выявить оптимальные конфигурации и модели, а также положительные и деструктивные тенденции на базе компаративистского анализа. Использование в данном диссертационном исследовании общенаучного метода позволяет сгенерировать теоретико-методологические и практические знания об исследуемом предмете.

Необходимо отметить важность и значимость междисциплинарного научного метода в достижении поставленной цели и задач. Диссертационное исследование опирается на теоретико-методологические парадигмы смежных отраслей научного знания, таких как: этнополитическая конфликтология, социальная конфликтология, этнология, сравнительная политология, социология,

философия, история, этнополитология и другие гуманитарно-обществоведческие дисциплины.

Новизна результатов диссертационного исследования определяется следующими критериями:

- конкретизированы общие и частные положения отечественных и зарубежных концепций, теорий и подходов по способам урегулирования этнополитических конфликтов, уточнены различия в научных интерпретациях понятий «урегулирование» и «разрешение» этнополитических противоречий;
- установлены и дополнены сведения об источниках и катализаторах этнополитической напряженности в Кавказском регионе, выявлены расхождения в причинах разворачивания этнополитического размежевания на Северном Кавказе и в Закавказье;
- выявлены причинно-следственные связи этнополитических процессов на Северном Кавказе и в Закавказье;
- определены основные подходы, способы и модели регулирования этнополитических конфликтов, используемые на Северном и Южном Кавказе, установлены их ключевые характеристики, свойства и связи;
- конкретизированы основные механизмы, инструменты и процедуры в урегулировании осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликтов;
- предложены практические рекомендации по урегулированию кавказских этнополитических конфликтов, а также по поддержанию стабильности и безопасности в исследуемом регионе.

Теоретическая и практическая ценность результатов диссертационного исследования заключается в накопленном аналитическо-прогностическом ресурсе научной работы, углублении и расширении сведений о факторах этнополитической напряженности в Кавказском регионе (северокавказской и закавказской реалиях), методах и средствах их мирного разрешения и преодоления. Проведенный сравнительный анализ зарождения основной конфликтной фазы и постконфликтного процесса мирного разрешения осетино-ингушского и грузино-абхазского конфликтов может стать основой для

совершенствования формул прогнозирования этнополитических отношений и процессов в Кавказском регионе, выработки наиболее гибких подходов в решении задач подобного рода в целом.

Исследование может составить базу для специализированного академического курса по этнополитическому менеджменту в Кавказском регионе. Основные выводы диссертационного исследования могут лечь в основу аналитического материала, используемого в практической деятельности по предотвращению конфликтов и поиску эффективных моделей разрешения этнополитических противоречий на пространстве «Большого Кавказа».

Соответствие содержания диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертация полностью соответствует следующим пунктам паспорта специальности **23.00.05 – «Политическая регионалистика. Этнополитика»:**

27. Этнополитическая мобилизация. Этноцентризм. Влияние национализма на этнополитические и региональные конфликты.

29. Направления этнополитики: обеспечение равноправия этнических групп, регулирование этнополитических конфликтов.

31. Региональные и этнополитические конфликты в современном мире. Сущность региональных и этнополитических конфликтов. Их субъекты, объекты, ресурсная база, стадии развития. Типология региональных и этнополитических конфликтов. Методики и технологии управления региональными и этнополитическими конфликтами.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были опубликованы в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России и утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова, общим объемом 3 п.л., и апробированы на следующих научно-практических конференциях и круглых столах:

– Круглый стол «20-летие Конституции Республики Абхазия», Москва, Посольство Республики Абхазия в Российской Федерации, 26 ноября 2014 года;

- Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2015», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 13–17 апреля 2015 года;
- Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 11–15 апреля 2016 года;
- III международная научно-практическая конференция «Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы», Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 20 мая 2016 года;
- Круглый стол «Региональные процессы в мировом политическом пространстве XXI века», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, 24 декабря 2016 года;
- Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2017», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 10–14 апреля 2017 года.

Структура диссертационного исследования predetermined целью и задачами настоящей научной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (в их структуре содержатся логически последовательные параграфы), заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

1.1 Формирование представлений о природе этнополитических конфликтов

Рост этнического самосознания приобрел особую значимость в контексте часто изменявшихся границ государств на протяжении конца первой половины и начала второй половины XX века. Такие факторы, как борьба колониальных территорий за собственный суверенитет, за право независимого определения внутренней государственной самоорганизации, становление институтов государственной власти и дальнейшего развития правосубъектности на международной политической арене послужили катализатором усиления этнополитического противостояния в различных регионах мира⁸.

К началу XXI века на земном шаре было зафиксировано свыше двухсот этнополитических конфликтов⁹. Причинами столкновений на этнополитической почве выступали всплески активности националистических и сепаратистских движений; военно-политическая деятельность этнических групп с целью автономизации либо суверенизации; стремление к этнотерриториальному обособлению; развертывание радикальными этноконфессиональными группами экстремистской деятельности и многое другое. Особо следует выделить и роль некоторых мировых игроков, заинтересованных в нагнетании этнополитической напряженности в различных регионах для продвижения собственных геополитических интересов.

Британский ученый-марксист Э. Хобсбаум указывал на интенсивный всплеск этнополитических конфликтов в XX веке¹⁰, обусловленных противоречивостью внутригосударственных и межгосударственных процессов; глобальными социально-политическими преобразованиями; обострением

⁸ *Троицкая О.В.* Право наций на самоопределение: концептуальные подходы и практики применения // *Полис. Политические исследования.* 2015. № 6. С. 116–130.

⁹ *Stavenhagen R.* *Ethnic Conflict and the Nation State.* Basingstoke: Macmillan, 1996. P. 11.

¹⁰ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991 / Пер. с англ. Е.М. Нарышкиной. М.: Изд-во Независимая Газета, 2004. С. 7–10.

проблем автономизации и суверенизации; осложнением межнациональных отношений, вызванных усилением активности миграционных процессов, ростом количества вынужденных переселенцев и беженцев; а также множеством других аспектов, повлиявших на динамику развития многих стран земного шара¹¹.

Системное переосмысление теоретико-методологического содержания категории «конфликта» пришлось на конец XIX – начало XX века. В этой связи следует упомянуть таких мыслителей, как О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер, Г. Зиммель, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Н. Луман, Р. Мертон и др. На протяжении XX века происходила качественная трансформация теории конфликта, складывались базовые конфликтологические научные концепции и парадигмы¹².

В теориях конфликта, раскрывающих форму восприятия окружающего мира, делается особый упор на то, что конфликт – это естественное явление в современной жизни общества и государств. Причинно-следственные связи конфликта влияют на формат современных отношений как внутри социума, так и между этническими общностями и странами. По мнению Д. Элазара, основной характеристикой эпохи постмодерна является этническое возрождение, устремленное к сохранению самоидентичности¹³.

Этнополитические конфликты стали предметом системного исследования относительно недавно, на рубеже 80–х – 90-х годов XX века, в условиях интенсивного междисциплинарного синтеза таких наук, как политология, этнология и конфликтология. Этнополитические противостояния рассматриваются и множеством других смежных гуманитарных дисциплин. В рамках политологического знания особая роль отводится комплексному анализу этнополитического конфликта и его составляющих.

Руководствуясь принципами формальной логики и дедуктивного умозаключения в исследовании природы этнополитических конфликтов, ученые

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2003. С. 421–427.

¹² Осипов И.Д. Концептуально-методические основы истории конфликтологии // Конфликтология. 2015. № 4. С. 251–255.

¹³ Elazar D.J. Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements [Электронный ресурс] // URL: <http://www.jcpa.org/dje/books/fedsysworld-intro.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

уделяют большое внимание определению структуры и сущности политических и этнических конфликтов.

Так, К. Шмитт полагал, что политическое зиждется там, где в структуре отношений субъектов присутствует дихотомия «друг – враг»¹⁴. В силу этого получает свое рациональное обоснование то, что политические конфликты включают в себя принципы соперничества либо сотрудничества субъектов. А это влечет за собой появление различного рода союзов, основанных на политической воле, способствует инновационному приросту и трансформациям и в целом прогрессу в общественно-государственном сегменте. В то же время С. Липсет отмечал, что известные политические институты демократии могут быть использованы не только исключительно как форма разрешения конфликтной ситуации, но и как дестабилизирующий фактор в процессе взаимодействия политических субъектов¹⁵. Исследователь Л. Кризберг определил конфликт как всякое отношение между двумя и более субъектами, уверенными в том, что их фундаментальные цели несовместимы¹⁶.

При определении содержания понятия «конфликт» любого типа необходимо учитывать как форму и хронологию событий возникающего столкновения, так и мотивационные, психологические и поведенческие предпосылки. В этом контексте, в качестве универсального определения термина «конфликт» используется трактовка известного американского социолога Л. Козера, согласно которой «конфликт является борьбой, разворачивающейся вокруг доступа к ресурсам, власти и достижению желаемого статуса, при этом возникает необходимость подавить инициативу оппонентов противостояния»¹⁷.

Дефиниции политического и этнического конфликтов имеют схожие базовые характеристики, фиксирующие столкновение субъектов с различными целями, однако, по мнению диссертанта, являются разными проявлениями социального конфликта.

¹⁴ Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. Кильдюшов. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. С. 33–66.

¹⁵ Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии [Электронный ресурс] // URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

¹⁶ Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood, NJ: Prentice-Hall, 1973. P. 29–30.

¹⁷ Coser L. The Functions of Social Conflict. N.Y.: The Free Press, 1964. P. 11–13.

Анализ понятия «политические конфликты» показывает, что среди иных типов социальных конфликтов они выделяются сферой своего проявления. Политический конфликт определяется как особое столкновение субъектов политической деятельности в их обоюдном целеустремлении по достижению желаемого объема власти или перераспределения ресурсов, в частности корректировки политического статуса.

Этнические конфликты формируются из-за сложностей в бытовых, политических, социально-экономических взаимоотношениях, как правило, между компактно сосуществующими этническими группами, либо имеющими друг с другом административно-территориальные границы, не всегда совпадающие с границами историческими. При этом этнические конфликты выделяются не по сфере проявления, а по качествам задействованных в противостоянии субъектов. Как минимум один из субъектов конфликта – этническая группа, группа людей, обладающих общей этнической идентичностью, которая отождествляет свое отличие от иных этнических групп культурно-ценностным различием¹⁸.

Как полагает автор, национальное самосознание неправомерно связывать ни с причиной этнических конфликтов, ни со сферой их проявления. Достаточно часто наблюдаются ситуации, при которых обострение межэтнического напряжения спровоцировано экспроприацией властных ресурсов, предвзятостью при распределении ресурсов внутри государства, либо беспокойством представителей этнической общности по поводу возможной культурной дискриминации. Этнический конфликт охватывает широкий ситуативный спектр, включая социальный, политический, экономический и лингвистический аспекты¹⁹. Имеющиеся этнические различия между группами людей становятся сигналами для политической мобилизации, в абстрактном смысле они представляют сущностные культурные отличия групп людей и форм их идентичности.

¹⁸ Тушков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 310–317.

¹⁹ Stavenhagen R. Ethnic Question: Conflict, Development and Human Rights. Tokyo: UN University Press, 1990. P. 34–36.

Этническая идентичность – совокупность представлений членов этнической группы, которые определяют их связь с конкретной общностью людей и отличают от представителей иных социальных групп по этническому признаку. Этническая группа обладает набором признаков, основываясь на которых, ее члены воспринимают себя в качестве единой общности. Среди этих признаков культура, язык, фенотип, религия, территориальная принадлежность, традиции, обычаи, обиход, представления о единстве исторической судьбы²⁰. Современные тенденции в вопросах культурной интеграции свидетельствуют о придании символизма некоторым этническим атрибутам.

Индивиду необходимо осознавать себя частью какой-либо общности, и в этом случае этническая группа является не единственной общностью, в которой человек находит свое место. Среди иных: церковь, политические партии, общественные организации, профессиональные объединения и т.д. Полное погружение в подобные общности не всегда приводит к удовлетворению человеческих потребностей. Динамика социальных общностей достаточно сильно отражается на ее членах, приводит к неожиданным переменам и потрясениям. Этническая группа же обладает большим иммунитетом к различным цивилизационным и временным потрясениям, она стабильна в составе, а личность обладает устойчивым статусом в группе, зачастую поддерживаемым коллективной этнической солидарностью²¹.

Отличительной особенностью этнической идентичности является способность элитарной части этнической группы в кратчайшие сроки мобилизовать значительную часть общности, манипулируя эмоциональными составляющими предмета и сути консолидации²².

Научный анализ этнополитического конфликта и средств его успешного регулирования во многом определяется интерпретациями сущности этничности. В контексте этнополитической конфликтологии и этнополитологии существуют три магистральные парадигмы, которые с разных позиций рассматривают

²⁰ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 5–10.

²¹ Там же. С. 12–15.

²² Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 39–40.

природу и роль этничности в конфликтах: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиалистская парадигма раскрывает принцип существования коллективных общностей – этносов, где принадлежность того или иного человека к этнокультурной общности является неопровержимой объективной данностью. Данный подход занимал доминирующую позицию в этнологии и социальной антропологии вплоть до середины XX века.

Представитель примордиализма – американский исследователь Пьер ван дер Берге – полагал, что в основании внутриэтнических коммуникаций лежит объективность родственных связей, вытекающих из того, что этничность – явление наследственного порядка²³. В отечественной теории этничности примордиалистская парадигма была представлена в нескольких направлениях, прежде всего с уклонами в биологический и географический детерминизм, в работах Л.Н. Гумилева и С.М. Широкогорова.

С.М. Широкогорov определяет этническую общность как конкретную группу людей, являющихся носителями общего языка, признающих общность своего происхождения, обладающих обычаями и традициями, номинальным образом отличающихся от других этносов. Этнoсы в этом случае классифицируются по нескольким признакам: во-первых, антропологическим, включающим физиологические характеристики человека; во-вторых, этнокультурным, включающим комплекс обычаев и традиций; последний признак – лингвистический, соответственно языковая связь²⁴. Согласно пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, этническая общность представляет собой явление, обусловленное географическими и биологическими факторами, «этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем

²³ *Van den Berghe P.* The Ethnic Phenomenon. N.Y.: Elsevier, 1981. P. 1–5. [Электронный ресурс] // URL: <https://lesacreduprintemps19.files.wordpress.com/2012/12/the-ethnic-phenomenon-1987-by-pierre-l-van-den-berghe.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁴ *Широкогорov С.М.* Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/ShirokogorovEthnos.html> (дата обращения: 10.05.2017).

известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью: «Мы такие-то, а все прочие другие»²⁵. По убеждению автора данного исследования, взгляды Л.Н. Гумилева далеки от строгой научности, ключевые его утверждения не имеют должного научного обоснования, и, свою очередь, не поддаются процедуре верифицирования.

В представлении вышеупомянутых исследователей, на наш взгляд, вычленяется риторика, согласно которой этническая общность формируется на основании социобиологического типа, детерминированного природно-территориальными факторами²⁶. Однако раскрытия содержания понятий «этнос» или «этническая группа» с последующей возможностью диагностирования данного феномена в «околонаучных» изысканиях С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева не наблюдается.

Другое направление примордиализма, базирующееся на культурных и исторических факторах, достаточно полно раскрывалось в работах отечественных исследователей В.И. Козлова²⁷, Ю.В. Бромлей²⁸. Их построения основывались на представлении о том, что этническая общность (этнос) – сплоченная группа людей, объединенная общностью культуры, с наличием этнических признаков, таких как: язык, территория, производственные отношения, раса, религиозная принадлежность и психоэмоциональный тип, сформировавшийся в условиях этногенеза. Академик Ю. Бромлей рассматривал этническую общность как явление сугубо социально-культурное, через призму дуалистической теории этноса, определяя этнос как «исторически сложившуюся на территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык и психику), а также сознанием своего единства и отличия от всех

²⁵ Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. С. 285.

²⁶ Филиппов В.Р. Советская теория этносов: историографический очерк. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 207.

²⁷ См.: Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. М.: Старый сад, 1999. 343 с.

²⁸ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)»²⁹. С нашей точки зрения, важно уточнить, что в данном определении предложены этнические атрибуты, которые в принципе могут существовать в общественной среде независимо друг от друга. Соответственно, как мы считаем, диагностируемая категория этничности здесь не раскрывается в полной мере.

Если применить данный подход к этнополитическим конфликтам, то основой данных конфликтов оказывается этническое начало, способствующее развитию националистической риторики, межнациональной неприязни, нетерпимости между этническими группами, искусственной политизации бытовых проблем. Из этого следует, что этническая общность несет конфликтогенный характер априори. Подобный подход, по сути, предполагает, что исследователь бессилён найти теоретически обоснованные способы поддержания межнационального согласия и межконфессионального мира. Таким образом, использование в современных этнополитических исследованиях исключительно примордиалистского подхода лишено, с нашей точки зрения, конструктивного научного основания.

Инструменталистская парадигма концентрирует свое внимание на рациональных свойствах и функциях этничности в политической и общественной жизни людей. Последователи инструментализма определяют этническую общность не как объективную данность человеческой среды, а как уникальный феномен, являющийся инструментом политической конкуренции и борьбы за различные ресурсы. Свои истоки инструментализм берет из теории структурного функционализма, базирующегося на идеях и взглядах Макса Вебера³⁰.

В ходе развития основных положений структурного функционализма инструменталистская парадигма позволила выявить социальные и культурные свойства этничности как механизма, посредством которого реализуются интересы групп или отдельно взятых личностей. В данном контексте обособление по этническому признаку производится вполне осознанно, путем прямого

²⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 58.

³⁰ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / Пер. с нем. яз. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 448 с.

отождествления себя с похожими людьми. Подобный процесс можно представить также с позиции политической прагматичности и выгоды, подобно тому, как члены общества указывают свою принадлежность к тем или иным политическим и общественным организациям.

В формирование инструменталистской парадигмы ощутимый вклад внес исследователь П. Брасс, уделявший внимание вопросам этнической мобилизации, характеру манипулирования группами интересов различными атрибутами этничности³¹. Заметными представителями инструменталистского подхода являются Д. Горовитц³² и Дж. Ротшильд³³.

Британский социолог М. Бентон в анализе этнических групп полагался на социально-психологические научные подходы, обосновывающие некую сознательность в самоопределении индивидом собственной этнической идентичности. В то же время он указывал на то, что этническая группа является результатом мифа, искусственно созданного и в дальнейшем используемого организацией либо элитой³⁴.

Главным отличием инструментализма от примордиализма является представление этнической идентичности не статичным, а динамичным явлением. Солидаризация с этим положением не снимает, однако обязанности с автора дать свою оценку возможностям инструментализма.

Этнические группы представляются в нем основными действующими субъектами этнополитического противостояния, однако, если воспринимать этничность как инструмент, возникает, с нашей точки зрения, оправданный вопрос о характере влияния и воздействия на этническую группу различных организаций, элит и групп интересов. В самом широком смысле к их числу можно отнести государство и его институты, террористические и военизированные организации, политические партии, общественные движения и этнокультурные

³¹ Brass P. R. *Ethnic Groups and the State*. L.: Croom Helm, 1985. P. 94–105.

³² См.: Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 699 p.

³³ См.: Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y.: Columbia University Press, 1981. 290 p.

³⁴ Banton M. *Ethnic Conflict* // *Sociology*. 2000. Vol. 34. № 3. P. 481–498.

ассоциации. Некоторые из них могут позиционировать себя в роли трансляторов воли этнической группы, представляя их интересы и цели³⁵.

По мнению диссертанта, организации располагают достаточным объемом материальных и организационно-производственных ресурсов, готовы направить их на реализацию конкретных целей и задач в ходе этнополитического конфликта. В данном случае яркими примерами таких организаций являются: Ирландская республиканская армия и Рабочая партия Курдистана. Посредством воли сил, инициировавших этническую мобилизацию, этническая общность способна выступать в качестве объекта спланированного действия.

С позиции инструменталистского подхода этнополитическое противостояние является взаимодействием в форме конфронтации субъектов, конкурирующих между собой в политической среде. При этом не менее важными составляющими в эскалации противостояния становятся экономические, социальные, демографические, территориальные и культурные факторы. Этническая общность в этом смысле не является инициатором противостояния. Уместно высказывание Р. Брубейкера: «Организации, а не этнические группы как таковые суть главные двигатели этнического конфликта и этнического насилия, и <...> отношения между организациями и группами, от имени которых первые хотят выступать, часто глубоко неоднозначны»³⁶.

Зачастую коллективные связи и ощущение сопричастности ко всем процессам, происходящим внутри коллектива, лишают индивида возможности абстрагироваться от этнической группы без значительных потерь социально-психологического характера. Использование этнической идентичности в качестве инструмента организованного действия зависит не только от осознанного интереса, но и от психологических и эмоциональных установок по восприятию окружающих процессов. В этой связи, как мы полагаем, инструментализм должным образом не фокусирует внимание на социальном аспекте идентичности,

³⁵ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 37–40.

³⁶ Там же. С. 40.

пытаясь рассмотреть этничность вне релевантных общественных процессов и отношений.

С конца XX века современные теоретико-методологические исследования при анализе сущности этничности и природы этнополитического противостояния основаны на конструктивистской парадигме. Импульсом ее развития послужила монография П. Бергера и Т. Лукмана³⁷. Авторы концентрируют внимание на обществе, являющимся продуктом социального конструирования индивидов, которые самостоятельно, путем коммуникаций разного уровня, формируют реальность вокруг себя.

На начальном этапе становления конструктивизм получил признание в американской научной среде, где особый интерес вызвали вопросы роли сознания и языка, конструирования этноидентичности и др. Современное понимание этничности в мировой науке отождествляют с работами Ф. Барта³⁸. Ученый измерял природу этничности категорией социальной идентичности со свойственной ей ситуативностью, формирующейся в условиях символической дифференциации членов социума. Принадлежность человека к этнической группе, по мнению К. Калхуна, кроется в его собственном представлении об этой общности, соответственно, сознание выполняет регулятивную функцию в вопросе отождествления «себя» с группой³⁹.

По мнению В.А. Тишкова, процесс становления и развития этничности происходит в ходе социального опыта, связывающего членов группы, отождествляющих себя с единой этнической общностью. В силу этого этническую идентичность уместнее рассматривать в контексте социальной организации, нежели общностью на исключительно культурных основаниях⁴⁰. Этническая общность использует в качестве механизма обособления от других групп социальные маркеры, позволяющие определять границы и этногрупповые

³⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

³⁸ См.: Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. IL: Waveland Press, 1998. 153 p.

³⁹ Калхун К. Национализм / Пер. Смирнова А., М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 73–75.

⁴⁰ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 105–110.

различия. Наиболее важное значение для конструктивистского направления приобретает не характер этнической группы, а то, каким образом идентифицируют этническую группу ее члены.

Исследования, проведенные Т. Гурром и Б. Харффом в первой половине 1990-х годов и нацеленные на выявление закономерностей в активности этнических меньшинств, позволили полнее обосновать конструктивистские концепции этничности. Согласно их исследованиям, разные виды социальной идентичности, независимо от их принадлежности к конкретным явлениям, несут значительную степень ситуативности и динамичности⁴¹.

В частности, по мнению Р. Брубейкера, фокусирование внимания конструктивистов на категориях, связанных с различными способами функционирования и существования этнических групп, позволяет указать на субстанциональную несостоятельность сущности этничности⁴². В большинстве случаев мотивы действий лидеров и элит кроются в реализации собственных политических целей, от орбиты которых достаточно сильно удалены важные культурные и социальные вопросы этнической группы, требующие неотложного решения. В.А. Тишков по этому поводу отмечает, что идентичность этнической общности выражается не только в динамике представлений о самой группе, но и в возможности контроля и манипуляции над этими представлениями и ценностями со стороны заинтересованных групп лиц и элит⁴³.

Конструктивистская парадигма в отношении этнополитических конфликтов имеет базовые сходства с инструменталистским направлением, вслед за которым указывает, что этничность, как таковая, не может выступать в роли главного катализатора конфликта. Чувствительность людей в самоидентификации, отождествлении с конкретной этнической общностью не может априори выступать причиной этнополитического противостояния. На зарождение и дальнейшее развитие конфликта, приобретающего номинально этнополитический статус, оказывают воздействие разноплановые действия элит и заинтересованных

⁴¹ См.: Gurr T.R., Harff B. *Ethnic Conflicts in World Politics*. Boulder, CO: Westview Press, 1994. 256 p.

⁴² Брубейкер Р. Указ. соч. С. 40.

⁴³ Тишков В.А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3–21.

лиц, способные мобилизовать и использовать общность для реализации личных целей и задач. Тем не менее, в дополнение к инструменталистской парадигме, конструктивисты полагают, что конфликты могут быть порождены иррациональными и кризисными процессами, протекающими в социальной сфере, контроль над которыми осуществлять практически невозможно.

В рамках конструктивизма вызывают интерес размышления известного американского исследователя Д. Горовитца, который развивает концепцию «смертельного этнического бунта», ситуации, при которой этническое противостояние приобретает иррациональный характер. Полагая, что смертельный этнический бунт обладает спонтанностью, избирательностью по отношению к выбору жертв, или, как это можно понимать из контекста, — оппонентов противоборства, с учетом их идентичности и ярко выраженной межгрупповой неприязни⁴⁴, порой происходит его рутинизация. Противостояние и оппонирование иной социальной группе приобретает ритуальный характер в, казалось бы, спонтанных действиях, инициированных номинально делегированными от этнической группы лицами.

Конструктивизм нацелен на выявление типов и структуры социальных сфер, при которых высока вероятность развития межгруппового конфликта, обретающего статус этнополитического противостояния.

Рассмотренные выше парадигмы не обладают, как мы видим, взаимоисключающим характером, напротив, в той или иной степени они взаимодополняют друг друга по той простой причине, что акцентируют внимание на анализе и рассмотрении одного явления с разных точек зрения. Стоит также отметить, что в рамках одного направления у ряда авторов наблюдаются принципиальным образом отличающиеся друг от друга подходы к разбору конкретных конфликтных явлений и событий. Поэтому необходимо учитывать особенности каждой парадигмы, однако надеяться на полный синтез всех направлений как равноправных не приходится. Во многом это связано с невозможностью их интеграции и обобщения в единое концептуальное решение.

⁴⁴ См.: Horowitz D. The Daily Ethnic Riot. Berkeley: University of California Press, 2001. 605 p.

Правомерно в этих условиях выделить доминирующую роль конструктивистской теории, способной дать более полные ответы на многие ключевые вопросы современной социальной теории конфликта. Этничность как особый социальный конструкт, способна побуждать и мобилизовать индивидов, членов той или иной этнической общности, на конкретные шаги, зачастую направленные на изменение действующей социальной структуры. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, в очередной раз характеризует этнический конфликт как специфичную форму социального конфликта. Приверженность дедуктивному методу исследования позволяет определять этнополитический конфликт как особую разновидность социального конфликта, имеющего политическую подоплеку.

1.2 Современные научные подходы к исследованию этнополитических конфликтов

Развитие этнополитической конфликтологии нашло отражение в известных публикациях ранее упомянутых ученых в области теории конфликта, прежде всего таких как Л. Козера, Р. Дарендорфа и др.⁴⁵ В Западной Европе и Северной Америке также были созданы крупные научно-исследовательские центры, изучающие проблемы, возникающие в ходе войн, дальнейших миротворческих мероприятий, вопросы взаимодействия этнических общностей в периоды обострения конфликтов и постконфликтного времени. На протяжении многих лет издаются журналы по проблемам конфликтологии: «Журнал по урегулированию конфликтов» (с 1957 года) и «Журнал по изучению мира» (с 1964 года).

Конфликты на этнической почве в Западных странах воспринимались как явление, несвойственное для региона, динамично развивающегося в русле демократических и индустриальных реформ. Острота этнического и расового противостояния в представлении североамериканских исследователей являлась

⁴⁵ См.: Coser L. Op.cit.; Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959. 336 p.

ситуативным анахронизмом, который был обречен на полное изживание в общественно-политической жизни в условиях интенсивной модернизации.

Основополагающим импульсом в формировании специальной научной дисциплины по проблемам этнополитических конфликтов стала беспрецедентная политизация этничности, вытекающие из этого различные формы межгруппового противостояния, прямым или косвенным образом касавшиеся общественно-политической среды как в странах развитого Запада (Европы, США и Канады), так и в странах «третьего мира» на рубеже 1960–1970-х годов⁴⁶.

Широкие масштабы приобрели сепаратистские настроения и движение в Канаде, в большей мере проявившиеся в провинции Квебек, выраженные в желании франкофонской части населения по этнотерриториальному признаку обособиться от Канады, заполучив при этом суверенитет и независимость. Главным последствием событий 1970-го года для Канады стал конституционный кризис. И в нынешнее время, несмотря на особые федеративные отношения, заложенные в нормативных правовых актах Канады, в стране присутствует этнополитическое напряжение⁴⁷.

Этнические мотивы прослеживались в многочисленных манифестациях «левых», студентов и движениях революционного характера 1968–1969-х годов во Франции, в Италии и в Германии. Наиболее продолжительным был североирландский конфликт (с начала 1960-х по 1998 год). Периодическое вооруженное противостояние между английскими властями и североирландскими сепаратистами вокруг политического статуса Северной Ирландии, осложненное этноконфессиональными противоречиями, противостоянием большинства англичан-протестантов и ирландцев-католиков. История конфликта насчитывает несколько веков, однако со второй половине 1980-х годов противоборствующие стороны устремились к двухстороннему решению проблем, результатом чего стало принятие Белфастского соглашения от 10 апреля 1998 года. Вместе с тем,

⁴⁶ Маруховская-Картунова О.О. Этнополитическая конфликтология в полиэтничных обществах: многофакторный анализ ее актуализации // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 7–8. С. 65–69.

⁴⁷ Жуков Д.С. Урегулирование конфликтов на основе регионального сепаратизма (на примере Квебека и Северной Ирландии) // Россия и Америка в XXI веке. 2012. № 3. С. 9–10.

даже учитывая достигнутые результаты, невозможно с полной уверенностью сказать, что принятие данного соглашения исчерпало ранее существовавшие разногласия, в том числе конфликт межконфессионального характера. Тем не менее, стороны противостояния стали ориентироваться на диалог и нахождение компромиссов, отказавшись от использования насильственных методов.

К европейским территориям с этнополитическими противоречиями стоит отнести: Южный Тироль в Италии, Каталонию в Испании, Косово, федеративные субъекты в Бельгии и др.; в данных регионах нередко этнополитическая напряженность перерастала в открытые столкновения. Многие исследователи соотносят этот период с «этническим возрождением» Европы⁴⁸.

Страны Азии и Африки во второй половине XX века захлестнула волна постколониальных процессов и национально-освободительных движений. В большинстве случаев формирование независимых постколониальных государств сопровождалось внутривнутриполитическими и этнополитическими конфликтами, а также гражданскими войнами. Подобного рода события можно было наблюдать в израильско-палестинском конфликте, алжиро-марокканском пограничном конфликте, пакистанско-индийском конфликте, гражданских противостояниях на Кипре, в Ливане, в Нигерии, в Судане, в Уганде, в Индонезии, в Китае, в Шри-Ланке и других развивающихся странах «третьего мира». Эти процессы требуют глубокого осмысления и поиска приемлемых механизмов по их предотвращению.

В 1960–х–1970–х годах происходит становление этнополитической конфликтологии как междисциплинарной области научных знаний. Оно ознаменовано неаддитивными процессами аккумуляции знаний о феномене этнополитического конфликта, который вытекал из сопряженных научных дисциплин: социологии, политологии, этнологии, социальной антропологии и истории. Наиболее заметные опубликованные работы по проблематике исследований этнополитического противостояния принадлежат Ф. Барту,

⁴⁸ См.: Ландабасо Ангуло А.И., Коновалов А.М. Терроризм и этнополитические конфликты. Книга первая. Из истории басков. М.: Изд-во «Огни», 2004. 454 с.

Т. Шибутани, М. Хехтеру и др.⁴⁹ Их основное внимание было сосредоточено на межэтнических отношениях, политической конкуренции этнических общностей и элит; на проблемах иммиграции и процессах «внутреннего колониализма». Однако ряд политологов – С. Энлоу, К. Янг, М. Эсман и некоторые другие⁵⁰ – заостряли внимание на проблемах вертикали власти; коммуникации этнических общностей с представительными органами власти; источниках зарождения национализма, проблемах мира и согласия между представителями разных этнических общностей в полиэтничных государствах; групповой и коллективной самоидентификации, этническом самосознании; и др.

Качественное изменение в толковании сущности понятия «этнополитический конфликт» приходится на 1980-е годы, когда произошло оформление этнополитической конфликтологии в отдельную, так или иначе состоявшуюся, конфликтологическую дисциплину (раньше она была составной частью междисциплинарных исследований научно-гуманитарного плана). Насущные проблемы разрешения и анализа этнополитических конфликтов на рубеже конца 1980-х и начала 1990-х годов становятся центральными исследованиями в ведущих научно-исследовательских центрах по изучению стабильности и безопасности в различных сферах человеческой жизнедеятельности. К числу указанных организаций необходимо отнести функционирующие и в нынешнее время: «Центр Картера», основанный в 1982 году бывшим президентом США – Джимми Картером; учрежденный актом Конгресса США в 1984 году – Институт мира (USIP), Стокгольмский институт исследований проблем мира (SIPRI), основанный в 1966 году; Школу для анализа и разрешения конфликтов Университета Джорджа Мейсона (S-CAR) в США, основанную в 1981 году; Австрийский исследовательский центр по вопросам мира и урегулирования конфликтов (ASPR), основанный в 1982 году; Институт

⁴⁹ См.: *Barth F.* Указ. соч.; *Shibutani T., Kwan K.M.* *Ethnic Stratification*. N.Y.: Macmillan 1965. 626 p.; *Hechter M.* *Ethnicity and Industrialization: On the Proliferation of the Culture Division of Labor* // *Ethnicity*. 1976. Vol. 3. P. 214–224.

⁵⁰ См.: *Enloe C.* *Ethnic Conflict and Political Development*. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 282 p.; *Young C.* *The Politics of Cultural Pluralism*. Madison and London: The University of Wisconsin Press, 1976. 560 p.; *Esmann M.* *Ethnic Conflict in the Western World*. N.Y.: Cornell University Press, 1977. 399 p.

исследований мира в Осло (PRIO), основанный в 1959 году норвежским социологом Йоханом Галтунгом.

Следующий шаг в пересмотре феномена этнополитического конфликта был сделан в начале 1990-х годов. К этому времени исследовательское внимание начало концентрироваться на выработке эффективных средств по предотвращению этнополитических конфликтов современности, что было обусловлено резкими трансформациями политического содержания в различных частях земного шара. С ослаблением уровня конфронтации между Западными странами и государствами социалистического лагеря, истощением на тот момент актуальности двухполюсной структуры международной политической системы – биполярного мира, проявлявшегося в антагонизме военно-политического блока НАТО и военного союза в рамках ОВД при ведущей роли СССР, начинается формироваться новая конфигурация в мирополитическом устройстве⁵¹.

Конфронтация стала отходить от идеологической и цивилизационной составляющей. Конфликтологическое измерение стало фокусироваться на локальных и субрегиональных модусах (на основании расовой принадлежности, этнического размежевания, вероисповедания, статусов и др.).

Процессы, обусловленные этнополитической напряженностью, стали характерными для многих стран Африки⁵² (таких, как Намибия, Ангола, Руанда, Кения и др.) и посткоммунистических государств⁵³ (таких, как Хорватия, Босния, Косово, Грузия, Армения, Азербайджан, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах). К концу XX века не прекращались затяжные конфликты и во многих других регионах мира – на Ближнем Востоке и в Азии.

Как отмечает швейцарский исследователь У. Альтерматт, в то же время наблюдались ощутимые проблемы внутри Европы, имевшие националистические,

⁵¹ См.: Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 172–187.

⁵² См.: Костелянец С.В. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 4. С. 196–202.

⁵³ См.: Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М.: Экзамен, 2005. 224 с.

расовые, миграционные и межконфессиональные основания⁵⁴. Содержание этих проблем не соответствует популярным позициям гуманизма, толерантности, терпимости, демократии и равенства, пропагандируемые правительствами западноевропейских стран. Конфликтные процессы во всем своем многообразии и многофакторности стали во многом определять внутреннюю социально-политическую повестку таких государств, как Бельгия, Франция и Испания.

Этнополитические процессы, происходившие с начала 1990-х годов, оказали прямое и непосредственное влияние на содержание комплексных исследований в области этнополитической конфликтологии. Наметилась тенденция к соотнесению и постепенному нахождению общих точек соприкосновения феномена этнополитического конфликта с такими явлениями, как нациестроительство, этническое насилие, национализм, демократия и реализация права народов на самоопределение. Эти тенденции нашли отражение в работах К. Корделла, Г. Шопфлина, Д. МакГарри и Б. О'Лиери, Т. Гурра и др.⁵⁵

Характер познания этнополитических конфликтов преобразовался в исследованиях видных представителей политологической науки, теории и практики международных отношений, рассматривавших этнополитические противоречия в контексте мировых политических процессов, оказывающих непосредственное влияние на мировую и региональную безопасность. К числу исследователей этого направления можно, в частности, отнести М. Брауна⁵⁶ и Б. Позена⁵⁷.

Пристальное внимание проблемам урегулирования и управления этнополитическими конфликтами начали уделять во второй половине последнего десятилетия XX века. При этом, приоритетными направлениями исследований стали: выявление потенциально эффективных процедур и методов регулирования,

⁵⁴ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 36–42.

⁵⁵ См.: Cordell K. *Ethnicity and Democratization in the New Europe*. L.: Routledge, 1998. 240 p.; Schopflin G. *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West / Nationalism and Nationalities in the New Europe*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1995. P.37–65.; McGarry J., O'Leary. *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. L., N.Y.: Routledge, 1993. 295 p.; Gurr T.R., Harff B. *Ethnic Conflicts in World Politics*. Boulder: Westview Press. 1994. 224 p.

⁵⁶ См.: Brown M.E., Cote O.R., Lynn-Jones S. and Miller S. (eds). *Nationalism and Ethnic Conflict*. Cambridge: MIT Press. 2001. 509 p.

⁵⁷ См.: Posen B. *The Security Dilemma and Ethnic Conflict* // *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 103–124.

профилактики межэтнических и этнополитических конфликтов; постконфликтное взаимодействие и устранение последствий противостояния. Заметная роль отводилась публикациям, которые раскрывали прикладные аспекты постконфликтного взаимодействия. Параллельно создавались новые и развивались ранее действовавшие специализированные научно-исследовательские учреждения, внесшие серьезный вклад и в знания об этнополитическом конфликте и способах его разрешения. К их числу необходимо отнести: Центр по разрешению конфликтов Кейптаунского университета (CCR), созданный профессором Х. ван де Мерве в 1968 году; Научно-исследовательский центр Бергхофа по конструктивному управлению конфликтами на базе Бергхофского фонда, основанный в 1993 году; Механизм по предотвращению, регулированию и разрешению конфликтов (MCPMR), принятый в 1993 году Центром управления конфликтов Организации Африканского Единства; Международный институт по исследованию конфликтов (INCORE), созданный в 1993 году при сотрудничестве Университета ООН и Университета Ольстера; Европейский центр по предотвращению конфликтов (ECCP), созданный в 1997 году в Гааге; Фленсбургский центр по вопросам этнических меньшинств (ECMI), созданный в 1996 году, и другие организации. Стоит отметить, что существенное влияние на качество исследований оказали профильные научно-просветительские периодические издания «Национализм и этническая политика», «Глобальный обзор этнополитики», «Журнал исследования геноцида», «Нации и национализм» «Вопросы этнополитического развития» и др.

Научные исследования по прогнозированию и предотвращению этнополитических конфликтов не утрачивают своей актуальности и в настоящее время. Это связано с демаркацией политической карты мира, форсированием миграционных процессов, возрастанием социально-политической роли ведущих транснациональных корпораций мира, развитием международного терроризма, ростом ксенофобии, крахом политики мультикультурализма в развитых странах.

Также наметилась тенденция синтезирования современных научных изысканий по вопросам политического и этнического размежевания со смежными

категориями конфликтологического знания, которые актуализировались на фоне кризисных событий в некоторых постсоветских и арабских странах. Речь, в частности, идет о механизмах управления конфликтами, роли третьих лиц в конфликтах, механизмах и технологиях «цветных революций», инструментах информационно-психологического воздействия в условиях конфронтации и др.⁵⁸

Отечественные специальные исследования феномена этнополитического конфликта начались позднее. Основная причина заключалась в отсутствии необходимой фундированной научной и апостериорной базы, несмотря на серьезные достижения и глубокие традиции советской этнологии. Вплоть до начала 1990-х годов конфликтология, как и политология, не имели статуса отдельных сложившихся научных дисциплин ввиду безальтернативно господствовавшей официальной идеологии с ее ориентациями на приоритет лишь классового начала в познании общественных процессов, формационные измерения политического развития⁵⁹.

Возникновение этнотерриториальных противоречий на постсоветском пространстве после распада советского государства потребовало серьезных корректив в научном анализе и скорейшего принятия необходимых политических мер. Возникла острая необходимость в разработке оптимальных алгоритмов разрешения развернувшихся этнополитических конфликтов. С началом последнего десятилетия XX века в России стала происходить интенсивная аккумуляция сведений, знаний и фактов об этнополитическом размежевании, на значительно более широких, чем ранее, методологических принципах.

Рассматривая вопрос о современном толковании этнополитического конфликта, можно зафиксировать, что в целом в отечественной политологии за основу взято следующее его определение: «Борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния»⁶⁰. Несколько

⁵⁸ См.: Маноило А. В. Управление международными конфликтами. Торонто: Altaspera Publishing & Literary Agency Canada, 2013. 521 с.

⁵⁹ См.: Ариба О.И. Этнополитические конфликты и геополитические факторы. М.: Агент, 1998. С. 23.

⁶⁰ См.: Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета. 2011. С. 193.

шире формулирует сущность феномена российский специалист в области этнополитической конфликтологии А.Р. Аклаев, указывая на то, что «этнополитические конфликты представляют собой столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа»⁶¹.

В некоторых научных источниках по теоретико-прикладным вопросам политической конфликтологии этнополитический конфликт рассматривается через призму противоречия, спровоцированного социально-политическими кризисами общества⁶².

Согласно профессору Э.Н. Ожиганову, этнополитический конфликт является особой формой межэтнической конфронтации, приобретающей очертания спора, в условиях которого один или несколько субъектов конфликта используют этнические атрибуты для претворения в реальность собственных целей и интересов⁶³.

По мнению Р.Г. Абдулатипова, этнополитический конфликт представляется полноценным враждебным актом одного или нескольких субъектов противостояния, причинами которых являются несопоставимые взгляды, установки и интересы, субъективное восприятие и истолкование «собственного» значения в экономических и социально-политических процессах⁶⁴.

Отечественный исследователь О.И. Аршба пишет, что «этнополитический конфликт – это форма межгруппового политического действия, участники

⁶¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. С. 25.

⁶² См.: Ланцов С.А. Политическая конфликтология. СПб.: Питер, 2008. С. 69.

⁶³ Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтнических государствах. 1994. С. 277.

⁶⁴ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. С. 236.

которого выступают как конфликтующие, противоборствующие этнические общности»⁶⁵.

Конструктивным и обстоятельным видится определение, данное А.-Х.А. Султыговым: «Этнополитический конфликт является особой разновидностью этнического конфликта, обусловленной политическим, экономическим, социокультурным, территориальным неравенством этносов или их дискриминацией по названным основаниям, которая характеризуется столкновением интересов этнических групп, этнических групп и государства по поводу повышения или опасений утраты имеющегося статуса этноса, его частичного или полного самоопределения»⁶⁶.

По мнению автора, этнополитический конфликт – явление деструктивное и слабо прогнозируемое, в его интерпретации заложена укоренившаяся оппозиция примордиалистской и конструктивистской парадигм этнологического знания, соответственно, для каждого исследователя свойственно собственное понимание феномена. Однако, при исследовании природы этнополитического конфликта необходимо учитывать широкий спектр явлений общественно-политической среды, где соприкасаются различные интересы, убеждения, предпочтения и культурно-ценностные установки представителей разнообразных социальных групп (этнических и религиозных сообществ). Более того, социальная динамика этнической группы в государстве служит действенным индикатором состояния межнациональных отношений.

Стороны этнополитического конфликта являются непосредственными субъектами противостояния. Их действия инициируют и усиливают конфронтацию, придают конфликтам содержание, условия и продолжительность. Субъектами этнополитического конфликта могут выступать этнические группы, институты государственной власти (в том числе сами государства), элиты по этническому, религиозному и конфессиональному признакам, общественно-политические движения, объединения и партии. В большинстве современных

⁶⁵ Ариба О.И. Указ. соч. С.24.

⁶⁶ Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М.: Макс Пресс, 2006. С. 12.

политологических исследований этнополитической конфронтации превалирует акцент на субъектной роли этнических групп и государств.

В рамках научного знания существует дуалистическая модель разделения этнически детерминированных субъектов противостояния на этнотерриториальные и этнодиаспорные группы. Этнотерриториальные сообщества как действующие субъекты этнополитического конфликта определяются по принципу автохтонной принадлежности к территории, на которой развивается противостояние. Этнодиаспорные сообщества в роли действующих сторон этнополитического конфликта, вследствие исторически обусловленных миграционных процессов, характеризуются аллохтонностью к пространственно-географическому очагу этнополитической напряженности. Применение данного типологического деления обосновывается гетерогенностью мотивов и действий в конфликте указанными типами этнических групп. Цели и задачи этнотерриториальных групп связаны с притязаниями на увеличение объема властных ресурсов и изменение положения (статуса) административно-территориальной единицы. Для этнодиаспорных групп цели и задачи, в большинстве случаев, предопределены требованиями расширения возможностей участия в политическом процессе принимающего государства. Данный подход был разработан и развит в трудах американских ученых – профессора Корнельского университета М. Эсмана⁶⁷ и известного социолога Т. Гурра⁶⁸.

Государству, выступающему в роли субъекта этнополитической конфронтации, определено несколько взаимоисключающих функций. Первая: органы государственной власти являются посредующей стороной конфликта, государство выступает в должности арбитра и объективного посредника. Вторая: государство является непосредственной стороной конфликта. Исходя из положения и характера участия государства в конфликте, обрисовывается и конфигурация этнополитического противостояния, в зависимости от обстоятельств она имеет симметричную или ассиметричную форму. В первом

⁶⁷ См.: *Esman M.* Ethnic Conflict in the Western World. N.Y.: Cornell University Press, 1977. 399 p.

⁶⁸ См.: *Gurr T.R.* Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1993. 448 p.

случае это конфликт между этническими общностями, которым свойствен антагонизм интересов по отношению к властным ресурсам и государству, обретающему обязанности посредника. Во втором случае это конфликт между этнической общностью и органами государственной власти, являющийся предпосылкой либо последствием сепаратистских и сепаратистских тенденций⁶⁹.

Таким образом, этнополитическое противостояние свидетельствует о высокой степени самоидентификации субъектов в общественной среде того или иного государства, их движимым мотивом является установление или усиление политической власти, пересмотр административного и политического статусов, вплоть до расширения полномочий территориальной самоорганизации (автономизации) или становления независимого государства (суверенизации).

В определенных ситуациях этнические основания конфликта носят заведомо противоречивый характер, особенно в тех случаях, когда политическая элита или конкретные лица спекулируют национальным вопросом, отождествляя свою деятельность с национально-освободительной борьбой. На деле же истинные намерения этих акторов кроются в преследовании личных мотивов. Яркий пример – искусственная политизация национального вопроса среди коренных народов, населяющих север России. Как показало дальнейшее развитие событий, инициировано это было в конце 1990–х годов заинтересованными в достижении личных целей общественно-политическими активистами. Вместе с тем, как отмечал С.А. Ланцов, под популистскими лозунгами отдельно взятых лиц или групп скрывались реальные этносоциальные проблемы⁷⁰.

Очаги этнополитических конфликтов связаны с неравномерным развитием социальной, экономической и других сфер, порождающих конфликты интересов, с одной стороны, и способностью государства выступать в качестве гаранта свобод и прав своих граждан – с другой.

Актуальность этнополитического фактора в современных общественных отношениях неоспорима – именно конфликты на этнополитической основе

⁶⁹ См.: Аклаев А.Р. Указ. Соч. С. 95.

⁷⁰ Ланцов С.А. Указ. соч. С. 70.

создают крупномасштабные проблемы в различных государствах, где сосуществуют представители разнообразных социальных групп.

1.3 Причины эскалации этнополитических противоречий

Этнополитический конфликт – многогранный феномен, охватывающий многие сферы общественной жизнедеятельности и обретающий специфичные формы проявления. Каждое противостояние уникально с точки зрения предпосылок причин эскалации. Политологическое измерение этнополитической конфронтации предполагает типологизацию конфликтов, а также, на основе их различий и сходств, классификацию по признакам проявления. Подразделение этнополитических конфликтов в соответствии с логической целостностью и последовательностью, несомненно, систематизирует представления о данном феномене.

В рамках этнополитических исследований наиболее распространенными классификациями проявлений этнополитического противостояния являются:

- по проявлению в общественной жизни (к данной категории относятся конфликты, развивающиеся в политической, экономической, культурной и социальной сферах);
- по предметно-объектному содержанию конфликта (например, конфликты, обострившиеся в силу серьезных оснований – статус родного языка, территориальные споры и др.);
- по позиционированию субъектов деятельности (субъекты конфликта, либо в условной степени, соотносящиеся друг с другом – однопорядковые, и не соотносящиеся друг с другом в равной степени – разнорядковые)⁷¹.

Так или иначе современная типологизация этнополитического противостояния должна носить системный характер, где учитывается

⁷¹ См.: Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43–49.

многофакторность социальной структуры. Так, А.-Х.А. Султыгов выделяет типы этнополитических конфликтов по следующим основаниям:

Во-первых, по признаку территориальной принадлежности этнической группы: межгосударственные, разворачивающиеся вокруг проблемы воссоединения этнических групп, вписывающихся в дефиницию ирредентизма (пример: противостояние Турции и Греции из-за принадлежности Кипра); региональные, развивающиеся на просторах одного государства между разнообразными этническими сообществами; конфликты между Центром и властью; локальные конфликты.

Во-вторых, по основополагающим целям и задачам им выделяются: социально-экономические противостояния, вокруг уровня благосостояния, социального равенства и доступа к участию в общественной жизни государства; этнотерриториальные конфликты, базирующиеся на проблемах демаркации границ проживания этнических сообществ; этнодемографические процессы, выраженные в опасениях ассимиляции этнических групп в связи с интенсивными миграционными процессами.

В-третьих, конфликты на почве атрофированных политических решений по вопросам миграции и репатриации⁷².

Отечественные исследователи А.Г. Большаков и А.П. Садохин классифицируют этнополитические конфликты по специфичным взаимоисключающим друг друга формам⁷³. Они выделяют: скрытые и явные противоречия, насильственные и ненасильственные конфликты. Для скрытого противостояния характерно перманентное социально-психологическое напряжение, где стороннему наблюдателю нетрудно диагностировать развитие острого противоречия, в то время как стороны конфликта в полной мере еще не осознали несовместимость базовых интересов и целей. Явные конфликты выражаются в очевидных и фиксируемых показателях конфликтного взаимодействия, где субъекты сознательно отстаивают свои интересы.

⁷² Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 15–16.

⁷³ Большаков А.Г. Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции. Казань: ЦИТ, 2004. С. 48–50; Садохин А.П. Этнология. М.: Гардараки, 2004. С. 320–322.

А.Р. Аклаев приводит классификацию конфликтов относительно их оснований; он группирует конфликты: по качественным их характеристикам; по коммуникативной составляющей; по признакам протекания; по субъектам столкновения; по вариативности методов разрешения; по функциональной значимости⁷⁴.

Этнополитическое противостояние в большинстве случаев соотносится с внутривнутриполитическим противостоянием, однако в ряде обстоятельств, особенно при активизации деятельности по разрешению конфликтной ситуации, трансформируются во внешнеполитическом направлении. Классификация политических конфликтов требует использования критериев, способных сформировать целостную картину рассматриваемого явления. А.В. Глухова предлагает следующую классификацию политических конфликтов, сопряженных с этнонациональными процессами: государственно-правовые конфликты – столкновение по поводу действующих и формирующихся политических институтов; статусно-ролевые конфликты, возникающие в связи с иерархичностью структур в политических системах и режимах; конфликты политических культур как следствие наличия принципиальных расхождений в политических ценностях, идеалах, ориентациях и восприятии окружающей действительности⁷⁵.

В своем труде А.В. Дмитриев приводит разграничение трех типов межнациональных конфликтов:

1. Конфликты стихийных эмоций, иррациональные – демонстрируются во время бунтов, погромов и в различных проявлениях этнического насилия. Автор приводит в пример межэтнический конфликт между узбеками и турками-месхетинцами в Ферганской области Узбекской ССР в июне 1989 года.

2. Конфликты идеологизированных концепций, побудителями которых являются политические, этнические и религиозные движения. Их интересы и требования, приобретающие общенациональное измерение, разрабатываются

⁷⁴ Аклаев А.Р. Указ. соч. С. 104.

⁷⁵ Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. С. 36.

идеологами течений. Зачастую, в качестве обязательного условия достижения целей движения провозглашается необходимость самопожертвования, что придает конфликту жестокость и бескомпромиссный характер.

3. Конфликты политических институтов, выражающиеся в возникающих территориальных спорах отношений органов власти и их полномочий, роли партий, общественных движений и т.д. Исследователь относит к данному типу «войну законов» и «парад суверенитетов», резонансные и эпохальные явления конца 1980–х – начала 1990–х годов в России⁷⁶.

Отечественный этнолог А.Н. Ямсков представил «сферную типологию» этнополитических конфликтов, которую он выводит из установок и целей, выдвигаемых сторонами противостояния для получения необходимых ресурсов. К этим целям относятся: социально-экономические, определяющиеся в достижении гражданского равенства и благосостояния; культурно-лингвистические, выраженные в стремлении сохранить свою культурную идентичность и язык; политические – добиться улучшения политического статуса; территориальные – демаркация границ, в том числе сецессия⁷⁷. Близкое к вышеизложенным типологиям было предложение Г.И. Козырева – разделять этнополитические конфликты на: межгосударственные, региональные и локальные⁷⁸.

Российский этносоциолог Л.М. Дробижева на основе проведенных исследований этнонациональных отношений конца 1980–х – начала 1990–х годов обосновывает типологию по предмету противоречия; ею были предложены три типа этнополитических конфликтов:

1. Статусные конфликты, характерные для союзных республик бывшего СССР, содержавшие этнический компонент. В основе их лежали притязания по ключевым вопросам национальных приоритетов (это было свойственно для Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Армении, Грузии и Молдовы). Требования,

⁷⁶ См.: *Дмитриев А.В.* Этнический конфликт: теория и практика. М.: Изд-во МНУЦ, 1998. 57 с.

⁷⁷ *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии / Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Отв. ред.: Олкотт М.Б., Тишкова В.А., Малащенко А.М. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 205–224.

⁷⁸ *Козырев Г.И.* Политическая конфликтология. М.: Изд. «ФОРУМ», 2012. С. 163–173.

выдвигавшиеся политическими элитами, трансформировались из интересов сугубо внутринациональных в государственные, что являлось следствием изменения политической конъюнктуры на просторах уже бывшего советского государства. Статусные конфликты были характерны и для автономных республик в борьбе за повышение и качественное преобразование политико-административного статуса территории.

2. Этнотерриториальные конфликты, наиболее сложные в плане эффективного урегулирования этнополитического противостояния. Наглядно проявляются эти конфликты тогда, когда оппозирующей стороной является некогда репрессированный народ. Активная стадия противоборства наступает при реабилитации и репатриации этнической группы на «историческую родину» (крымские татары, узбекские турки-месхетинцы, ингуши Пригородного района Владикавказа и т.д.).

3. Межгрупповые конфликты, характерные для конца 1980–х годов в автономных республиках РСФСР⁷⁹.

Вышеизложенные типологии этнополитических конфликтов, несмотря на их глубокую научную основательность и высокую эвристическую ценность, с нашей точки зрения, делают акцент в большей степени на общие линии разграничения конфликтов, нежели на также необходимые специфические моменты, присутствующие в каждом конкретном конфликте.

Отечественный исследователь А.Р. Аклаев, исходя из категорий, участвующих в конфликте субъектов, предлагает разделять этнополитические противоречия между этническими группами и этнополитическое противостояние между этническим сообществом и государством, учитывая в содержании каждого типа конкретные субтипы⁸⁰. В контексте этнополитического противостояния, по мнению автора, следовало бы выделить:

— конфликты, связанные с расширением возможностей участия в политическом процессе; они характеризуются требованиями этнических групп по

⁷⁹ Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80–х – начало 90–х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / Отв. ред. Л.Ф. Шевцова. М.: ИМЭПИ РАН, 1993. С. 240–242.

⁸⁰ Аклаев А.Р. Указ. соч. С. 117.

равному участию в электоральных процедурах, этническому плюрализму и представительству в органах власти (к примеру, граждане и лица без гражданства в Латвии и Эстонии, сегрегация в ЮАР, отношения между израильянами и палестинцами в Израиле и т.д.);

- конфликты на почве социально-экономической дифференциации по этническому признаку в отношении общенациональных богатств и ресурсов (наиболее характерно для многонациональных государств);

- конфликты по поводу общественно-политического признания культурной идентичности; они разворачиваются в условиях неопределенного или недооцененного статуса языка этнической группы государством⁸¹.

Этнополитические конфликты (конфронтация этнической группы с государством) А.Р. Аклаевым подразделяются на два типа, это:

- конфликты по поводу этнополитической правомочности, содержание которых – споры относительно государственно-территориального образования и объявления его суверенитета этническим сообществом (к ним относятся сецессионные и ирредентистские конфликты, например, конфликт России и СССР в период распада советского государства, североирландский и карабахский конфликты и т.д.);

- конфликты по поводу разграничения сфер ведения этнотерриториальными образованиями; в их основе – сложно преодолимые противоречия по распределению властных ресурсов и полномочий между центральными органами власти и субъектами государства, образованными по этническому принципу (к ним относятся этнополитические конфликты в Европе в 1970–х годах, конфликты по поводу разграничения власти между субъектами и федеральными органами власти России в 1990–е годы)⁸².

Ученый из Вашингтонского университета М. Гектер сформулировал концепцию «внутреннего колониализма», в которой представил структуру этнополитического противостояния в трех его последовательных модификациях:

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 118.

- первая заключается в дистанции этнических сообществ от процессов общественной модернизации в силу территориальной периферийности среды обитания;
- вторая заключается в осознании значительного расстояния до центра модернизации, отсутствие межотраслевых коммуникаций центра и периферий;
- третья – формирование этнонационалистических течений как реакция на сложившуюся конъюнктуру⁸³.

Один из видных представителей концепции модернизации С. Блэк также указывал на неравномерное модернизационное развитие в социально-экономической и политико-государственной сферах как на катализатора обострения межэтнических отношений в силу несовместимости во многих случаях соответствующих интересов и притязаний⁸⁴.

Действительно, можно заключить, что активизирующиеся этнонациональные движения являются достаточно предсказуемой реакцией на кризисные проявления процесса модернизации: этнические сообщества отказываются принимать условия неравномерного развития.

Для О.И. Аршба наиболее общим основанием типологии этнополитического противостояния являются: «цели участников конфликта, соответствие их действия существующим нормам, конечный результат взаимодействия, влияние конфликта на развитие организации. В зависимости от характера влияния выделяются следующие типы конфликтов: конструктивные, стабилизирующие и деструктивные. Выделяются также конфликты деструктивно-ситуативные, их участники стремятся к личной выгоде; деструктивно-тотальные, в которых участники добиваются престижа или власти»⁸⁵.

В специализированной научной литературе отраслевого толка имеется множество других подходов по исследованию причин этнополитической конфронтации. В большинстве случаев они носят монодисциплинарный характер,

⁸³ См.: *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. L.: Routledge, 1975. 361 p.

⁸⁴ См.: *Black C.E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper & Row, 1966. 207 p.

⁸⁵ *Аршба О.И.* Указ. соч. С. 38.

отображая этнополитический конфликт под углом зрения определенного отраслевого научно-гуманитарного знания, это: социологические теории, социобиологические теории, конфликтные теории модернизации и политического развития, теории «внутреннего колониализма», теории культурного плюрализма, теория структурного и культурного насилия, теория базисных потребностей человека, теория фрустрации-агрессии, психоаналитические теории, теории рационального выбора, бихевиористские теории депривации, теория ресурсной мобилизации и др.

По отдельности вышеизложенные теории не способны исчерпывающим образом определить причины и источники этнополитического противостояния в силу его многофакторности. Тем не менее, группа специальных теорий призвана в своем комплексе более полно отразить научное определение источников и причин этнополитических конфликтов, учитывая специфику и сущность исследуемого феномена. Для иллюстрации можно, к примеру, назвать такие из них, как:

а) концепцию этнополитической стратификации профессора Колумбийского университета Дж. Ротшильда, ставшую во многих случаях стержнем исследований катализаторов этнополитических размежеваний. В рамках предложенной им теории определяется особая роль субъектов противостояния, их ресурсные возможности и используемые механизмы мобилизации этнической группы. По мнению автора этой концепции, усиление этнополитической напряженности связано с неравномерными процессами модернизации в экономической и политической сферах; соответственно, доступность для этнических сообществ материальных и властных ресурсов является основным критерием активизации этнополитических движений⁸⁶;

б) социально-психологическую концепцию Д. Горовитца, изложенную в его труде «Этнические группы в конфликте», изданном в 1985 году. В качестве главной причины автором называется деформация социально-психологических установок у этнических групп, из-за переменчивости коллективных настроений, превалирующих над рациональным восприятием экономических и политических

⁸⁶ См.: *Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y.: Columbia University Press, 1981. 290 p.

нужд. Следовательно, в условиях этнополитической конфронтации действуют два требования: первое – спонтанность, основанная на общности испытываемых группой чувств; второе – подконтрольность институтам, находящимся в ведении политических акторов⁸⁷;

в) теорию этнополитического действия Т. Гурра, ставшую закономерным заключением проведенного на основе эмпирических данных сравнительного исследования, произошедших во второй половине XX века этнополитических конфликтов. В соответствии с предложенной теорией, этнополитический конфликт обуславливается укрепившейся неудовлетворенностью людей статусом этнического сообщества, с которым они себя отождествляют, дополнительной причиной являются политические интересы этнических лидеров⁸⁸;

Не менее значительный вклад в объяснение причин и источников этнополитических конфликтов внесли такие концепции, как: неоинституциональная теория⁸⁹, теория стратегического взаимодействия⁹⁰ и др. Особо стоит отметить типологию причин современного этнополитического конфликта, предложенную Д. Смитом, разделившим эти причины по четырем критериям: фоновые условия, выраженные в политических, экономических, социальных, этнических и других факторах; мобилизационные действия, включающие цели и способы их достижения субъектами политического действия; «спусковые крючки» – условия, оказывающие влияние на начало столкновения и переход к открытому вооруженному противостоянию; всеобъемлющий спектр факторов, определяющих продолжительность и степень активности в этнополитическом противостоянии⁹¹.

Отечественным исследователем А.В. Дмитриевым была представлена концепция неравенства этнических сообществ как первопричина, зачастую приводящая к открытой этнополитической конфронтации. «Теория конфликта и

⁸⁷ См.: *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 699 p.

⁸⁸ См.: *Gurr T.R.* Op. cit.

⁸⁹ См.: *Newman S.* Ethnoregional Conflict in Democracies: Mostly Ballots, Rarely Bullets. Westport, CT: Greenwood Press, 1996. 279 p.

⁹⁰ См.: *Rothschild D.* (eds.) The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion and Escalation. Princeton: Princeton University Press, 1998. 424 p.

⁹¹ *Smith D.* Trends and Causes of Armed Conflict [Электронный ресурс] // URL: http://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Handbook/Articles/smith_handbook.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

теория этнического конфликта, – пишет он, – имеют много общих черт. Во всяком случае обе рассматривают отношения современного общества в качестве поля борьбы соперничающих групп. Последние прилагают всевозможные усилия, чтобы укрепить (или сохранить) свои позиции, приобрести (или удержать) территорию и привилегии. В результате сохраняется или увеличивается неравенство, что крайне раздражает членов угнетаемых групп, которые постоянно находятся в напряжении. При этом более сильный этнос, как правило, ограничивает, если не исключает вообще, претензии более слабых групп»⁹².

По данному поводу В.В. Амелин, соглашаясь с тем, что социально-экономическое, политическое, культурное и иные неравенства в социальной структуре являются отправной точкой в этнополитическом противостоянии, расширяет палитру источников конфликта конституциональными, территориальными и статусными причинами, отмечая негативное влияние репрессивных и дискриминационных решений в отношении конкретных этнических сообществ⁹³. А.Г. Большаков утверждает, что в роли причин этнополитического противостояния выступают: регресс материального благосостояния значительной доли населения, проживающего на конкретной территории; политический статус этнических сообществ; этническая дифференциация в сфере трудовой занятости; государственные новообразования; территориальные споры; сецессия и аннексия; и т.д.⁹⁴

Разграничение этнополитических конфликтов может выходить за рамки разработанных учеными-исследователями типологий, так как они отличаются комплексностью наличествующих факторов, формат и содержание которых определяются условиями окружающей среды, в том числе общественной и мирополитической обстановкой. В целом это в определенной степени усложняет процедуру выработки оптимальных форм и средств разрешения этнополитических конфликтов. Но все же именно на основе комплексного анализа выявленных причин возникновения и протекания этнополитических

⁹² Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2002. С. 155–156.

⁹³ Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности // Credo. 1997. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <http://credonew.ru/content/view/46/49/> (дата обращения 10.05.2017).

⁹⁴ Большаков А.Г. Указ. соч. С. 46–47.

противостояний единственно могут и должны формироваться концепции эффективного регулирования этнополитических конфликтов, разработка и практическое внедрение которых – важный элемент современных политологических исследований.

1.4 Формы и методы регулирования современных этнополитических конфликтов

Развитие современных теоретико-методологических подходов и концепций урегулирования этнополитических конфликтов связано не только с первостепенными задачами, поставленными исследователям ввиду «взрывоопасного» потенциала подобного типа размежевания, но и с концептуальным переосмыслением подходов к изучению объекта и предмета исследования, связанного с цивилизационно-информационным развитием современного общества. Научные изыскания по вопросам урегулирования и предотвращения этнополитических конфликтов ученые сегодня осуществляют, широко используя компаративистский подход.

В рамках данного диссертационного исследования автором также выбран сравнительный метод, позволяющий соотнести и проанализировать и общие, и частные аспекты моделей регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе. С применением данного подхода в исследовании возможно диагностирование степени эффективности как моделей регулирования в целом, так и успешности целевых политических мер, прилагаемых для обеспечения этнополитической безопасности и стабильности в Кавказском регионе. Это, с нашей точки зрения, позволяет на основе выявленных фактов более точно классифицировать и охарактеризовать тенденции, закономерности и свойства моделей регулирования.

Сравнительный метод как форма научного познания в самом общем виде представляет собой способ раскрытия особенностей и свойств исследуемого

предмета⁹⁵. Для политической науки компаративистский метод выступает средством сопоставления положительных и негативных качеств отдельно взятых явлений и обстоятельств.

Сравнение практического опыта регулирования этнополитических конфликтов в различных странах и регионах оптимизирует перспективы по реформированию и модернизации моделей политического воздействия на очаги этнополитической конфронтации. Сравнительно-политологический подход исследования позволяет раскрыть обширный диапазон альтернативных форм и средств преодоления межэтнических противоречий на политической почве, а также выявить недостатки и достоинства реализуемых в практической сфере средств и механизмов регулирования.

По мнению диссертанта, использование сравнительного метода в исследовании моделей регулирования этнополитических конфликтов является вполне надежным средством анализа инструментов политического воздействия на конфликт. Как отмечал С.И. Симаковский, безоговорочным преимуществом данного метода является возможность диагностирования особенностей и признаков исследуемых предметов путем их тщательного сопоставления⁹⁶.

По мнению М.М. Лебедевой, в основе сравнительно-политологического подхода анализа моделей и механизмов урегулирования конфликтов лежат веские научно-практические аргументы. С научной точки зрения раскрытие тенденций и закономерностей урегулирования конфликтов и их последующее сравнение приближает к максимальному исчерпывающему определению сущности исследуемого типа конфликта. С практической стороны сравнительный метод позволяет выработать необходимый инструментарий для прогнозирования и мониторинга этнополитических противоречий; конструировать приемлемые и эффективные стратегии политического поведения в условиях активного конфликта и постконфликтной обстановки⁹⁷.

⁹⁵ Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. СПб.: Питер, 2012. С. 45.

⁹⁶ Симаковский С.И. Сравнительный анализ как метод исследования в политической науке [Электронный ресурс] // URL: http://www.law.bsu.by/pub/32/Simanovski_2.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

⁹⁷ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 56.

Существует множество подходов и концепций по способам эффективного разрешения конфликтных ситуаций. Управление и регулирование этнополитических конфликтов – близкие по содержанию термины – выражают возможные решения по ослаблению и замораживанию противостояния⁹⁸. Однако под термином «регулирование» понимается масштабная политическая деятельность по утверждению политических институтов и механизмов регуляции возобновляющихся столкновений, в том числе усилия по мониторингу и предотвращению насильственных форм противостояния. Термин же «управление» в большей мере связан, как мы считаем, с адресным воздействием на конкретные очаги конфликта и на его участников. Управление – не что иное, как способность содействовать отношениям сторон. Следовательно, основные отличия смежных понятий кроются в их направленности и широте предметного поля.

В современной политической науке на основе целей и принципов направленного действия выделяют два направления в регулировании этнополитических конфликтов.

Первое направление – ликвидация и деполитизация этнокультурных несоответствий, в котором используются насильственные, принудительные, консенсуальные и территориальные методы регулирования. М. Мак-Гарри и Б. О'Льэри отмечают, что в рамках насильственного метода используются радикальные способы, такие как геноцид и депортации этнического сообщества. Геноцид подразумевает полное физическое уничтожения этнической группы, либо устранение условий ее жизнедеятельности, необходимых для социально-биологического воспроизведения (примеры: геноцид армян во времена Первой мировой войны, массовые убийства евреев фашистским режимом в период Второй мировой войны, истребление народности тутси в Уганде в 1994 году). Депортация этнических сообществ выражается в массовом перемещении людей из исконных мест проживания на отдаленные территории (например, последствия

⁹⁸ См.: Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. 2013. № 10. С. 130–140.

арабо-израильского и кипрского конфликтов, этнического противостояния в Шри-Ланке, Нагорном Карабахе и на Балканском полуострове)⁹⁹.

В рамках принудительного метода регулирования этнополитических конфликтов выделяется способ ассимиляции, выражающийся в предпринимаемых властями попытках по устранению этнокультурных расхождений между этническими группами путем социально-культурного и лингвистического растворения в количественно превосходящей и доминирующей этнолингвистической группе¹⁰⁰. Действенность данного метода определяется характеристикой объекта ассимиляционного воздействия и реакцией доминирующей группы на попытку включения в социальный массив этнических меньшинств.

В рамках консенсусного метода используется способ интеграции, основанный на деполитизации этнокультурных несоответствий, не ущемляющий регламентированные свободы и права этнических сообществ. Основная задача – объединить людей единой гражданской идентичностью, при которой стороной взаимоотношений с государством выступает личность, а не этнокультурное сообщество. Интеграция на практике, как правило, реализуется в двух векторах – либеральном и кросс-культурном, различия здесь зиждутся в приоритете либо персональных, либо коллективных прав и свобод¹⁰¹.

Территориальный метод основывается на выделении из структуры государства территории, населенной этнической группой, неудовлетворенной своим положением; впоследствии территориальные новообразования приобретают более или менее однородный этнический массив, сводящий к минимуму акцентуализацию этнических атрибутов в конфликтном ракурсе. Стоит отметить, что правовым основанием сецессии служит право наций на самоопределение, содержащее явно выраженное противоречие с принципом территориальной целостности. В теоретическом плане этот метод имеет предпосылки к успеху и снижению уровня этнополитической напряженности (на

⁹⁹ McGarry J., O'Leary B. (eds.) *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. L.: Routledge, 1993. P. 7–9.

¹⁰⁰ См.: Gurr T.R. *Op. cit.* P. 299–300.

¹⁰¹ См.: Sick T.D. *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflict*. Washington, DC: USIP Press, 1995. 143 p.

практике – это Бангладеш и Южный Судан). Однако современная международная практика свидетельствует о преобладании взрывных его следствий (Босния, Косово, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье; из последних – конфликт на Украине).

Второе направление – сохранение этнокультурных несоответствий на базе консенсуального метода регулирования этнополитических конфликтов, в рамках которого находят свое место консоциация, арбитражное, автономизация и федерализация.

Консоциальный подход констатирует первоочередность этнического плюрализма в общественно-политическом устройстве, указывая на многозначность этнической идентичности и необходимость ее сохранения. Цель консоциации – гарантия прав и свобод, сохранение этнокультурного многообразия, поддержание стимулирующей среды для создания общественно-политических институтов, позволяющих сосуществовать этническим сообществам в условиях равенства и политического плюрализма. По мнению А. Лейпхарта, консоциальный подход имеет ряд специфических свойств, к которым он относит: коалиционное правительство; пропорциональное представительство; внутригрупповое самоуправление; применение права вето этническим меньшинством¹⁰². Однако Д. Горовитц указывает на то, что консоциальный подход в обществах с выраженной этнической неоднородностью зачастую приносит неблагоприятные последствия (Северная Ирландия, Кипр и Малайзия) из-за стремления монополизации власти одним из субъектов политической арены. Соответственно, по мнению автора, консоциация обладает адаптивным свойством в обществах с поверхностной этнолингвистической дифференциацией¹⁰³.

Арбитраж как средство регулирования этнополитического конфликта, предполагает вовлечение в противостояние третьей стороны (авторитетного посредника), беспристрастно и объективно выносящей заключение по предмету

¹⁰² Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 50–65.

¹⁰³ Horowitz D. Op. cit. P. 571–572.

политических разногласий, расцениваемое субъектами как исчерпывающее и справедливое решение. Эффективность данного метода регулирования зависит от ряда критериев: посредник должен играть исключительно примирительную роль в конфликте; исходить из общих интересов субъектов противостояния, отталкиваясь от собственного объективного понимания сути и предмета конфликта; соблюдать автономность убеждений и взглядов, не поддаваясь политическим спекуляциям элит и субъектов конфликта; быть беспристрастным к оппонировавшим сторонам.

Исходя из положения и статуса арбитра, можно отличать внутреннее и внешнее арбитражное. Внутреннее осуществляется авторитетным и влиятельным посредником из числа высокопоставленных лиц государства или общественно-политических деятелей, в пространстве которого развивается этнополитический конфликт (например, Ганди в Индии, Тито в Югославии). Внешнее осуществляется посредником, в роли которого выступает субъект международного права или международно-правовой институт (ООН, ОБСЕ).

Согласно исследованиям Т. Гурра, каждый третий конфликт, инициированный сепарационными процессами, на завершающем этапе сопровождался подписанием соглашения по предоставлению этнической автономии¹⁰⁴. Преимущество региональной автономии в унитарном государстве как средства регулирования этнополитического конфликта заключается в высокой вариативности форм автономизации, становящейся предметом плодотворных переговоров. Региональная автономия подразумевает полную юрисдикцию центральных органов власти над автономией, регламентированную прежде всего общей конституцией, наличием общего гражданства и единым нормативным правовым полем. Так, Х. Ханнум указывает, что в ведение автономии, как правило, включаются такие параметры, как: свободное использование и изучение родного языка; свобода вероисповедания; прерогатива автономии в защите и

¹⁰⁴ Gurr T.R. Op. cit. P. 296–298.

сохранении культурного достояния, традиций и обычаев; контроль над природными ресурсами и др.¹⁰⁵

Федерализм как средство регулирования этнополитических конфликтов, с нашей точки зрения, обладает наибольшими конструктивными ресурсами. Как отмечает Е. Геллнер, отличительной особенностью федеративного государства являются источники власти, выраженные административно-территориальными субъектами и населением государства, имеющего равные права и свободы¹⁰⁶. Так, в федеративном государстве властные отношения распределены между государственными институтами и регламентируются положениями основных законов и (или) конституции, каждый субъект федерации обладает рядом компетенций, функций и полномочий.

Р. Дарендорф, в своих трудах отмечал, что задача полного искоренения причин конфликта практически недостижима. Рациональными являются действия, направленные не на предотвращение конфликта как такового, а комплексное регулирование с целью выведения его из деструктивной плоскости в прогнозируемое и контролируемое русло¹⁰⁷. К. Боулдинг также считал, что общественная природа и феномен конфликта тесно взаимосвязаны; возможно форсирование конфликтной ситуации и дальнейшее смягчение очагов напряженности¹⁰⁸.

Основатель структурного функционализма – американский социолог Т. Парсонс – определял консенсус как основу общественных отношений, отводя конфликту посредственную роль, регулирование которого способно реализовываться в рамках межличностных отношений¹⁰⁹. Один из основоположников социологии конфликта Л. Козер, вслед за своим идейным вдохновителем Г. Зиммелем, полагал, что конфликт в отсутствии серьезной и масштабной конфронтации способен упрочить структуру общества; разрешение же конфликта возможно путем его институционализации и нормативной правовой

¹⁰⁵ Hannum H. *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia, PA: Pennsylvania University Press, 1996. P. 27–35.

¹⁰⁶ Геллнер Э. *Нация и национализм*. М.: Прогресс, 1991. С. 5.

¹⁰⁷ См.: Dahrendorf R. *Op. cit.*

¹⁰⁸ См.: Boulding K. *Conflict and Defense*. N.Y.: Harper & Row, 1962. 349 p.

¹⁰⁹ Parsons T. *An Outline of the Social System // Theories of Society*. N.Y.: The Free Press, 1961. P. 30–58.

регуляции¹¹⁰. Большой вклад в развитие концепций по вопросам урегулирования конфликтов был привнесен трудами Д. Истона¹¹¹ и С. Липсета¹¹², отмечавших особое значение процесса прогнозирования и предвидения конфликтной ситуации, нежели самого разрешения конфликта. Они также указывали на необходимость институционализации противостояний и учета показателей социальных индикаторов.

По мнению отечественных ученых А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, урегулирование конфликта является формой ликвидации спора между субъектами противостояния при активном участии арбитра, независимо от согласия сторон противоречия¹¹³. В этом случае посредник выступает в роли независимого участника, закладывающего в основание переговорного процесса принцип объективности и беспристрастности по отношению к возникшей конфликтной обстановке¹¹⁴.

Как отмечает А.-Х.А. Султыгов, «исследователи отличают и такую разновидность завершения конфликта, как его затухание, временное прекращение противодействия при сохранении основных признаков конфликта – противоречия и напряженных отношений. Конфликт переходит вновь в латентную фазу в результате потери мотивации к противоборству, переориентации мотива, переключения на неотложные дела»¹¹⁵.

Б.В. Коваленко, О.А. Рыжов и А.И. Пирогов предпочитают включать урегулирование в процедуру управления конфликтом как одну из форм (наряду с прогнозированием и координацией его протекания)¹¹⁶. По мнению К. Райманна, интерпретации понятий «урегулирование», «разрешение» и «трансформация конфликтов» в научно-академической среде достаточно невняты, поскольку зачастую в их содержание вкладываются идентичные друг другу стратегии. Он пишет: «определение «урегулирование конфликтов» само по себе довольно

¹¹⁰ См.: *Coser L.* Op.cit.

¹¹¹ См.: *Easton D.* The Analysis of Political Structure. N.Y.: Routledge, 1990. 352 p.

¹¹² См.: *Lipset S.* Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, NY: Doubleday, 1960. 432 p.

¹¹³ Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. СПб.: Питер, 2014. С. 413–426.

¹¹⁴ См.: *Василенко И.А.* Проведение переговоров в условиях острого конфликта: использование процедуры посредничества // Дипломатическая служба. 2012. № 3. С. 8–14.

¹¹⁵ Султыгов А.-Х.А. Укач. соч. С. 50.

¹¹⁶ Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А. Политическая конфликтология. М.: Ижица, 2002. С.172–176.

неудачно, т.к. часто включает такие подходы, как трансформация конфликтов, которая далеко выходит за рамки «логики урегулирования»¹¹⁷. Х. Миэлл отмечает, что урегулирование конфликтов является своего рода искусством, использующим формы вмешательства, способствующие достижению политического консенсуса между акторами, обладающими необходимыми полномочиями и ресурсами. В частности, он пишет, что «это также искусство создания эффективных институтов, которые направляли бы неизбежные конфликты в нужное русло»¹¹⁸.

В вышеизложенных мнениях, как мы видим, прослеживается стремление отстраниться от теоретических моделей единого направленного устранения конфликтов. Основное внимание в урегулировании конфликтов концентрируется на вопросах конструктивного диалога между сторонами противостояния, где первостепенной задачей является инспирирование сотрудничества между оппонентами.

Вызывает ряд вопросов мнение М.М. Лебедевой, определяющей «урегулирование конфликтов» в трех его базовых измерениях. Первое – предупреждение конфликтов, обретающих вооруженный и насильственный формат; второе – улаживание конфликтов, деятельность по сглаживанию конфликтного фона и поиску взаимно удовлетворяющих позиций; третье – разрешение конфликтов, а именно ликвидация катализаторов и источников противостояния, установление новой площадки мирного диалога и дальнейшего сотрудничества¹¹⁹. Остается, однако, неясной ее позиция в части синонимичного употребления словосочетаний «понятие урегулирования» и «термин урегулирования», которые таковыми не являются. «Понятие» – логически обобщенная мысль о предмете или явления, «термин» – номинация (название) конкретного понятия. Следовательно, терминологическая синонимия термина

¹¹⁷ Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликта // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Берховского центра. М.: Наука, 2007. С. 51.

¹¹⁸ Миэлл Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Берховского центра. М.: Наука, 2007. С. 77.

¹¹⁹ Лебедева М. М. Указ. соч. С. 56.

«урегулирование этнополитических конфликтов» затрудняет принятие за аксиому конкретной структуры исследуемого процесса.

Плодотворна, с нашей точки зрения, позиция С.А. Ланцова, указывающего на существование двух основных элементов в разрешении конфликтов, в том числе этнополитических – контроля и управления. Для них общим и свойственным является следующая последовательность: вытеснение и перемещение уровня, на котором конфликт находится на стадии разрешения; урегулирование, заключающееся в устранении острых проявлений противостояния; разрешение, ликвидация первоисточников столкновения; подавление¹²⁰. О.Г. Карпович отмечает, что политическое урегулирование конфликтов, в частности этнополитических, базируется на необходимости нахождения точек соприкосновения в интересах конфликтующих сторон, с использованием всего арсенала мирного переговорного процесса, политических стратегий и технологий¹²¹.

Позиция отечественного исследователя А.П. Садохина по данной тематике заключается в отождествлении «урегулирования» и «разрешения конфликтов» в силу безусловного взаимопризнания субъектами противостояния существующих интересов и целей друг друга. Тем самым, по его мнению, «урегулирование» дистанцировано от понятия «ликвидация» конфликта сферой политической деятельности, в которой между субъектами разворачивается борьба, не обретающая деструктивной и насильственной формы¹²². С данной позицией соглашается и А.-Х.А. Султыгов. По его мнению, синонимичное сопоставление терминов «урегулирование» и «разрешение» этнополитических конфликтов является уместным в силу их этимологической близости. В частности, по мнению автора, представляется немаловажным критерий урегулирования этнополитических конфликтов. Во-первых, это осуществление необходимых разноотраслевых процедур на таких стадиях, как формирование противостояния, непосредственное столкновение, а также реализация постконфликтных мер по

¹²⁰ Ланцов С.А. Указ. соч. С. 133.

¹²¹ Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность. 2013. № 4. С. 605–612.

¹²² Садохин А.П. Указ. соч. С. 322–326.

смягчению этнополитического напряжения. Во-вторых, конечный результат противостояния, его последствия и итоги¹²³.

По нашему мнению, терминологические проблемы достаточно свойственны этнополитической конфликтологии в силу специфики предметной области исследуемых процессов и явлений.

Учитывая вышеизложенное, возможно выделить индексы урегулирования этнополитического противостояния, определяющие спектр достигнутых целей и задач:

- эффективность политических решений, степень одобрения основной частью этнического сообщества политических и управленческих действий органов государственной власти;
- эффективность экономического и торгового взаимодействия этнотерриториальных субъектов с иными регионами государства;
- результаты реализации программ по сохранению этнокультурных атрибутов;
- эффективность силового воздействия на конфликт, подавление вооруженных акций, террористической и сепаратистской формирований.

В то же время, как справедливо отмечает А.В. Манойло, «урегулирование этнополитических конфликтов – это обеспечение совместимости вектора политического курса с вектором ментальности населения, что можно осуществить только с помощью информационно-психологического воздействия, причем как на массовое и индивидуальное сознание этносов и этнических групп, так и на подсознательную (ментальную) составляющую человеческой психики, с ее установками и реакциями»¹²⁴. Таким образом, широкий спектр теоретико-методологических подходов в интерпретации сущности этнополитических конфликтов, источников и предпосылок его развития указывает на то, что специфика урегулирования исследуемых противостояний основана на их согласованности со способами нейтрализации. Соответственно, урегулирование

¹²³ Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 51–52.

¹²⁴ См.: Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. М.: Горячая линия, 2015. С. 61.

этнополитического конфликта заключается в ликвидации факторов этнической мобилизации, формировании благоприятных социально-политических и экономических условий, понижение уровня влияния мирополитической конъюнктуры на содержание и предмет конфликтов¹²⁵.

Согласно Г.И. Козыреву, урегулирование должно включать установление универсальных требований для всех сторон противостояния с целью широкого охвата ценностно-нормативных установок полиэтничного и поликультурного социума¹²⁶.

Стоит отметить позицию И.Д. Звягельской по вопросу специфики урегулирования этнополитических конфликтов. Так, по ее мнению, в современном политологической науке используется ряд базовых понятий, определяющих разноуровневые подходы к решению этнополитических противоречий:

- разрешение конфликта – наиболее экстраординарный способ, включающий меры по устранению причин, спровоцировавших кризис;
- урегулирование конфликта, подразумевающее нахождение компромиссов, согласование интересов и позиций субъектов противостояния, установление взаимных обязательств для предотвращения вооруженных столкновений;
- управление конфликтом для воздействия на противостояние с целью ослабления напряженности, преодоления конфронтации и поисков оптимальных механизмов политического влияния;
- прекращение конфликта; подразумевает завершающий этап этнополитического противоречия, обусловленный началом мирного переговорного процесса и подписанием соглашений¹²⁷.

На основе различных интерпретаций специфики урегулирования этнополитических конфликтов А.-Х.А. Султыгов выделяет следующие формы

¹²⁵ Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 93–109.

¹²⁶ Козырев Г.И. Указ. соч. С. 119–120.

¹²⁷ Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. С. 59–61.

разрешения этнополитических конфликтов: политико-правовые, переговорные, военно-политические, социально-экономические, информационные¹²⁸. Формы, представленные автором, заслуживают особого внимания.

Политико-правовые формы, по нашему мнению, представляются наиболее приоритетными и эффективными, поскольку включают процедуры по нейтрализации факторов, инициировавших столкновение. Этот подход нашел отражение в трудах Т. Гурра¹²⁹ и А. Лейпхарта¹³⁰, которые в рамках данной формы выделяют четыре модели действий.

К первой модели относится подавление одного из действующих субъектов этнополитического столкновения с использованием силовых методов. Результаты этой модели ориентированы на безальтернативное сохранение территориальной целостности государства, централизации власти, поддержание социально-политической стабильности в стране. Процедуры, использующиеся в модели, не ориентированы на долгосрочную перспективу и не ставят главной целью удовлетворение интересов оппонентов.

Ко второй модели относятся процедуры по изменению и корректировке политического статуса административно-территориальной единицы компактного проживания этнической группы. Подразумевается возможность реализации внутреннего самоопределения – автономизации, с возможностью организации территориального самоуправления в социальной, политической, экономической и других сферах, не касающихся ведения центральных органов власти (например, вопросы внешнеполитического курса, национальной безопасности и обороны). Свое отражение модель нашла и в трудах Д. Элайзера¹³¹. К положительным элементам модели относятся: эвентуальное урегулирование этнополитической конфронтации путем удовлетворения базовых потребностей и интересов этнической группы. К отрицательным последствиям можно отнести потенциально возможные сепцессионные процессы.

¹²⁸ Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 55.

¹²⁹ См.: Gurr T.R. Op. cit.

¹³⁰ См.: Lijphart A. Multiethnic Democracy // The Encyclopedia of Democracy. (ed.) Lipset M., Vol. 3. Washington: CQ Press. 1995. P. 853–865.

¹³¹ Элайзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 114.

К третьей модели относится практика сбалансированного разграничения государственной власти между этническими сообществами для гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений¹³². В этом случае государственная власть распределяется между представителями этнических сообществ в следующих конфигурациях:

1. Во всех ветвях власти, существующих в демократических государствах (например, Ливан, Канада и другие страны).
2. В рамках нормативного правового порядка взаимоотношений Центра – регионов (например, Швейцария и Индия).
3. В условиях равного представительства в органах государственного и местного самоуправления (например, Бельгия)¹³³.

К четвертой модели относится право полного внешнего самоопределения народа, установление собственного суверенитета на основе административно-территориального образования. Однако, как отмечает А.-Х.А. Султыгов, имеется ряд условий, необходимых для реализации данной модели. К ним относятся: военная оккупация территории проживания народа; прецедент государствообразования; этническая группа имеет территорию компактного проживания и отличается от численно доминирующего этнического массива лингвистическими и этнокультурными свойствами¹³⁴.

Как справедливо отметил П.А. Цыганков, имеются серьезные проблемы правоприменительного характера в мировой и региональной безопасности, связанные с известными принципами международного права, а именно права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государства¹³⁵. Примечательно то, что международно-правовая база никоим образом не отождествляет право наций на самоопределение с правом на сепессию. Закономерно, что в контексте разрешения этнополитических конфликтов полное самоопределение этнической группы носит неоднозначный

¹³² См.: *Хоперская Л.Л.* Этнополитические конфликты: модели и возможности разрешения // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2014. Том. 14. № 11. С. 191–194.

¹³³ См.: *Архипова Г.Г.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2006. С. 61–100.

¹³⁴ *Султыгов А.-Х.А.* Указ. соч. С.59.

¹³⁵ *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 333.

характер, оно способно спровоцировать противостояние как минимум на почве демаркации межгосударственных границ.

В широком смысле урегулирование этнополитического конфликта осуществляется на базе действующих политико-правовых институтов, признанных всеми участниками конфликта и способных приблизить к решению проблемы на взаимовыгодных условиях.

Наиболее продуктивным способом решения этнополитического противостояния являются переговоры, нацеленные на политическую деэскалацию конфликта. Они не всегда приводят к окончательному завершению конфликтного взаимодействия, но как минимум формируют условия для снижения напряженности между субъектами противостояния и сдерживают вооруженные акции. Переговорный процесс содержит глубокую содержательную нагрузку – создает доверительную атмосферу и фактически утверждает субъектное взаимопризнание.

А.В. Манойло отмечает, что переговорный процесс и посредническая роль являются базовыми параметрами устойчивого мирного разрешения конфликтов. К тому же современная мировая политическая практика подтверждает факт неотложного использования информационно-психологических технологий и инструментов, опирающихся на ценностно-культурные, этнические и морально-этические установки противоборствующих субъектов¹³⁶.

Несомненно, сам факт действующего переговорного процесса носит позитивное начало на фоне этнополитической конфронтации. Однако не меньшее значение имеет качество и характер принимаемых решений. Так, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов отмечают несколько результативных вариантов переговоров, а именно:

– компромиссные; достигаемые на основе взаимных уступок оппонентов, плодотворные в случае готовности сторон пренебречь теми или иными интересами;

¹³⁶ Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. 2013. № 10. С. 130–140.

- асимметричные; условный компромисс, достигнутый в условиях дисбаланса ресурсов и возможностей сторон, один из субъектов оказывается в наиболее выгодном (выигрышном) положении, нежели другой;
- инновационные; достижение принципиальной новой формы взаимопонимания по предмету конфликтного действия, предполагающее тесное сотрудничество субъектов этнополитического противостояния и выход за пределы повестки переговоров¹³⁷.

Известный специалист в области переговорного процесса, профессор Гарвардского университета У. Юри связывает его позитивные возможности с тенденцией передачи на более низкий политический уровень властных полномочий и компетенций¹³⁸. Данный вывод ученый сделал на основе поэтапного развития этнических сообществ. Первый этап – зависимость и ущемление этногруппы; второй этап – самостоятельность этнического сообщества; третий этап – взаимозависимость и взаимодействие с иными этническими сообществами на взаимовыгодных условиях. На основании вышеизложенной концепции, а также развивая другие теоретико-методологические концепции по вопросам урегулирования конфликтов, У. Юри совместно с Р. Фишером были предложены способы преодоления этнополитического противостояния:

- профилактика конфликта, использование доступных возможностей для предотвращения этнополитического противоречия;
- учреждение дискуссионной площадки, где могут быть озвучены позиции и точки зрения противоборствующих сторон;
- публичное изложение сути взаимных претензий субъектами конфликта в контролируемой обстановке;
- нахождение и согласование общих интересов;
- установление перспективных совместных целей и задач;

¹³⁷ Анцупов А.Я., Шитлов А.И. Указ. соч. С. 431–456.

¹³⁸ Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации: материалы международной научной конференции. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 77.

– поддержка позитивных результатов, достигнутых компромиссов и консенсуса¹³⁹.

Возвращаясь к вопросу о формах урегулирования этнополитических конфликтов, следует выделить и экономические модели разрешения противостояния, предполагающие создание искусственных препятствий для осложнения ведения внешнеторговой деятельности этнотерриториальными образованиями. К ним относятся экономическая блокада и санкции с целью устранения внешнеэкономических связей с сопредельными государствами и административно-территориальными единицами. Подобные меры результативны исключительно в целях предотвращения накопления капитала для оснащения вооружением возможных экстремистских групп.

К силовым формам урегулирования этнополитического противостояния относятся процедуры оперативного реагирования на развертывание вооруженного формирования, использование военизированного контингента с целью предотвращения насилия и жертв среди мирного населения¹⁴⁰.

Формы информационно-культурного характера урегулирования этнополитического конфликта включают государственные программы по ослаблению процессов этнического обособления, развитию полиэтнического пространства и поддержанию этнокультурного многообразия. Свою актуальность эта форма приобретает в условиях глобализации¹⁴¹.

В основе современных политико-конфликтологических концепций, посвященных вопросам урегулирования, нередко выделяются три парадигмы разрешения этнополитического противостояния – традиционная, марксистская и модернистская.

Традиционная парадигма ориентирована на выстраивание диалога с умеренными противоборствующими сторонами конфликта, с условием их готовности поддержать заданный формат, либо на подавление элитарных групп,

¹³⁹ См.: Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения. Гарвардский метод./ Пер. с англ. Т.М. Новикова.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 272 с.

¹⁴⁰ Мошина Л.В., Гунгер И.Ф. Использование силы в современной практике урегулирования международных конфликтов // Дневник АШПИ. 2011. № 27. С. 69.

¹⁴¹ Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 64.

мобилизующих этническую группу. В содержании данной парадигмы заложено несколько немаловажных принципов. Первый – поддержание существующего политико-государственного устройства возводится в ранг главного приоритета в ходе разрешения этнополитического противоречия; второй – ослабление роли этнических элит и общественно-политических движений, выступающих инициаторами противоборства; третий – действующая власть в целях достижения эффективных результатов урегулирования этнополитического конфликта учитывает потребности и интересы малочисленного этнического сообщества; четвертый – государственное неприятие радикальных субъектов этнополитических отношений, игнорирование их требований; пятый – расширение полномочий и компетенций этнотерриториального образования в вопросах самоуправления, языковой и культурной политики, образовательных стандартов; шестой – суверенное право государства самостоятельно разрешать и регулировать внутренние этнополитические проблемы без вмешательства внешних сил; седьмой – придача представительным органам государства статуса объективного посредника и арбитра при урегулировании внутригосударственных этнополитических конфликтов; восьмой – взаимодействие государственных органов власти при урегулировании этнополитического противостояния преимущественно с этническими элитами.

Традиционная парадигма урегулирования на практике применялась в разрешении североирландского конфликта, конфликта в провинции Индонезии – Ачехе и т.д. Тем не менее, она имеет существенные недостатки, прежде всего в том, что результаты подавления одного из субъектов противостояния, в такой логике, зачастую не имеют продолжительности во времени и стимулируют к разворачиванию скрытой борьбы этнической группы для достижения намеченных целей.

Разрешение этнополитических конфликтов в контексте марксистской парадигмы связывается с решением этнического вопроса через преодоление всех проявлений неравенства этносов в обществе. В соответствии с этим выделяется ряд базовых принципов в урегулировании этнополитических противоречий, это:

решение проблем, связанных с культурным, социальным, политическим и экономическим положением этнического сообщества; приоритет в реализации прав наций права на самоопределение; равенство этнических сообществ, проживающих в государстве; нормативное правовое закрепление возможности повышения политического статуса этнотерриториального образования (автономизация); самостоятельная политика в сфере культуры, образования и местного самоуправления¹⁴².

Модернистская парадигма разрешения этнополитического противостояния основывается на современных гуманистических началах; в нее включаются принципы демократии, защиты и соблюдения прав человека; противодействие расовой и этнической дискриминации, экстремизму и терроризму. В основе этой парадигмы следующие положения: первое – безальтернативный приоритет мирного переговорного процесса над силовыми методами разрешения конфликтной ситуации; второе – взаимопризнание равными субъектами переговорного процесса сторон противостояния (партнерство); третье – учет потребностей и интересов этнических групп; четвертое – поощрение внутреннего самоопределения и отказ от потенциальных форм внешнего самоопределения; пятое – первостепенность посредничества и медиации в решении конфликта; шестое – прохладное отношение к государственным институтам, выступающим в роли посредников урегулирования этнополитической конфронтации (исключение – внешние субъекты международного права и международные организации); седьмое – нахождение точек соприкосновения по вопросам сотрудничества как между элитами, так и на уровне этнических сообществ; восьмое – полное исключение насилия как средства достижения желаемого результата, соблюдение прав человека и международных гуманитарных норм. На развитие модернистской концепции оказали влияние уже не раз упомянутые труды Д. Горовитца, Д. Бартона и др.¹⁴³ Стоит отметить, что модернистская парадигма уделяет внимание отработке различных политических механизмов и инструментов. Не

¹⁴² См.: Кузьмина Н.В. Правовое регулирование этнических конфликтов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Кострома, 2004. 217 с.; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 592 с.

¹⁴³ См.: Horowitz D. Op. cit.; Burton J. Conflict: Human Needs Theory. L.: Macmillan, 1990. 383 p.

всегда действенных, о чем, в частности, свидетельствует политика мультикультурализма, которая в ходе интенсивных миграционных процессов последнего десятилетия потерпела очевидный крах в ряде развитых государств Западной Европы.

Как отмечает А.-Х.А. Султыгов, несмотря на достоинства и недостатки вышепредставленных парадигм, учитывая дивергентный опыт, необходимо синтезировать позитивные элементы для формирования консолидированной концепции урегулирования этнополитических конфликтов. Такая концепция, по словам автора, будет базироваться на «утверждении общих ценностей демократии, верховенства закона, обеспечении государственно-территориальной целостности, прав человека и т.д.»¹⁴⁴. При таком комбинированном подходе, вбирающем в себя позитивные теоретико-практические стороны традиционной, марксистской и модернистской парадигм урегулирования этнополитического противостояния, возможно превалирование акцента на следующем:

1. Воздержание от различных форм насилия в пользу мирного переговорного процесса как наиболее оптимального средства достижения мира и согласия.
2. Удовлетворение потребностей этнических сообществ как неотъемлемых прав этнического меньшинства.
3. Поощрение внутреннего самоопределения (автономизации), повышение политического статуса этнотерриториальной самоорганизации.
4. Препятствие деятельности сепаратисткой и ирредентистской направленности.
5. Тесное сотрудничество государственных органов и гражданских институтов по вопросам преодоления этнополитической напряженности.
6. Нахождение областей тесного межэтнического сотрудничества и диалога между национальными элитами.
7. Соблюдение прав и свобод всех граждан.

¹⁴⁴ Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 78.

8. Приоритет федеративного устройства государства как способа поддержания этнополитической стабильности.

В научной литературе, посвященной осмыслению конфликта и способов его урегулирования, широко используется категория «управление», под которой понимается воздействие на источники и катализаторы противостояния¹⁴⁵. Разрешение конфликта целиком или отдельных сторон его проявления, в том числе управления, выражается совокупностью политических мер – в перспективе долгосрочного контроля над развитием и деэскалацией этнополитического противоречия. В рамках консистентного восприятия данной категории основная цель представляется в недопущении вооруженного столкновения и насилия в отношении мирного населения. По мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаяева, «управление конфликтом и его урегулирование должны включать идентификацию, институционализацию конфликта, определение или выделение его субъектов и выработку стратегии и технологии его урегулирования»¹⁴⁶. Поэтому, исходя из такой позиции, управление и урегулирование этнополитическим конфликтом в реализации процедурно сопряжены и связаны. А это указывает на отсутствие взаимоисключающего характера их сущности и специфики для политологического знания.

Потенциальная эффективность способов урегулирования этнополитического конфликта отражается в диагностируемых социологических индикаторах, таких как: уровень благосостояния и образования населения, демографическое состояние, масштабы безработицы и др. В разных парадигмах наиболее результативные механизмы урегулирования конфликтов предлагаются в рамках следующих конфигураций: это федерация (федеративное государство), главные элементы – этнотерриториальный и административно-территориальный принципы государственного устройства. В рамках же модернистской парадигмы: это унитарное государство, в составе которого допустимо автономное этнотерриториальное образование (с набором политических полномочий и

¹⁴⁵ См.: Kriesberg L., Dayton B. *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 428 p.

¹⁴⁶ Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. Указ. соч. С. 200–201.

управленческих компетенций и с условием правового закрепления суверенитета и территориальной целостности государства, а также верховенства общей конституции).

Теоретико-методологические изыскания в области средств и способов регулирования этнополитических конфликтов позволяют разрешить современные конфликтные ситуации. Для этого политологической науке необходимо фокусировать особое внимание на аналитико-прогностическом осмыслении современных этнополитических противоречий, а также на выработке оптимальных, стратегически и технологически выверенных инновационных решений для преодоления различного рода кризисов и угроз.

Выводы к первой главе

1. Этнополитическая конфликтология – достаточно молодая научная дисциплина, основными компонентами которой являются такие категории, как: этническая группа, этнополитика, этнополитический конфликт, этническая мобилизация и др.

В этой связи этнополитический конфликт представляется особой разновидностью социального конфликта, предопределенного политическими, этнокультурными, территориальными, социально-экономическими, историческими, дискриминационными и другими факторами, характеризующийся столкновением фундаментальных интересов этнических сообществ или этнической группы и государства относительно преобразования или сохранения политического статуса этнотерриториального образования (в том числе, положения этнической группы в стране), автономизации либо суверенизации территории проживания этнической группы.

2. Пристальное внимание феномену этнополитического конфликта стали уделять во второй половине XX века. В контексте теоретико-методологических истолкований сущности и специфики этничности (соответственно, и этнополитического противостояния) сформировались три подхода: примордиализм (этническая принадлежность человека – объективная данность,

независящая от него самого), инструментализм (этничность выступает как социально-политический инструмент в достижении конкретных целей и задач), конструктивизм (этничность является продуктом социального конструирования, самоидентификации и отождествления с конкретной социальной группой на основе общности языка, культуры, происхождения и истории).

3. Этнополитические конфликты дифференцируются в зависимости от территориального устройства государства; способов борьбы; окружающего (мирового) позиционирования развернувшегося этнополитического противостояния; требований и установок этнических элит, объединений и движений.

4. Причинами этнополитических противоречий выступают территориальные, политические, социальные, экономические и исторические факторы.

Действующими субъектами этнополитического конфликта являются государства, этнические сообщества, этнические элиты, политические движения и объединения, позиционирующие себя как трансляторы воли и интересов этнической группы.

5. Динамика этнополитического конфликта включает в себя как минимум четыре фазы, это: становление конфликта, накопление ресурсов для противостояния (подготовка), эскалация конфликта, непосредственный конфликт (острая фаза), урегулирование этнополитического противоречия.

6. Основными установками этнической группы в условиях противостояния являются: внутреннее самоопределение в рамках единого государства (автономия), последствия – автономизация; внешнее этнотерриториальное самоопределение – создание собственного, независимого и суверенного государства (субъекта международного права), последствия – сепаратизм, сецессия; ирредентизм – воссоединение разделенной государствами этнической группы; территориальные притязания и споры.

7. Урегулирование этнополитического конфликта – совокупность политических мер и средств, предпринимаемых государством, субъектами

противостояния и посредниками в целях ликвидации источников конфликта. Формы разрешения этнополитического противостояния выражаются в политическом, переговорном, силовом, экономическом, культурно-информационном и иных средствах, исчерпывающих конфронтацию. Отмечаются насильственные, принудительные, консенсуальные и территориальные методы регулирования этнополитических конфликтов с устранением либо минимизацией этнических расхождений, а также методы консоциации, медиации, автономизации и федерализации как оптимальные формы регулирования этнополитического противостояния с сохранением этнических различий.

8. Управление этнополитическим столкновением достигается посредством использования взаимосвязанных политических, экономических, социально-культурных и других мер с целью воздействия на конфликтную ситуацию, дальнейшее разрешение и нейтрализацию.

ГЛАВА II. РАЗРЕШЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ И ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

2.1 Факторы обострения этнополитических противоречий в Кавказском регионе

Будущее в планетарном масштабе напрямую зависит от устремлений этнических сообществ к политическому и культурному самоопределению. Согласимся в этой связи с мнением ученого, что сегодня крайне неуместно игнорирование этнической дифференциации, во многом определяющей геополитическую конфигурацию мира¹⁴⁷. Этническая поляризация оказывает существенное влияние на внутренние политические процессы государств и их мирополитическую ориентацию, серьезно сказывающуюся на геополитической обстановке в различных регионах, в том числе на Кавказе. Согласие в межнациональной среде имеет для Российской Федерации первостепенное значение, определяющее уровень безопасности и степень стабильности в различных регионах. Это особо важно для стратегически важных южных рубежей страны – Кавказа. В.В. Путин справедливо отметил, что «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹⁴⁸.

Кавказский регион во всем своем многообразии в массовом сознании часто представляется территорией, пропитанной конфликтными явлениями разного порядка. В своей уникальной сущности регион раскрывается для научного исследования в крайне специфичном облике, прежде всего, в силу пространственно-территориальной широты и традиционного уклада общественно-политической жизни. В этой связи важно понять, что этнополитические конфликты на Кавказе обуславливаются обстоятельным переплетением конфликтного пространства с границами этнокультурными,

¹⁴⁷ Бельков О.А. Этнические факторы геополитики // Этнополитический вестник. 1995. № 4. С. 81–94.

¹⁴⁸ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 10.09.2017).

социально-психологическими и религиозными. Кавказским народам свойственно глубокое этническое самосознание и самоидентичность, отчетливо выражающиеся в чувстве причастности к территории исконного проживания¹⁴⁹. Та или иная территория как место исконного проживания этнической группы, в большинстве случаев выступает фундаментом идентичности. В то же время, как справедливо отмечает отечественный ученый К.С. Гаджиев, невозможно отчетливо выявить структурные особенности Кавказского региона в отношении его конфигурации как комплексно-интегративного пространства или унитарной территории, в цивилизационно-культурном и социально-политическом отношениях для всех проживающих на данной территории народов¹⁵⁰.

Испокон веков территория Кавказа являлась пространством активного военно-политического и геостратегического противоборства ведущих мировых и региональных держав, стремившихся установить над регионом свою власть. В наше время Кавказский регион не утратил свою уникальную роль, которая с давних времен характеризовалась наличием международно-торговых и культурных артерий, связывавших цивилизации Запада и Востока¹⁵¹. И сегодня под единым термином – Кавказский регион – следует понимать как территорию Северного Кавказа, всецело находящегося в составе Российской Федерации, так и Южного Кавказа (равнозначное понятие – Закавказье) – это постсоветские республики – Азербайджан, Армения и Грузия, в том числе частично признанные Абхазия и Южная Осетия.

С конца XX века к региону вновь обращено особо пристальное внимание мирового сообщества, продиктованное обстоятельствами распада СССР и крушения советской модели социализма. Данное обстоятельство обнажило существовавшие в стране в латентном виде межэтнические противоречия. Распад советского государства позволил реанимировать чаяния Западных государств в расширении собственного влияния и политико-экономического присутствия в

¹⁴⁹ См.: Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ конструктивного разрешения региональных конфликтов: северокавказская специфика // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2017. Том 23. № 1. С. 83–96.

¹⁵⁰ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 101.

¹⁵¹ См.: Христофоров В.С. К истории геополитического противостояния на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 58–64.

новообразованных закавказских республиках, в противовес региональным приоритетам Российской Федерации. Важно осознавать, что и сегодня, хотя кавказская тематика вышла во многом из фокуса внимания мировых информационно-аналитических агентств на фоне событий последних лет в Сирии и Украине, «это никоим образом не снижает значения закавказских процессов для безопасности всей Евразии»¹⁵² и не умаляет актуальности исследования проблем в разрешении этнополитических конфликтов на Кавказе, выявлении ключевых тенденций и закономерностей протекающих здесь процессов.

В обыденном сознании Кавказ воспринимается как единое целое, включающие особенности и качественные характеристики, свойственные всему региону. С нашей же точки зрения, сведение всей территории в синтетический социально-политический конструкт, имеет мало общего с реальным положением дел, является абберрацией, которая, оперируя кризисными явлениями в различных частях кавказского пространства, невольно навешивает на Кавказ ярлык заведомо несостоятельной и патологически конфликтной местности.¹⁵³ Стоит обратить внимание на динамику результатов опросов, проводимых Фондом «Общественное мнение» по вопросам стабильности и благополучия в исследуемом регионе. Больше половины опрошиваемых по-прежнему оценивают ситуацию на Кавказе как «неспокойную» и «неблагополучную»¹⁵⁴. Это, с нашей точки зрения, свидетельство недоучета того факта, что внутрикавказское общество глубоко дифференцировано по социально-политическим, этнокультурным, языковым, ценностно-идеологическим и религиозным признакам. В этих условиях индуктивный подход в оценке этнополитических процессов и отношений представляется необъективным и в научном отношении достаточно бесперспективным.

¹⁵² Значение кавказских процессов для безопасности Евразии [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия. 12.01.2017. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20170112/1020218939/znachenie-zakavkazskix-processov-dlya-bezopasnosti-evrazii.html> (дата обращения: 20.08.2017).

¹⁵³ Северный Кавказ: знания и представления о регионе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 11 августа 2005 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/eur/dd053224> (дата обращения: 10.08.2017).

¹⁵⁴ Ситуация на Северном Кавказе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 4 февраля 2010 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/eur/d100412 (дата обращения: 10.08.2017).

В то же время не представляется обоснованным и игнорирование взаимосвязи северокавказских и закавказских этнонациональных процессов. Между этническими сообществами (титульными народами), проживающими на территории Северного Кавказа, и этническими группами (автохтонными этносами), живущими в республиках Южного Кавказа, имеется выраженное этнолингвистическое родство, что в ряде случаев указывает на общность их происхождения. Различные акции в Закавказье по ущемлению этнических сообществ, являющихся близкородственными северокавказским народам, по меньшей мере вызывают острое раздражение и неприятие у последних. Этому свидетельство, в частности, деятельность северокавказских политических элит по поддержке и оказанию помощи Республике Абхазия в 1992–1993 годы¹⁵⁵. В ходе этнополитических конфликтов, разворачивавшихся на территории Кавказа, особое значение приобрел и феномен «движения добровольцев», в широком смысле выражавшийся в том, что у народов, проживающих в различных частях Кавказского региона, укреплялось чувство сопричастности к сложившейся беде близкого в лингвистическом и культурном отношении этнического сообщества, проживающего в другой части региона. Стихийно инициировалась мобилизация, формировались добровольческие отряды для оказания всесторонней помощи бедствующему родственному этносу. Все это наглядно проявилось в условиях и грузино-абхазского, и грузино-осетинского конфликтов.

Стоит отметить, что проникновение добровольцев в зону грузино-абхазского конфликта в 1992–1993 годах официально осуждалось российским руководством. Так, один из пунктов постановления Верховного Совета Российской Федерации включал положение: «...принять меры к недопущению проникновения незаконных военизированных формирований и поставок в зону конфликта»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Постановление Кабинета Министров Кабардино-Балкарской Республики от 17 августа 1992 г. № 172 «О политической поддержке и оказания гуманитарной помощи Республике Абхазия» // Кабардино-Балкарская правда. 1992. № 157.

¹⁵⁶ Постановление Верховного Совета РФ о ходе выполнения постановления Верховного Совета РФ «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» от 25 сентября 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 2. С. 184–185.

Такая реакция была в общем понятной. Рост этнического самосознания на Северном Кавказе и в Закавказье стал дополнительным фактором нарастания конфликтных явлений. Во многих случаях он обратился в средство манипуляции и политизации резонансного и проблемного этнического вопроса для ряда влиятельных представителей кавказской общественно-политической элиты. Деструктивное оперирование этническими атрибутами, требованиями и директивами по пересмотру политико-правового положения этнического сообщества¹⁵⁷, не имевших под собой должного основания, неминуемо приводили к обострению этнополитической ситуации как на межэтническом уровне, так и на уровне конфронтации этнического сообщества с государством.

По характеру нарастания межэтнического противостояния на территории Кавказского региона можно видеть, как усиление трений и разногласий по острым вопросам на площадке публичных обсуждений предопределяло начало кровопролитных вооруженных действий, катастрофические последствия которых наложили неизгладимый отпечаток на региональную социально-экономическую инфраструктуру, самочувствие населения, ощутимые и по сей день.

Трудности в этнополитической сфере отчетливо стали проявляться со времен распада СССР, хотя многие проблемы здесь имеют и более ранние истоки. Следует отметить основные источники и катализаторы возникшего на постсоветском пространстве Кавказа этнополитического противостояния:

1. Полиэтнический и многоконфессиональный состав населения Кавказского региона, что обусловило неоднозначность этнополитической ситуации.

В общемировых масштабах Кавказ располагает относительно небольшим пространством и незначительной плотностью населения, его уникальное географическое расположение и связующая роль между Восточной и Западной цивилизациями стали причиной бурных миграционных процессов и частого военно-политического размежевания сопредельных держав. Эти исторические

¹⁵⁷ Декларация о государственном суверенитете Северо-Осетинской АССР от 20 июля 1990 г. // Социалистическая Осетия. 1990. 21 июля; Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики от 27 ноября 1990 г. // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 28 ноября.

процессы придали широкую этнокультурную мозаичность данному региону. Множество этнических групп, проживавших на территории Кавказа, сохранили родственные чувства друг к другу: на протяжении долгого времени между ними сохранялись тесные связи, сопровождавшиеся культурно-лингвистическим взаимопроникновением; в свою очередь взаимосвязь этнических сообществ способствовала мирному сосуществованию носителей разных культурно-ценностных установок, приверженцев тех или иных религиозных течений и носителей разнообразных языков.

Развитие этнонациональных отношений в Кавказском регионе привело к религиозному плюрализму, здесь устоялись две наиболее значимые мировые религии – христианство и ислам со многими их течениями. Фундаментальные религиозные учения в некоторых случаях тесно переплетались с местными языческими верованиями, приносящими весомое влияние на духовно-ценностную составляющую кавказского общества. Эти исторические традиции религиозного плюрализма нельзя недооценивать и сегодня, несмотря на заметное повышение значимости религиозной составляющей в этнополитических процессах в регионе. С нашей точки зрения, конфликтный всплеск последних десятилетий скорее был связан все же больше с политическими, территориальными, социально-экономическими и этнокультурными детерминантами, нежели с его религиозным контекстом. Как правило, религиозный компонент, наряду с этническими атрибутами, выступал в качестве средства мобилизации и консолидации этнического сообщества вокруг значимых общественно-политических лозунгов. Следует отметить, правда, что соответствующие тенденции самого последнего времени стали выглядеть значительно серьезнее.

Вместе с тем можно заключить, что широкий этнический колорит для региона сам по себе не является имманентно конфликтным фактором. Другое дело, что наличествующая социально-экономическая и политическая разнородность внутри кавказского социума, конечно же, не может не создавать проблем межэтнического взаимодействия, где недоверие между народами

является продуктом своевременно нерешенных трудностей. Этнополитические противоречия на территории Северного Кавказа и Закавказья отражали и продолжают отражать неизменный курс этнических элит на корректировку прежде всего социального и политического положения представляемого этнического сообщества¹⁵⁸.

2. Территориальные споры. Детальное рассмотрение очагов этнополитической конфронтации на Кавказе показывает, что территориальные притязания часто являлись главными основаниями межэтнических конфликтов, в развитии которых обыгрывались подчас крайне драматические политические сюжеты. Так, в середине 1990-х годов наблюдалось несколько десятков известных этнополитических противоречий, центральной темой которых были территориальные противоречия. Значительная часть из них была заложена еще в советские годы, когда имели место случаи достаточно опрометчивой демаркации границ административно-территориальных единиц, проводившейся без учета интересов и базовых нужд (сохранение языка и культуры) этнических сообществ.

Особо острый оборот в первой половине 1990-х годов приобрела осетино-ингушская этнополитическая конфронтация по поводу Пригородного района Северной Осетии. Конфликт был заложен известными решениями сталинской эпохи¹⁵⁹. Повод для межэтнического напряжения, связанный с территориальными обстоятельствами, на протяжении последующих лет советского периода сохранял свои подспудные основания. И на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х годов в контексте наметившихся тенденций национального самоопределения осетино-ингушское противостояние разразилось с особой интенсивностью, приведшей к трагическому вооруженному столкновению.

Действия, предпринимаемые сторонами противостояния для преодоления конфронтации как на ранних этапах конфликта, так и до сегодняшнего момента оказались мало результативными в силу несовместимости используемых

¹⁵⁸ См.: Авксентьев В.А., Васильченко В.А. Этнические элиты и этнократия Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11. С. 68–87.

¹⁵⁹ См.: Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей [Электронный ресурс] // РИА Новости. 22.02.2008. URL: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html> (дата обращения: 10.09.2017).

подходов и позиций оппонентов относительно решения конфликтной ситуации. Вопрос еще требует своего выверенного решения.

3. Иерархичность и статусные различия этнотерриториальной архитектуры, созданной еще в советский период. Этнополитические противоречия в Кавказском регионе в значительной степени обусловлены сложностями национально-государственным строительства, прямым образом отражавшихся на судьбах многих этнических сообществ.

Неравенство статусов этнотерриториальных и административно-территориальных образований (края, автономные республики, области и округа) порождало отсутствие равных конституционных средств для поддержания и преумножения этнокультурных особенностей, что потенциально влекло за собой расширение источников этнополитических трений¹⁶⁰.

Как правило, диспаратный характер политических статусов этнических сообществ, территории их проживания, отражающихся на возможностях удовлетворения необходимых потребностей и нужд, приводил к острым межэтническим размежеваниям, в частности к дискриминации этнических меньшинств (проекция ассимиляции, вытеснение автохтонного этнического массива с мест обитания – как следствие миграции, принудительный абсентеизм, и др.). В условиях подобных обстоятельств элиты этнических меньшинств могли существенно активизировать деятельность, направленную на защиту интересов этих группы. По мнению Б.А. Хагба, «различия в статусе национально-государственных образований, конституционных возможностей в реализации национально-политических интересов во многом и определили характер ряда конфликтов (в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и т.д.)»¹⁶¹. Представляется, что именно невыверенные политические решения советского периода относительно статусов упомянутых территорий (понижение политического статуса Абхазской ССР в 1930–е годы, включение Нагорного

¹⁶⁰ В данном случае, примером является политико-правовой статус Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР, отличный от политико-правового положения Абхазской АССР и Аджарской АССР.

¹⁶¹ Хагба Б.А. Конфликты на юге России: поиски выхода // Этнополитический вестник. 1996. № 1 (13). С. 113.

Карабаха в состав Азербайджанской ССР в 1920–е годы и др.) и стали решающими в последующем обострении здесь этнополитических конфликтов.

4. Стремление некоторых этнических групп к отделению от одной и присоединению к другой территории (ирредентизм). Границы государственных и административно-территориальных единиц в кавказском регионе не всегда соответствуют ареалу проживания однородного этнического массива. Многие из народов Северного Кавказа и Закавказья проживают за пределами своих национально-государственных образований (например, чеченцы, ингуши, адыгейцы, кумыки, ногайцы и др.). Некоторые этнические сообщества и вовсе после распада советского государства оказались разделены границами постсоветских республик (например, лезгины и осетины).

По мнению диссертанта, существенный количественный прирост кавказских этнонациональных противоречий, переход из латентного в открытое противостояние, является следствием дезинтеграционных процессов распада СССР. На основе сравнительно-политологического анализа природы и характера этнополитических противоречий на Кавказе, а также факторов, оказывающих прямое или косвенное влияние на развитие конфронтации, предоставляется возможным выделить несколько типов этнополитических конфликтов на территории исследуемого региона на основе их причин:

- территориальный: спорные территории, которые по отдельному видению каждой из сторон противостояния являются их неотъемлемым пространством или частью государства (например, карабахский и грузино-осетинский конфликты);
- этнический: действия этнического сообщества, направленные на реализацию права внутреннего или внешнего самоопределения (например, конфликты в Абхазии и Чечне);
- политический: противоречия, обусловленные регенерацией статуса и принадлежности административно-территориальных единиц репрессированных этнических сообществ (например, осетино-ингушский конфликт).

Приведенные автором настоящей работы типы этнополитических конфликтов, конечно же, не претендуют на роль исчерпывающей классификации противостояний в Кавказском регионе. Так, военные действия в Нагорном Карабахе, без всякого сомнения, обусловлены целым рядом разнопорядковых проблем. И в целом, в композиции конфликтов как на территории Северного Кавказа России, так и на территории постсоветских государств Южного Кавказа, сохраняют свое значение противоречия, детерминированные исторической, социально-политической и этнокультурной модификацией.

Тем не менее, протекание этнополитических конфликтов на территории Северного Кавказа и Закавказья имеет некоторые расхождения, отчего следует выявить специфику и особенности эволюции этнополитических противоречий в этих отдельно взятых регионах.

Уже с конца XX века из Северокавказского региона стали поступать в Центр тревожные сигналы, требовавшие оперативной реакции органов власти СССР, позднее – органов власти Российской Федерации. Причины заключались в том, что политические амбиции постсоветских государств экспансивно перенимались и общественно-политическими силами большинства национальных республик Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе. В этом смысле можно особо выделить межнациональное политическое объединение, сформированное в 1991 году, – «Конфедерацию горских народов Кавказа», позднее, после 1992 года – «Конфедерацию народов Кавказа» (КНК), выступавшее за национальное самоопределение народов Кавказа, что придавало дополнительный импульс к развитию тенденций кавказского сепаратизма в целом. Так, один из пунктов главного документа, принятого на съезде объединения, гласил: «...республики, которые мы представляем, не могут быть частью какой-либо империи – большой или малой, и должны добиться полного государственного суверенитета...»¹⁶².

Начало 1990-х годов было отмечено всплеском сепаратистских движений, сосредоточивших ресурсы на изменении политического статуса территориальной

¹⁶² Декларация «О конфедерации союза горских народов Кавказа» // Эхо. 1991. 13 декабря.

единицы, в ряде других случаев – на выходе из состава государства. Развертывалась интенсивная межэтническая борьба по поводу разграничения административных и властных ресурсов в республиках со сложным этническим составом, часто с использованием менторской риторики в актуализации различий на основе этнических атрибутов. Эти процессы оказывали крайне негативное влияние на характер и механизмы взаимодействия центральных органов государства с его субъектами, в значительной степени повлекли потерю прежнего, в целом вполне привлекательного имиджа Северокавказского региона. Как результат диагностировались следующие факты (выводы основаны на анализе материалов представленных в «Атласе социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России»¹⁶³): отток населения; стагнация социально-экономической инфраструктуры; высокий уровень коррупции, клановость; распространение религиозного экстремизма и на его поприще развитие терроризма. На фоне всех обстоятельств межэтническое напряжение приобретало открытый конфронтационный посыл, острая фаза которого пришлась на первую половину 1990–х годов (статусные конфликты в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии с этническим подтекстом, осетино-ингушское противостояние относительно Пригородного района, чеченский конфликт и т.д.).

М.А. Аствацатурова отмечает наличие сегментированного этнического массива на территории Северного Кавказа, расчлененного по признаку происхождения, функционирования и средствам реализации групповых целей. Важно, что социальная активность и самоидентификация человека в этническом сообществе является характерным свойством для всего общественного пространства и основанием политизации внутри него этнических атрибутов и приоритетов¹⁶⁴. В этих условиях, особенно в переломные периоды, этническая группа способна вовлекаться в этнополитические и другие конфликты

¹⁶³ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV: Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе / Сост.: Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев, И.В. Пашенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 120 с.

¹⁶⁴ Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). М.: Московское бюро по правам человека, 2011. С. 34.

локального, регионального, общероссийского и международного формата, что было проиллюстрировано реакцией адыгско-черкесских организаций¹⁶⁵.

Как отмечает А.-Х.А. Султыгов, в рамках современного научного знания, касающегося этнополитических противоречий, выделяются два вектора анализа и выявления источников этнополитической конфронтации на территории России: комплексный и инструментальный подходы. Последний связывает катализаторы этнополитических проблем преимущественно с политической областью. В рамках же комплексного подхода в роли основных причин этнополитических конфликтов указываются следующие факторы: численное расхождение между этническими группами; дисбаланс в кулуарной системе этнического представительства в органах государственного и местного самоуправления; расовые различия; социальная стратификация; неравномерное социально-экономическое развитие регионов государства; акцент на этнических атрибутах с целью усиления неприязни между этническими сообществами; влияние глобализации и др.¹⁶⁶

По мнению К.И. Казенина, предпосылками развития этнополитических конфликтов на Северном Кавказе служат следующие факторы. Во-первых, общественно-политические процессы в северокавказских республиках нередко попадают под контроль узкого круга политических акторов, претендующих на роль выразителей мнения этнического сообщества. Во-вторых, внутри субъектов федерации часто идет жесткая борьба вокруг распределения властных и экономических ресурсов, а центральные органы власти оказывают скрытое содействие одной из сторон противостояния. В-третьих, значительную роль играет негативное взаимовосприятие этнических сообществ. Существуют и другие трудности, имеющие первостепенное значение для отдельных этнических групп и населения в целом¹⁶⁷.

Анализ факторов, провоцирующих конфликты в Северо-Кавказском федеральном округе, проведенный И.В. Стародубровской и Д.В. Соколовым,

¹⁶⁵ Российские адыги создают организацию для помощи своим землякам в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.12.2012. URL: <https://ria.ru/society/20121219/915464387.html> (дата обращения: 25.08.2017).

¹⁶⁶ Султыгов А.-Х.А. Указ. соч. С. 201.

¹⁶⁷ Казенин К.И. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С. 9.

показал, что противоречиям здесь свойственна дуалистическая модель: «конфликты, связанные с перекрестными правами на ресурсы, в первую очередь на землю; конфликты, связанные монополизацией ренты, перекрытостью «вертикальных лифтов» и невозможностью построения карьерных стратегий на основе достоинств и квалификации». Авторами, в частности отмечается, что «особую остроту данным конфликтам придают те условия, в которых они протекают, а именно: демографический рост; «замкнутый круг насилия»; конкуренция юрисдикций» и др.¹⁶⁸.

Примечателен, с этой точки зрения, и доклад Института востоковедения РАН, в котором фиксируется следующее: «Одна линия раскола связана с историческим соперничеством по земельно-территориальным вопросам. Другие проблемы связаны с формированием идентичности и с вопросами современной политики, такими как доступ к должностям, распределение федеральных субсидий и обеспечение благоприятных условий для развития бизнеса. В отличие от остальных регионов Российской Федерации, этничность здесь превратилась в влиятельную политическую категорию, которая определяет социальный статус человека, приемлемый уровень его притязаний и возможность доступа к административным и экономическим ресурсам»¹⁶⁹.

На наш взгляд, взаимосвязь этничности и политики на Северном Кавказе выражена способностью и желанием этнических групп действовать с позиции защиты и реализации собственных интересов в условиях конкуренции с иными социальными группами, где этнические атрибуты используются как средство и причина для вытеснения с политической орбиты наиболее «опасных» оппонентов. Подобная конкуренция, выходя за рамки легитимного поля, зачастую оборачивается острым межэтническим столкновением и этнополитическим противостоянием. Наряду с этим, северокавказской социально-политической среде свойственна стигматизация по принципу этнической, религиозной или конфессиональной принадлежности. Так, по мнению М.А. Аствацатуровой,

¹⁶⁸ Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 70.

¹⁶⁹ Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 14.

присваиваемые людям маркеры по тем или иным критериям приобретают манипулятивный и агрессивный контекст, эксплуатируется принадлежность индивида к конкретной социальной группе для поддержания экономической и политической конкурентоспособности¹⁷⁰.

Вместе с тем, по мнению диссертанта, причины этнополитических противоречий на Северном Кавказе кроются прежде всего в несовершенстве социальной и политической стратификации, в связи с чем в этнополитических исследованиях немаловажно учитывать место и роль личности в традиционном обществе.

Конфликтные явления на территории Южного Кавказа также требуют специального внимания к свойственному им набору специфичных качеств. К их числу стоит отнести: международно-правовые статусы республик (например, признанные субъекты международного права, частично-признанные государства, самопровозглашенные национально-государственные образования); политическое положение на мировой арене участвующих в конфликте субъектов (авторитет, влияние); масштабы в пространстве и времени (например, региональное противостояние, локальное этнополитическое противоречие); вовлеченность в конфликт и прямое воздействие на его динамику третьих сторон (внерегionalные державы, организации и политические движения, выступающие в посреднической роли); формирование международных политических и дипломатических площадок по вопросам урегулирования и преодоления кризисных ситуаций (примеры – Минская группа ОБСЕ по урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха, раунды Женевских дискуссий по безопасности и стабильности на Южном Кавказе и др.)¹⁷¹.

Указанные специфичные признаки усиливают степень конфронтации. Проявляется это весьма противоречиво. С одной стороны, у закавказских республик, сопредельных государств Кавказского региона и международных акторов имеется принципиальная заинтересованность в стабильности и

¹⁷⁰ Аствацатурова М.А. Указ. соч. С. 28–30.

¹⁷¹ См.: Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 263–270.

безопасности на Кавказе, с другой, проявляется и явная заинтересованность ряда политических игроков в военно-политической дестабилизации региона. Это было, в частности, в полной мере продемонстрировано событиями августа 2008 года в Южной Осетии и последующими процессами геополитического противоборства в Кавказском регионе. С.В. Лавров отмечал, что «с точки зрения международных позиций Республик Абхазии и Южной Осетии... существует сильная предвзятость, которую проявляют наши западный партнеры, да и некоторые другие страны, когда рассматривают происходящее на Кавказе <...> Реалии они видят и осознают, но по инерции пытаются применять двойные стандарты и политизировать отношения к уже состоявшемуся факту независимости Абхазии и Южной Осетии»¹⁷².

Из характера протекания кавказских конфликтов следует, что этнополитические противоречия имеют двойственную структуру проявления – открытую и латентную. В определение латентного этнополитического конфликта, в некоторых случаях именуемого «замороженным», не включено открытое вооруженное противоборство между оппонентами, но для него характерна политическая борьба, бескомпромиссность и воздержание от принятия любых консенсусов. Открытый конфликт затрагивает многие сферы общественной жизнедеятельности, получает широкую огласку и приобретает очертания крупномасштабного кризиса. Открытый конфликт становится площадкой для применения различных методов и механизмов целенаправленного действия, вплоть до насильственных и военных.

Как справедливо указывает С.М. Маркедонов, вспышка этнополитических столкновений в пространстве бывших закавказских советских республик была связана с хронической, всячески скрываемой от советской общественности межэтнической дисгармонией. Этнополитические противоречия на территории Закавказья со временем переросли в кровопролитные и вооруженные конфликты: азербайджано-армянский конфликт 1991–1994 годов (военные действия на

¹⁷² Лавров отмечает предвзятость Запада в отношении Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс] // Российская газета. 25.08.2013. URL: <https://rg.ru/2013/08/25/lavrov-anons.html> (дата обращения: 20.08.2017).

территории Нагорного Карабаха), первично проявлявшийся в публичных требованиях общественности и политических деятелей; митинги и этнические погромы на территориях ССР Армении и ССР Азербайджана; грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты, изначально позиционировавшиеся как противоречия вокруг нормативного правового закрепления статусов территорий и их политического положения, позднее в 1991–1993 годах обернувшиеся открытыми вооруженными столкновениями. Этнополитические конфликты развивались в условиях активной поддержки населения, к которому элиты апеллировали отсылкой к историческим политико-правовым конструкциям национально-государственного устройства, в том числе к необходимости торжества исторической справедливости¹⁷³.

Грузино-абхазский и осетино-ингушский конфликты стали наиболее показательными в контексте исследования моделей решения этнополитических кризисов и проблем в силу своей знаковости и соответствия общим трендам кавказских этнополитических конфликтов и подходов к их урегулированию. Выявление их катализаторов и особенностей является необходимым и сущностным условием выверенного определения магистральных свойств и характеристик моделей регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе, последующей экстраполяции выводов и результатов компаративистского анализа на выработку рекомендаций по поддержанию этнополитической стабильности и безопасности в Кавказском регионе.

2.2 Динамика этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье

На территории постсоветской России осетино-ингушский конфликт явился одним из наиболее ярких примеров конфликтного взаимодействия с этническим и политическим компонентами. Конфликтная проблема не утрачивает своей

¹⁷³ Маркедонов С.М. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. С. 29–30.

остроты и необходимости ее разрешения¹⁷⁴ – в свете осуществляемых государством сегодня нормативных и политических процедур урегулирования, иницирующихся в рамках государственной национальной политики, ориентированной на гармонизацию отношений между этническими сообществами и упрочнению согласия между религиозными общинами на территории России.

Осетино-ингушское противостояние, связанное с вопросом статуса Пригородного района Владикавказа, явилось одним из первых этнополитических конфликтов, переросших в открытое вооруженное столкновение в России. С.М. Маркедонов справедливо подчеркивает, что «за годы советской власти и в особенности в постсоветский период этот вопрос стал основополагающим фактором самоидентификации осетин и ингушей»¹⁷⁵. Развивая этот тезис, стоит отметить, что, как и многие другие этнополитические конфликты, осетино-ингушское противоречие обладает внушительным количеством специфических характеристик и атрибутов, в числе которых немаловажным компонентом стал экспансивный фактор. Для понимания природы и структуры осетино-ингушского конфликта представляется необходимым отразить его исторические предпосылки и главные источники.

Как отмечал А.Г. Здравомыслов, в толковании причин эскалации осетино-ингушского конфликта существуют диаметрально противоположные позиции: осетино-ингушский конфликт был предначертан историческими и политическими обстоятельствами; осетино-ингушское противостояние – преднамеренно спровоцированный конфликт¹⁷⁶. Согласно первой позиции, столкновение явилось следствием заданной историей траектории, в условиях которой ингушскому и осетинскому народам пришлось столкнуться с непростыми обстоятельствами и событиями; а также специфики этнокультурных особенностей и традиций этих соседствующих народов. Вторая позиция выражается в том, что в ее логике

¹⁷⁴ Осетино-ингушский конфликт: 25 лет спустя [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 30.10.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2339791.html> (дата обращения: 02.11.2017).

¹⁷⁵ Маркедонов С.М. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁷⁶ Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М.: РОССПЭН, 1998. С. 22–23.

генезис и основная фаза осетино-ингушского конфликта не предопределены теми или иными историческими обстоятельствами и событиями, напротив, стали следствием политической конъюнктуры: общественно-политической конкуренции в распределении властных и экономических ресурсов. Эта позиция в большой мере связывает этнополитическое противостояние с этническими аспектами территориальной реинтеграции и дезинтеграции, вполне закономерными для российских преобразований первой половины 1990-х годов.

Исторические сведения о связях осетинского и ингушского народов восходят к началу XVIII века, к тому моменту, когда северокавказское пространство, населенное горскими народами, попадает в лоно геополитических и стратегических приоритетов Российского государства, причиной чему было ее нараставшее военное и торговое противостояние с влиятельными региональными державами – Турцией и Персией. Российской империи было жизненно необходимо обеспечить как безопасность международно-торговых путей, проходивших по уже очерченным путям Великого шелкового пути, так и усилить собственные позиции и упрочить свой авторитет в Кавказском регионе. По нашему мнению, достаточно точным будет признание и того, что и сегодня Кавказ продолжает сохранять свое первостепенное значение не только для стран региона, но и для всего остального мира. К.С. Гаджиев отмечает: «...с военно-стратегической точки зрения Северный Кавказ для Российской Федерации определяется его выгодным геополитическим положением, делающим его своеобразным регионом-форпостом, присутствие в котором дает возможность эффективно защищать национальные стратегические и геополитические интересы, обеспечивать политическую и социально-экономическую стабильность на южных рубежах»¹⁷⁷.

Следуя хронологии, невозможно не отметить ряд событий далекого прошлого, оказавших существенное влияние на формирование осетино-ингушских противоречий. Это проникновение российской власти на Северный Кавказ, датируемое временами правления Ивана Грозного и упрочнением связей с

¹⁷⁷ Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 134.

кавказской знатью, как об этом пишет русский историк Н.М. Карамзин¹⁷⁸. Следует отметить вместе с тем, что в последующие столетия, вплоть до революции 1917 года, осетинам и ингушам в целом удавалось преодолевать существующие противоречия и избегать серьезных трений. Как следует из официальных источников, в 1774 году в подданство Российской империи вступают осетины, позднее, в 1810 году, влиятельными ингушскими родами также подписывается акт присяги российской власти. Обе этнические группы рассматриваются при этом как мирные. Вхождение в подданство России северокавказских народов, несомненно, упрочивает позиции Российского государства в Кавказском регионе.

Наиболее знаковыми и проблемными оказываются социально-политические события XX века, приведшие к росту межэтнического напряжения между соседствующими народами.

Постреволюционное политико-административное устройство на Северном Кавказе носило достаточно динамичный характер. После упразднения Горской АССР декретом ВЦИК 7 июля 1924 года были организованы независимые административно-территориальные единицы, образованные по национальному признаку (Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская)¹⁷⁹. Город Владикавказ, получив статус самостоятельной административной единицы, одновременно стал и центром Северо-Осетинской автономной области, которая вплоть до начала 1930-х годов сохраняла статус автономной территориальной единицы. В 1934 году, Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в единое национально-территориальное образование¹⁸⁰. Позднее, согласно статье 22 принятой 5 декабря 1936 г. Конституции СССР, автономные области были

¹⁷⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 682–683.

¹⁷⁹ Декрет ВЦИК от 7 июля 1924 г. № 656 «Об упразднении Автономной Горской Социалистической Советской Республики <...> о выделении города Владикавказа в самостоятельную административную единицу» // Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918–1937). М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 153–154.

¹⁸⁰ Постановление ВЦИК от 15 января 1934 г. «Об образовании Чечено-Ингушской Автономной области» // Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918–1937). М.: Изд-во Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 251.

преобразованы в Северо-Осетинскую АССР со столицей Владикавказом и Чечено-Ингушскую АССР¹⁸¹.

На завершающей стадии Великой Отечественной войны – в феврале 1944 года – некоторые представители северокавказских народов подверглись насильственной депортации из коренных мест проживания в Казахстан и Среднюю Азию. Экспатриация коснулась ингушей, чеченцев и некоторых тюркоязычных северокавказских народов. Была ликвидирована Чечено-Ингушская административно-территориальная единица в составе РСФСР, ее земли были рассредоточены по прилегающим территориальным образованиям¹⁸².

Значительная часть Пригородного района, находившаяся ранее в составе ликвидированной автономной республики, стала частью Северо-Осетинской АССР. До начала депортации этническое большинство в Пригородном районе составляло ингушское население, после вхождения в Северо-Осетинскую АССР было организовано интенсивное заселение опустевших мест осетинами из Грузии и Южной Осетии¹⁸³.

Депортация коренных северокавказских народов заложила основу острого межэтнического размежевания в регионе. В данной работе не затрагиваются причины и предпосылки депортации (этот вопрос требует отдельного научного исследования), и внимание сосредоточено лишь на последствиях экспатриации, оказавших на эскалацию конфликта главное воздействие.

Первый этап реабилитации депортированных народов был начат после смерти И.В. Сталина¹⁸⁴. В январе 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было принято решение о восстановлении национальных административно-территориальных образований депортированных народов¹⁸⁵: была воссоздана Чечено-Ингушская АССР, процесс репатриации приобрел

¹⁸¹ Конституция СССР (ред. от 5 декабря 1936 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁸² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. № 116/102 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁸³ См.: Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. С. 71–72.

¹⁸⁴ См.: Патиев Я.С. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Магас: Сердало, 2004, С. 5–7.

¹⁸⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. № 721/4 «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

полномасштабный характер. Однако некоторые поселения и села, в которых до массового выселения проживало преимущественно ингушское поселение (в том числе Пригородный район), остались в составе Северо-Осетинской АССР.

Одновременно с процедурами по реабилитации депортированных народов ингушской интеллигенцией предпринимались попытки заострить внимание руководства СССР на возможности территориальной эмансипации, реорганизации Чечено-Ингушской АССР в две равноправные административно-территориальные единицы в составе РСФСР (открытое письмо ингушской интеллигенции руководящим органам СССР «О судьбе ингушского народа» в 1972 году), однако реакции не последовало. Не решались и спорные территориальные проблемы. Ощутимое ухудшение осетино-ингушских отношений пришлось на 1989 год, произошло это на фоне ожидаемого роста этнического самосознания на всем советском пространстве в условиях резко обозначающего себя кризиса государственности. Этнические группы и национальные элиты советских республик практически синхронно выступили с требованиями пересмотра политического статуса своих административно-территориальных образований, прежде всего, заметного расширения их полномочий. Проблемные зоны ширились и в силу действия других факторов. Так, одной из составляющих эскалации осетино-ингушского конфликта явилась историческая память об издержках национальной политики в регионе, в некоторых случаях основанная, надо признать, на этнополитических мифах и их преднамеренной актуализации в драматической интонации¹⁸⁶.

По мнению диссертанта, несмотря на социальные, политические, эмоционально-психологические и иные предпосылки к конфронтации, в 1980–е годы была возможность не решить всецело, но урегулировать ситуацию, если бы логику мирного развития событий четко выдерживали официальные властные структуры.

Л.А. Чибиров отмечает, что первый острый этап в развитии осетино-ингушского конфликта пришелся на 1989–1991 годы. Этот период был отмечен

¹⁸⁶ См.: Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Указ. соч. С. 304–305.

преобладанием острых дискуссий и правовых коллизий, не получавших своего разрешения, что способствовало нарастанию факторов, усугублявших противостояние. Можно в этой связи выделить решения Второго съезда ингушского народа в 1989 году; Закон «О реабилитации репрессированных народов», принятый Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 года¹⁸⁷; дезинтеграцию Чечено-Ингушской республики¹⁸⁸; и этнополитическую напряженность в Грузии¹⁸⁹.

Безусловно, в контексте настоящей диссертации для нас более значимыми выступают два первых обстоятельства. Упомянутый съезд был созван для обсуждения вопроса, посвященного проблемам восстановления ингушской государственности и выхода из состава Чечено-Ингушской АССР. В основу резолюции съезда легли положения о восстановлении ингушского национально-государственного образования по образцу 1920–х годов, пересмотре границ с Северной Осетией, а также о включении в состав Ингушетии правобережной части города Орджоникидзе (Владикавказа)¹⁹⁰. В то же время ключевой для решения национальных проблем Закон «О реабилитации репрессированных народов» оказался достаточно противоречивым и в своей сути, и в плане своей правовой реализации. Для ингушского населения он регламентировал территориальную реабилитацию депортированной части населения, подразумевая тем самым его право на притязания правобережной части Пригородного района Северной Осетии; для осетинской же стороны Пригородный район продолжал оставаться неотъемлемой частью Северной Осетии, что закреплялось положениями Конституции СССР (статья 84), в части недопустимости изменения границы автономной республики без ее согласия¹⁹¹.

Следующий этап, который пришелся на 1991–1992 годы, характеризовался тем, что общественно-политическая интеллигенция обеих

¹⁸⁷ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-І «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями от 1 июля 1993 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁸⁸ Закон РФ от 04 июня 1992 г. № 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁸⁹ См.: Чибиров Л.А. О причинах, вызвавших осетино-ингушское противостояние // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Том 14. № 3. С. 20–26.

¹⁹⁰ См.: Второй съезд ингушского народа. Документы и материалы. Грозный, 1990. 224 с.

¹⁹¹ Конституция СССР (ред. от 26 декабря 1990 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

республик усиливала свою бескомпромиссность, все полнее демонстрируя незаинтересованность в достижении взаимных уступок в разрешении конфликтной ситуации, полагаясь на потенциальную поддержку федерального центра. С конца 1991 по начало 1992 года как среди осетин, так и среди ингушей осуществлялась интенсивная мобилизация, формировались отряды самообороны и народного ополчения.

С 1992 по 1995 годы, произошло множество знаковых событий. Одно из них – преобразование Чечено-Ингушской Республики, а именно образование 4 июня 1992 года Ингушской Республики в составе Российской Федерации (на основе законодательного предложения, внесенного Президентом России Б.Н. Ельциным в Верховный Совет Российской Федерации)¹⁹². В связи с этим выявился целый ряд острых проблем: отсутствие декларированных границ субъекта; единой системы управления; отсутствие общепризнанного руководства, повлекшее практику выдвижения лидеров от тейпов, полагавшихся на помощь и солидарность населения. Согласно статье 2 Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», предусматривалось решение вопросов «государственно-территориального разграничения» в целях реализации Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов». Но это, как уже отмечалось, шло в разрез с положениями Основного Закона Российской Федерации, не предусматривавшего изменение границ без согласия субъекта, от которого планируется отчуждение территории. Все это способствовало резкой радикализации настроений, и для ингушского населения стимулирующим импульсом в его мобилизации стала идея по воссоединению Пригородного района с Ингушетией¹⁹³.

А. Г. Здравомыслов в этой связи отмечает, что «внимательный анализ ситуации, складывающейся к концу 1992 года, позволяет сделать вывод, что даже взаимодействия обозначенных факторов было недостаточно для того, чтобы конфликт перерос в насильственную фазу и превратился в эпизод этнической

¹⁹² Закон РФ от 04 июня 1992 г. № 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁹³ См.: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 388–394.

войны. Для этого нужны были по меньшей мере еще два обстоятельства. Первое – наличие вооружения и второе – нарастание соответствующей социально-психологической атмосферы»¹⁹⁴. В итоге наращивание объемов военного вооружения различными способами, рост экстремистски настроенных людей по обе стороны конфликта неминуемо обернулись началом кровопролития.

Хотя фаза открытого вооруженного столкновения (октябрь – ноябрь 1992 года) оказалась достаточно краткосрочной, она на долгие годы предопределила этнополитическую повестку и политические приоритеты у оппонирующих северокавказских республик¹⁹⁵.

И сегодня каждая из сторон конфликта достаточно субъективно подходит к вопросу толкования произошедших событий: осетинская сторона указывает на попытку аннексии Пригородного района ингушскими бандформированиями в пользу Ингушетии, ингушская сторона считает действия осетинского ополчения военной агрессией против ингушского населения. На сегодняшний момент отсутствует и единая признанная политико-правовая оценка произошедших событий октября – ноября 1992 года. А они трагичны. Согласно опубликованным данным, погибли по меньшей мере свыше 400 человек, были ранены свыше 800, более 200 людей пропали без вести, и как итог военных действий – несколько десятков тысяч беженцев¹⁹⁶.

Осетино-ингушский конфликт выявил сложности и слабые звенья в системе взаимоотношений оппонирующих республик с федеральным центром, у которого фактически отсутствовала обоснованная и сбалансированная стратегия по преодолению возникшего кризиса. Центральная власть предпочла сохранять статус-кво в целях самоустранения от возможной политизации этничности. Однако, как отмечалось в некоторых СМИ, высшее российское руководство начала 1990-ых проявляло большую лояльность к руководству Северном Осетии в условиях конфликта, подчеркивалось даже, что «...причины столь

¹⁹⁴ Здравомыслов А.Г. Указ. соч. С. 58.

¹⁹⁵ См.: Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. М.: Макс Пресс, 2005. С. 60–61.

¹⁹⁶ См.: Дзадзиев А.Б. Осетино-ингушский конфликт: современное состояние проблемы //Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 6 (30). С. 96–106.

благожелательного (чтобы не сказать – заискивающего) отношения высшей российской власти к руководству Северной Осетии – не ясны»¹⁹⁷.

Чрезвычайное положение, введенное Президентом России Б.Н. Ельциным 2 ноября 1992 года¹⁹⁸, продлилось до февраля 1995 года. На этот период был создан политический институт – Временная администрация, главой которой стал заместитель правительства РФ – Г.С. Хижа, его заместителем был назначен С.К. Шойгу. Задачей созданного органа являлась выработка неотложных мер по решению проблемы.

На наш взгляд, анализ развития осетино-ингушского этнополитического противостояния не дает оснований для вывода о том, что межэтническая напряженность не имела предрешенности в отношении трансформации конфликта в вооруженное столкновение. Вооруженный конфликт не явился следствием ни межрелигиозного, ни этнокультурного столкновения, но его протекание обусловило возникновение дестабилизирующего фона в регионе, заметного и поныне. Представляется возможным констатировать тот факт, что истоки противостояния коренятся в неыверенности политических решений советской власти первой половины XX века и во многом – в неоднозначности позиции федерального центра в 1990–е годы.

Если же говорить о грузино-абхазском противостоянии, то можно заключить, что относительно схожие элементы с осетино-ингушским конфликтом оно имело в части предпосылок и истоков, заложенных на начальном жизненном цикле Советского государства.

Тем не менее, грузино-абхазский конфликт – явление, в большей степени порожденное обстоятельствами и событиями прошлого, вобравшими в себя драматические страницы из истории Абхазии и Грузии. Как писал Ю.Н. Воронов: «Предпосылки войны в Абхазии заключены в широком спектре локальных, региональных и глобальных причин, сделавших Абхазию заложницей сложных

¹⁹⁷ Осетино-ингушский конфликт: у каждой из сторон своя правда [Электронный ресурс] // Независимая газета. 02.11.2007. URL: http://www.ng.ru/ideas/2007-11-02/10_konflikt.html (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁹⁸ Указ Президента РФ от 2 ноября 1992 г. № 1327 «О введение чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

политических интриг»¹⁹⁹. Географическая зона грузино-абхазского конфликта исторически связана с политико-экономическими узлами многих государств и регионов.

С одной стороны, благоприятное территориальное расположение Абхазии на протяжении всей истории позволяло ей органично вписываться в Кавказское региональное пространство. Из исследования Г.В. Слядневой справедливо следует вывод, что на протяжении многих веков история развития абхазского и грузинского народов тесно связана²⁰⁰. Насыщенная социально-политическая жизнь Кавказского региона требовала от обеих сторон тонкого балансирования между национальными интересами, приоритетами и соображениями общей взаимовыгоды. Достаточно понятной причиной тесных связей между абхазами и грузинами выступило территориальное соседство этнических сообществ. При неминуемом межэтническом взаимодействии абхазское и грузинское население приобрело некоторые сходства в общественной и бытовой жизнедеятельности, продемонстрировав значительную культурную близость. Но не родство. Как отмечает в своем труде А.Ф. Авидзба, базовые интересы, установки и приоритеты общественно-политических сил и движений обеих республик, которые возможно вычленишь из истории двухсторонних отношений, по большей мере содержали и конфронтационно-антагонистические черты²⁰¹.

Некоторые обстоятельства грузино-абхазского исторического противостояния свидетельствуют о проявлении данного конфликта и в современном противостоянии — на идеологическом, этнокультурном и ментальном уровнях. Более того, они были даже усилены. Как пишет Э.Н. Тужба, высокий уровень враждебности и нетерпимости в грузино-абхазском конфликте определил бесперспективность их постконфликтного диалога, в том числе потому, что предконфликтное политико-идеологическое противостояние, а затем вооруженное столкновение дополнили оценочный инструментарий населения

¹⁹⁹ Воронов Ю.Н. Абхазо-грузинская война: истоки и предпосылки (политологический анализ) // Абхазский вестник. 1993. № 2 (2). С. 3.

²⁰⁰ Сляднева Г.В. Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. С. 16–39.

²⁰¹ Авидзба А.Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум, 2012. С. 15–47.

обеих республик существенными негативными элементами²⁰². Так, Ю.Д. Анчабадзе отмечает, что представления грузин об абхазах до начала конфликта были в основном вполне положительными. На это неопровержимо указывают, в частности, литературные портреты представителей абхазского этноса, представленные в творческих трудах многих грузинских писателей советского периода. Однако ситуация кардинально изменилась с усилением конфронтации между грузинами и абхазами к концу 1980-х годов, положительные характеристики стали демонстративно дискредитироваться²⁰³.

Сегодня, на наш взгляд, каждый из субъектов противостояния акцентирует внимание преимущественно на своем понимании исторического и этнокультурного опыта двухсторонних отношений. В массовом сознании абхазского населения события 1992–1993 годов истолковываются как национально-освободительное движение, реализацию права на самоопределение. Это достаточно понятно. Многие этнополитические конфликты показывают, что этнокультурная составляющая в противоречиях лишь тогда актуализируется, когда этническое сообщество наталкивается на всевозможные барьеры в ходе сохранения собственных этнокультурных компонентов, возникающие проблемы побуждают к оперативной защите и консолидации вокруг многозначительной идеи – самоопределения и суверенизации. Для грузинской стороны важно другое: предмет спора представлен проблемой непреложности территориальной целостности Грузии, где Абхазия предстает неотъемлемой составной частью единого Грузинского государства.

Абхазы, являясь автохтонным населением Черноморского побережья Абхазии, подчеркивают свои аутентичные традиции, обычаи, язык и культурно-лингвистическую связь с некоторыми северокавказскими этническими сообществами (абазинами, шапсугами, адыгейцами, черкесами и кабардинцами)²⁰⁴. Грузины – коренные жители современной Грузии – в

²⁰² Тужба Э.Н. Трансформация социальных процессов в постсоветской Абхазии: дис. ...д-ра социо. наук 22.00.04. Краснодар, 2012. С. 184–199.

²⁰³ Грузины и абхазы. Путь к примирению / Под общ. ред.: Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю.Д. Анчабадзе. М.: Весь мир, 1998. С. 113–114.

²⁰⁴ См.: Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1965. – 694 с.

этнолингвистическом отношении дистанцированы от абхазского этноса, они являются представителями картвельской языковой семьи, которую условно группируют с общей кавказской языковой семьей²⁰⁵.

В VIII – XI веках существовало могущественное государство – Абхазское царство, основы государственности которого были заложены культовой, по меркам абхазской исторической мысли, личностью – Царем Леоном II²⁰⁶. Наиболее важный политический аспект данного исторического обстоятельства заключается в том, что с появлением абхазского национально-государственного образования в раннем Средневековье был создан прецедент, который, согласно нормам международного права, служит достаточно весомым аргументом в пользу реализации права национального самоопределения. Можно счесть данное обстоятельство условным политическим преимуществом для абхазской стороны на международных дискуссионных площадках по вопросам урегулирования грузино-абхазского конфликта, в части правомочности использования механизма государственно-национального самоопределения и расширения политического ареала призвания международной правосубъектности Абхазии.

Грузино-абхазский конфликт, в отличие от некоторых других этнополитических противостояний на постсоветском пространстве, имеет, как мы видим, глубокие исторические корни. Со второй половины XVI века Абхазское княжество, как и Западная Грузия, попадают под фактический протекторат Османской империи, интенсивно расширявшей влияние на Черноморском побережье Кавказа. Обе территории пребывают в зоне османского влияния до начала XIX века, времени, когда Российское государство начинает предпринимать решительные шаги по вытеснению турков с Черноморского побережья. С реализацией этой цели и было связано инкорпорирование сначала Картли-Кахетинского царства (по Георгиевскому трактату, 1801 год), а позднее и

²⁰⁵ Грузины / Отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 82–85.

²⁰⁶ См.: *Инал-Ипа III.Д.* Указ. соч. С. 57.

Абхазского княжества (в 1810 году, за исключением некоторых абхазских субэтнических групп) в состав Российской империи²⁰⁷.

Вхождение Абхазского княжества в состав Российской империи в качестве автономии некоторой частью абхазского дворянства, настроенного на уплотнение связей с турками, было воспринято крайне негативно. Позднее, к концу Кавказской войны в 1864 году, часть абхазского населения, наряду с близкородственными этническими сообществами, переселилась на побережье Турции. По итогам Кавказской войны автономное Абхазское княжество было ликвидировано, территория Абхазии (Сухумский военный отдел, позже Сухумский округ Кутаисской губернии) была подчинена царской администрации на Кавказе, оставаясь в таком положении вплоть до 1917 года²⁰⁸.

С прекращением существования Российской империи обозначились новые векторы национально-государственного строительства для многих территориальных образований крупнейшей империи евроазиатского континента. В марте 1917 года на территории Абхазии создается Временное правительство, позже, в ноябре 1917 года, избирается Абхазский народный совет – независимый государственный орган, который сразу же принимает Декларацию и Конституцию²⁰⁹.

Из постреволюционной истории и Грузии и Абхазии следует, что они провозгласила свой суверенитет независимо друг от друга. В 1917 году Абхазия вошла в состав полуформального межгосударственного объединения, не имевшего серьезных политических перспектив – Союз Северокавказских горцев. Особые связи с Грузией тем не менее сохранялись. Знаковое событие произошло 9 февраля 1918 года, когда было парафировано Соглашение о союзе между общественно-политическими органами Абхазии и Национальным советом

²⁰⁷ Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2008. С. 92–96.

²⁰⁸ *Ачугба Т.А.* Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум: АБИГИ, 2010. С. 95–103.

²⁰⁹ См.: Конституции Абхазии. XX век (Документы по политической истории Абхазии) / Сост.: Т.А. Шанава, С.З. Возба; Ред. В.А. Чирикба; АНА. Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. И.Д. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2015. С. 182–188.

Грузии²¹⁰. Как следует из анализа документа, подготовленный грузинской стороной нормативный правовой документ инспирировал союзнические отношения между независимыми странами Южного Кавказа. В этом документе границы Абхазии, что не менее важно, были обозначены от реки Ингур до реки Мзымта²¹¹, что тем самым подтверждало признание независимости Абхазии. В мае 1918 года в Грузии установилась меньшевистская власть, в следующем месяце Абхазия, согласно подписанному Соглашению, скоординированно с Грузинской Демократической Республикой (ГДР), входит в политико-правовую юрисдикцию новообразованной Закавказской Демократической Федеративной Республики, которая просуществовала недолго.

Последующие события и обстоятельства 1921 года сформировали достаточно сложную конфигурацию Закавказского региона в политико-государственном отношении. В феврале 1921 года грузинская меньшевистская власть потерпела поражение, Красная Армия заняла страну и распространила свое властное влияние на всю ее территорию; 26 марта 1921 года в Абхазии и Грузии устанавливается власть Советов: были продекларированы суверенитеты Грузинской ССР (ГССР) и Абхазской ССР (АССР)²¹². Формально, с конца марта 1921 года до февраля 1922 года, Абхазия была независима как от ССР Грузии, так и от РСФСР.

До 1931 года постепенно реформируется нормативная правовая база, регулирующая союзнические отношения ССР Грузии и ССР Абхазии²¹³. В итоге 11 февраля 1931 года на Шестом Съезде Советов ГССР и АССР принимается экстраординарное, по сегодняшним международно-правовым стандартам, постановление о преобразовании союзнической республики в автономное административно-территориальное образование – Абхазскую АССР в составе

²¹⁰ См.: *Ментешаивили А.М.* Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918–1921 гг.). Тбилиси: Знание, 1990. С. 10–12.

²¹¹ Выпись из Протокола Исполнительного Комитета Национального Совета Грузии № 30 от 9 февраля 1918 г. // *Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.)* / Сост.: Р.Х. Гожба. Сухум: Дом печати, 2009. С. 27.

²¹² См.: *История Советской Конституции в документах, 1917–1956.* М., 1957. С. 339.

²¹³ *Казенин К.И.* Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сборник. М.: Европа, 2013. С. 15–20.

Грузинской ССР²¹⁴. Политический статус республики, как мы видим, был тем самым существенно понижен, к сожалению, за этим последовала череда вуалируемых, но достаточно ощутимых дискриминационных действий, ущемления представителей абхазской интеллигенции.

Оформление Абхазии в качестве автономного образования в составе Грузии, несомненно, явилось спланированной политической акцией, глубоко ошибочной, с нашей точки зрения. Ее осуществление атрофировало возможность гармонизации грузино-абхазских отношений и стало отправной точкой в эскалации этнополитического размежевания грузин и абхазов.

По заключению В.А. Шнирельмана, до 1956 года руководством Грузинской ССР в отношении населения Абхазской АССР негрузинской национальности велась откровенная национал-шовинистская политика, дискриминировались как этнические меньшинства, так и коренной этнос²¹⁵. Господствовавший курс по ущемлению прав и свобод граждан Грузинской ССР проявлялся в следующих мерах:

- запрете на использование негрузинского языка в учебно-воспитательных учреждениях на территории Абхазской АССР;
- ограничениях в радиовещании на абхазском языке;
- репрессиях в отношении интеллектуальных и общественно-активных слоев населения абхазской национальности;
- «топонимических чистках» – переименовании в грузинских форматах населенных пунктов, географических объектов и другой инфраструктуры;
- «грузинизации» абхазских фамилий;
- искажении исторических фактов, касающихся культуры, истории и государственности Абхазии;

²¹⁴ Постановление VI Всегрузинского съезда Советов от 19 февраля 1931 г. «О вхождении ССР Абхазии в ССР Грузии» // Советы Абхазии. (1922–1937 гг.). Сборник документов и материалов. Сухуми: Алашара, 1976. С. 343–353.

²¹⁵ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академика», 2003. С. 269–271.

– массовых переселениях грузинского населения Западной Грузии на территорию Абхазской АССР²¹⁶.

Как писал американский историк Д. Слайдер: «Период после Второй мировой войны, до смерти Сталина и Берии в 1953 году был особенно тяжелым для абхазов, в связи с тем, что Берия начал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной единицы»²¹⁷. Особого внимания в этой связи заслуживают выводы научной работы Т.М. Шамба и А.Ю. Непрошина конкретизировавших эту общую констатацию. В их работе были предметно выделены организуемая и стимулируемая деятельность по заведомо сознательному искажению фактов, событий и обстоятельств, связанных с историей абхазского народа для утверждения необоснованности всяческих стремлений по реабилитации равноправного национально-государственного образования; одиозная миграционная политика руководства Грузии (плановое переселение представителей грузинской национальности в Абхазию в 1937–1953 годах), связанная с желанием создать демографический дисбаланс в этническом сегменте Абхазской АССР для численного доминирования грузинского населения²¹⁸.

Ситуация вокруг дискриминации советских граждан по этническому признаку в Грузинской ССР несколько изменилась после XX Съезда ЦК КПСС в 1956 году. Острой критике была подвергнута политическая линия бывшего руководства СССР по вопросам необоснованных репрессий в отношении граждан, проявлений шовинизма и национализма в союзных республиках. Последовал ряд должностных смещений и кадровых перестановок в союзных республиках, которые коснулись и Абхазской АССР. Было возобновлено преподавание абхазского языка и литературы в учебных заведениях, а также радиовещание на родном для абхазов языке. В 1978 году была принята новая

²¹⁶ См.: Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 / Отв. ред. Сагария Б.Е., Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Сухум: Алашара, 1992. С. 423–581.

²¹⁷ *Slider D.* Crisis and Response in Soviet Nationality Policy: The Case of Abkhazia // *Central Asian Survey*. 1985. Vol. 4. № 4. P. 52–54.

²¹⁸ *Шамба Т.М., Непрошин А.Ю.* Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. С. 3–10.

Конституция Абхазской АССР²¹⁹. В ней, в частности, определялся и статус абхазского языка, который наряду с грузинским признавался государственным на территории Грузинской ССР.

Стоит отметить и ряд предпринятых в 1978–1979 годах советской властью мер по улучшению межэтнического климата в Абхазии (воспринятых, кстати, грузинским руководством весьма неблагоприятно)²²⁰. Так, абхазская письменность была переведена с грузинского алфавита на кириллицу; вводились должностные квоты по этническому признаку; Сухумский государственный педагогический институт имени А.М. Горького был преобразован в Абхазский государственный университет (АГУ)²²¹.

Проблемы, между тем, оставались. В советский период население Абхазской АССР, ее истеблишмент не раз пытались бесконфликтным образом выйти из состава Грузинской ССР и стать частью РСФСР, и каждый раз это не увенчалось успехом.

К середине 1980-х годов в Закавказском регионе было накоплено множество этнонациональных проблем. Они были связаны с обострением грузино-абхазских, армяно-азербайджанских и грузино-осетинских взаимоотношений. Не случайно, практически одномоментно, в 1989 году, здесь оформились общественно-политические силы по национальному самоопределению, в том числе и среди грузинских, и среди абхазских элит. 18 марта 1989 года в историческом центре Абхазии, селе Лыхны, был созван всенародный сход. На нем были выдвинуты требования по восстановлению политического статуса абхазского национально-государственного образования,

²¹⁹ Конституция Абхазской АССР (ред. от 6 июня 1978 г.) // Конституции Абхазии. XX век (Документы по политической истории Абхазии) / Сост.: Т.А. Шанава, С.З. Возба; Ред. В.А. Чирикба; АНА. Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. И.Д. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2015. С. 113–151.

²²⁰ См.: *Аргун Б.М.* Событие 1978 г. в Абхазии // *Абхазоведение. История, археология, этнология.* Сухум: АБИГИ, 2003. Вып. II. С. 151–158.

²²¹ См.: *Жоржوليани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э.* Исторические, политические и правовые аспекты конфликта в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1995. С. 38–40.

экономического и культурного суверенитета (согласно ленинской трактовке федеративного государства по состоянию на март 1921 года)²²².

К концу 1980-х годов грузинские националисты открыто выступали за выход из состава СССР, в то время как абхазская элита ориентировалась на выход из состава Грузинской ССР. В начале обострения грузино-абхазских отношений этнические меньшинства, проживавшие на территории Абхазской АССР, сохраняли нейтралитет, но позднее и они примкнули к национально-освободительному движению абхазов. Большое недовольство среди нетитульных этнических сообществ Грузинской ССР вызвала принятая в 1989 году государственная программа по развитию грузинского языка, которая была воспринята этническими меньшинствами средством принудительной «грузинизации». Абхазская общественно-политическая элита сформировала движение «Аидгылара», от имени которого было составлено обращение к руководству СССР, в котором было изложено и аргументировано требование – восстановить политический статус республики по состоянию 1921–1931 годов. Как следует из воспоминаний лидера народного движения С.М. Шамба «...обращение к высшему политическому руководству СССР с требованием о восстановлении статуса Абхазии, которым она обладала до 1931 года, получило всеобщую поддержку»²²³.

В столице Грузинской ССР последовала незамедлительная контр-реакция, переросшая в демонстрации и публичные акции, на которых звучали призывы к упразднению статуса абхазской автономии и провозглашению здесь полного суверенитета Грузии. Среди грузинского населения набирала особую значимость националистическая риторика, на основе популяризации политико-философских взглядов П. Ингорквы. Его концепция, с нашей точки зрения, не имела ничего

²²² Постановление собрания представителей абхазского народа в селе Лыхны // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989–2006 гг.) / Сост. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Ю.Н., М.: Русская панорама, 2008. С. 94–95.

²²³ Сергей Шамба о 20-летию движения «Аидгылара» и национально-освободительной борьбе народа Абхазии [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 17.12.2008. URL: <https://regnum.ru/news/1100732.html> (дата обращения: 20.05.2017).

общего с комплексным и системным научным знанием: ее автор полагал, что абхазский этнос не являлся автохтонным на территории Абхазии²²⁴.

14 мая 1989 года в Сухуме по требованию грузинской части профессорско-преподавательского состава Абхазского государственного университета создается Сухумский филиал Тбилисского государственного университета, что усиливает конфронтацию между грузинской и абхазской интеллигенциями²²⁵. 16 июля 1989 года произошло массовое столкновение между абхазской и грузинской молодежью в г. Сухум. Студенческие волнения были связаны со скандалом вокруг Абхазского государственного университета. Эти события заметно повысили градус межэтнического напряжения²²⁶.

Распад СССР подстегнул фатальный рост грузино-абхазских противоречий, неминуемо приведший к вооруженному противоборству. Немаловажная составляющая этого роста, как мы считаем, – деактуализация социалистической идеологии интернационализма, что спровоцировало всплеск этнического самосознания, подкрепленного поиском индивидуальной и неповторимой этноидентичности в реконструкции исторических и этнокультурных концептов прошлого.

После предпринятых в Грузии необходимых процедур по выходу из состава Советского государства, Верховный Совет Абхазской АССР 25 августа 1990 года принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазии ССР²²⁷. Этим абхазская сторона продемонстрировала решительные намерения по разрыву подчинительных связей с Грузией, расширению своей политической власти и корректировке правового статуса. Незамедлительно последовала ожидаемая реакция Президиума Верховного Совета Грузинской ССР в виде постановления,

²²⁴ См.: *Анчабадзе З.В.* Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорюва «Георгии Мерчуле – грузинский писатель X века» / Избранные труды. Том II. Очерки этнической истории абхазского народа. Статьи. Сухум: АБИГИ, 2011. С. 223–225.

²²⁵ Распоряжение Совета министров Грузинской ССР о создании в Сухуми филиала Тбилисского государственного университета от 14 мая 1989 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989–2006 гг.) / Сост. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Ю.Н., М.: Русская панорама, 2008. С. 22.

²²⁶ Информация о некоторых результатах расследования событий, имевших место в г. Сухуми, других городах и районах Абхазской АССР 15–16 июля 1989 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.apsuara.ru/-portal/book/export/html/1019> (дата обращения: 10.07.2017).

²²⁷ Декларация о государственном суверенитете Абхазской ССР от 25 августа 1990 г. // Советская Абхазия. 1990. 28 августа.

один из пунктов которого гласил: «Объявить декларацию и постановление Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа недействительной и не имеющей юридической силы»²²⁸.

Все это привело к коллизиям, сложностям, касающимся, в частности, и природы сепаратизма. Мы в данном случае солидарны с мнением С.М. Маркедонова о неправомерности употребление категории «абхазский сепаратизм» применительно к 1989–1992 годам: «В это время сепаратистами по отношению к СССР выступали сами грузины. В то время как абхазы противодействовали грузинским национал-радикалам и защищали существовавшее на тот момент единое государство»²²⁹.

В апреле 1990 года на основании результатов проведенного референдума в Грузии, Верховный Совет Грузинской ССР принимает Акт «О восстановлении суверенитета Республики Грузия», которым Грузия объявляется правопреемницей меньшевистской Грузинской Демократической Республики (существовавшей в 1918–1921 годах)²³⁰.

Все это привело к актуализации непростых политических и юридических вопросов. Политико-правовые отношения подчинительного характера между Грузинской ССР и Абхазской АССР регламентировались положениями Конституции СССР и другими нормативными актами, которые, в свою очередь, утратили юридическую силу после выхода Грузии из советского нормативного правового пространства. Возникшие правовые коллизии еще с большей силой усугубили и без того накаленную этнополитическую обстановку.

Усиление националистической риторики в Грузии было напрямую связано с избранием сначала на пост Председателя Верховного Совета Грузии 14 ноября 1990 года, а потом – Президента Грузии З.К. Гамсахурдиа 14 апреля 1991 года. Своей предвыборной популистской программой, откровенно националистическими лозунгами он сумел до предела подогреть межэтническую

²²⁸ Постановление Верховного Совета Грузинской ССР о решениях Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. 1990. № 8. С. 97–98.

²²⁹ Маркедонов С.М. Указ. соч. С. 59–60.

²³⁰ Жители Грузии 26 лет назад поддержали восстановление независимости [Электронный ресурс] // Sputnik Грузия. 31.03.2017. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20170331/235423513/Zhiteli-Gruzii-26-let-nazad-podderzhali-vosstanovlenie-nezavisimosti.html> (дата обращения: 12.07.2017).

неприязнь во многих частях тогдашней Грузии. Абхазия, как справедливо отмечает академик В.И. Тишков, стала ярким примером «того, как шовинизм грузин и позиция местных русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства»²³¹.

Уже в январе 1992 года в Грузии произошел государственный переворот, в результате которого краткосрочному режиму Гамсахурдиа был положен конец. В это время, учитывая не в последнюю очередь рост опасных национально-патриотических настроений, набиравших популярность среди грузинского истеблишмента, Верховный Совет Абхазии предпринял политическую акцию по восстановлению в действии Конституции ССР Абхазии, принятой в 1925 году, согласно которой Абхазия признавалась равноправной союзной республикой в составе СССР²³². Госсовет Грузии, в свою очередь, признал нелегитимным принятое законодательным органом Абхазии решение.

В марте 1992 года Э.А. Шеварднадзе вместе с вдохновителями государственного переворота Т. Китовани и Д. Иоселиани возглавили Государственный Совет Грузии. Вскоре, летом 1992 года, экс-министр внешних сношений СССР Э.А. Шеварднадзе занял должность председателя Парламента Грузии.

Развитие этнополитического противостояния к этому времени вывело политический процесс на траекторию неминуемого вооруженного столкновения. Немаловажно в этой связи сопоставить ситуацию в интересующем нас регионе с событиями в других частях тогдашней Грузии. Речь идет об интенсивных консультациях и подписании соглашения по урегулированию грузино-осетинского конфликта в июне 1992 года между российским и грузинским руководством²³³, чему предшествовали достигнутые договоренности в рамках встречи того же месяца Э.А. Шеварднадзе и А.Х. Галазова – председателя

²³¹ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 124.

²³² См.: Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум: АБИГИ, 2013. С. 449–450.

²³³ Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992 г. // Российская газета. 1992. 26 июня.

Верховного Совета Северо-Осетинской ССР²³⁴. В решениях содержался пункт о том, что Грузия сохраняет оружие, оставшееся от СССР. Тем самым, российская власть достаточно явно продемонстрировала свою позицию относительно поддержки территориальной целостности Грузинского государства.

С вводом вооруженных войск, подчиненных Госсовету Грузии, на территорию Абхазии 14 августа 1992 года, грузино-абхазский конфликт перерастает в войну. Из межэтнического противостояния он предсказуемо трансформируется в конфликт между властью Грузии и «мятежной территорией». Практически одновременно с вводом грузинских войск под предлогом обеспечения безопасности железнодорожного сообщения в повестку заседания парламента Абхазии вносится проект соглашения по установлению федеративных отношений с Грузией. Этого для грузинского руководства оказывается недостаточно: в течение дня вооруженные формирования Грузии продвигаются в глубь республики: разрушаются ключевые объекты республиканской инфраструктуры, подвергаются обстрелам государственные и социальные учреждения, объекты культурного и материального наследия.

Правительство Абхазии вынуждено покинуть столицу и разместиться в г. Гудаута. Боевые действия продолжаются чуть более года – с августа 1992 по сентябрь 1993 года, в основной период конфликта грузинские войска контролируют практически всю территорию Абхазии, включая столицу – Сухум.

Однако осенью 1993 года Госсовет Грузии терпит достаточно неожиданное для себя поражение и фактически теряет всякий контроль и связь с де-юре автономной, но де-факто независимой Республикой Абхазией. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в ходе военных действий всестороннюю поддержку народному освободительному движению в Абхазии оказывали многочисленные добровольческие отряды из Северокавказских республик, регионов России, а также этнические абхазы из стран Ближнего Востока. Как пишет абхазский исследователь А.Л. Барциц: «30 сентября 1993 года грузино-

²³⁴ Протокол встречи председателя Госсовета Республики Грузия Э.А. Шеварднадзе и председателя Верховного Совета Северо-Осетинской ССР А.Х. Галазова от 10 июня 1992 г. // Северная Осетия. 1992. 11 июня.

абхазская война закончилась полной победой абхазского народа, агрессор был выдворен за пределы административных границ Абхазии, и де-факто Абхазия стала независимым государством, военным путем отстояв свое право на самоопределение»²³⁵.

Итоги войны для абхазской стороны раскрыли, как мы считаем, ранее мало прогнозируемые перспективы развития институтов суверенного государства. И сегодня для большинства абхазских ученых (автор диссертации присоединяется к этому мнению), этнополитическое противостояние в Абхазии тождественно «национально-освободительному движению народа Абхазии», категории, находящей отражение в формулировке «Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 годов».

Из анализа динамики протекания трудноразрешимого грузино-абхазского конфликта следует, что он прошел ряд стадий, выраженных в ситуативном антагонизме между двумя политико-государственными образованиями, начиная с 1917 года и по настоящее время. По приблизительным данным, в ходе военных действий в Абхазии погибли около десяти тысяч человек. К иным трагическим последствиям конфликта необходимо отнести значительное количество беженцев, социально-экономическую и социокультурную депривацию региона.

Парламентом Республики Абхазии в 1994 году была принята обновленная Конституция²³⁶, заложившая конституционно-правовую базу государственного суверенитета и демократических институтов политического управления в Абхазии. Конституция была одобрена населением в ходе плебисцита 3 октября 1999 года. Благодаря проведенному референдуму, внешнеполитический и внутривнутриполитический курс Абхазии обрел черты субъекта международного права – суверенного, демократического и правового государства.

События двух последующих десятилетий, после открытых вооруженных противостояний как вокруг Пригородного района, так и в Абхазии, происходили в

²³⁵ Барциц А.Л. Право народа Республики Абхазия на самоопределение и восстановление суверенной государственности: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2017. С. 151.

²³⁶ Конституция Республики Абхазия (от 26 ноября 1994 г., ред. от 30 апреля 2014 г.) // Конституции Абхазии. XX век (Документы по политической истории Абхазии) / Сост.: Т.А. Шанава, С.З. Возба; Ред. В.А. Чирикба; АНА. Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. И.Д. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2015. С. 152–172.

сложных условиях; эти процессы так или иначе способствовали отработке специфичных отечественных и международных механизмов урегулирования этнополитических конфликтов.

2.3 Механизмы и формы регулирования этнополитических конфликтов в контексте грузино-абхазского и осетино-ингушского противостояний

Конфигурация международно-политической системы во многом связана с серьезными проблемами национально-государственного строительства, охватывающими различные сферы межнационального и межконфессионального взаимодействия; трудностями внешнего и внутреннего самоопределения этнотерриториальных образований; препятствиями в нахождении компромиссов при острых территориальных и политических разногласиях между государствами, государством и этнической группой, между этническими группами; и другими угрозами конфликтного взаимодействия в социальной, культурной, миграционной и экономической сферах.

Как отмечает Д.А. Абгаджава, межнациональные и этнополитические противоречия, несмотря на их драматизм, приносят и некоторое количество положительных элементов. Подобного рода конфликты так или иначе побуждают власти, в ведении которых находятся вопросы национальной политики, пересматривать анахроническую структуру межэтнических и межрелигиозных коммуникаций в социальной, политической и культурной сферах²³⁷.

Одним из фиксируемых катализаторов этнополитического размежевания в контексте глобального политического пространства выступает амбивалентное толкование права наций на самоопределение и его непростое соотношение с принципом территориальной целостности государства.

Важно отметить, что ключевые принципы международного права в условиях практической реализации часто не просто резонансные, но и

²³⁷ Абгаджава Д.А. Причины и источники межнациональных конфликтов в постсоциалистическом обществе: на примере грузино-абхазского конфликта: дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02. СПб., 1998. С. 145–164.

взаимоисключающие. В этом случае, руководствуясь различными подходами, оперируя собственными доводами, и полагаясь на субъективное понимание сущности базовых принципов международного права в каждом конкретном случае, субъекты политического процесса неминуемо сталкиваются с рядом колоссальных сложностей.

Вышеупомянутые обстоятельства предстают в качестве серьезных барьеров на пути поддержания мира между субъектами международного права и сохранения этнорелигиозного согласия в различных частях земного шара. Эти проблемы, наряду с актуализацией общих алгоритмов конфликтологии, сигнализируют и о значимости ситуативного подхода к решению конфликтных ситуаций в Кавказском регионе. Важное значение в предотвращении эскалации этнополитических конфликтов в этой связи отводится используемым процедурам и технологиям урегулирования, призванным в существующем историческом контексте максимально полно удовлетворить интересы и потребности субъектов противостояния.

Начнем с грузино-абхазского конфликта. В настоящее время асимметрия в правосубъектности оппонирующих сторон, исторически обусловленные традиции грузино-абхазского антагонизма, рост числа вынужденных переселенцев, наличие многочисленных жертв конфликта являются факторами, форсирующими в кризисно-реформируемом обществе обеих республик негативную социально-психологическую экспрессию.

На данный момент времени умозрительными выглядят прогнозы по целостной и всесторонней ликвидации как источников, так и последствий этнополитического противоречия. Между субъектами конфликта и сторонами, вовлеченными в процесс мирного урегулирования, нет единого представления о происхождении конфликта, его ключевых звеньях и объективных результатах военных действий 1992–1993 годов. Итоги войны ни абхазской, ни, тем более, грузинской стороне не принесли желаемых результатов. Есть необходимость, таким образом, подробнее исследовать характер и логику попыток послевоенного урегулирования.

С 30 ноября по 1 декабря 1993 года под эгидой ООН в Женеве был организован первый широкомасштабный раунд переговоров по прекращению военного противостояния между войсками Госсовета Грузии и народным ополчением Абхазии. В результате многосторонней встречи между оппонирующими сторонами была достигнута безусловная договоренность по созданию экспертной группы для подготовки комплекта политико-нормативных рекомендаций по возможному политическому статусу Абхазии²³⁸. Меморандум, подписанный по итогам переговоров, был основан на нескольких ключевых документах: положениях достигнутого ранее Сочинского соглашения от 27 июля 1993 года²³⁹; резолюций Совета Безопасности ООН № 849 от 9 июля 1993 года, № 854 от 6 августа 1993 года, № 858 от 24 августа 1993 года, № 876 от 19 октября 1993 года и № 881 от 4 июня 1993 года²⁴⁰.

Как отмечает С.М. Маркедонов, с прекращением активных боевых действий в зоне грузино-абхазского конфликта, главная повестка переговоров содержала вопросы относительно структуры, содержания и правосубъектности участников данного процесса. Была достигнута договоренность о посредничестве при этом России, США и ряда международных организаций²⁴¹. Следовательно, грузино-абхазский конфликт усилиями всех субъектов был выведен из сугубо силового противостояния в политическую плоскость.

Как следует из анализа принятых резолюций и ключевых документов по урегулированию конфликта, принятых в течение 1993 года, на первых стадиях мирного урегулирования этнополитического противостояния международные организации, прямо или косвенно вовлеченные в этот процесс, руководствуясь общепризнанными гуманитарными нормами и принципами международного права, стремились ликвидировать предпосылки к регрессу – повторному вооруженному столкновению. Решение грузино-абхазской проблемы для

²³⁸ Меморандум о понимании между грузинской и абхазской сторонами на переговорах в Женеве от 1 декабря 1993 г. // Дипломатический вестник. 1994. № 1–2. С. 38.

²³⁹ Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением от 27 июля 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 15–16. С. 21–22.

²⁴⁰ Резолюции Совета Безопасности ООН в 1993 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml> (дата обращения: 12.08.2017).

²⁴¹ Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. М.: Макс Пресс, 2005. С. 240.

посредников (в том числе – ООН) было вполне ожидаемой реакцией миротворческого характера на кризис, произошедший в одной из частей Европы.

Вместе с тем, на наш взгляд, в начале 1990–х годов в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта не было уделено должного внимания выработке сбалансированной модели и выверенной стратегии политического воздействия на очаги размежевания. Иными словами, первоначальный этап посреднической деятельности носил несколько спонтанный характер.

Практически каждый эпизод многостороннего взаимодействия по вопросам разрешения грузино-абхазского конфликта основывался на мирополитической конъюнктуре, расстановке военно-политических сил в регионе и степени конфронтации Запада и России. Хотя с утверждением специального формата международных дискуссионных площадок по урегулированию конфликта, главным действующим лицам была предоставлена возможность огласить персональное видение, позицию и преследуемые интересы с целью последующего соотнесения с мнением оппонентов и посредников²⁴².

Это процесс проходил в весьма сложной обстановке. По мнению О.Н. Дамениа, например, с активизацией многостороннего переговорного процесса по урегулированию грузино-абхазского конфликта, абхазская сторона волей обстоятельств, хоть и полуформально, стала признаваться полноценным субъектом конфликтных и постконфликтных отношений²⁴³. Из содержания документов (резолюций Совета Безопасности ООН в течение 1993 года) следует, однако, что все было не так однозначно: абхазская сторона в целом не рассматривалась политически организованным субъектом конфликта (в ряде документов используется выражение: «положение в Абхазии», «силы в Абхазии» и т.п.).

В складывающихся условиях для грузинской стороны первостепенной задачей ставилось форматировать восприятие и последствия поражения в войне,

²⁴² См.: Жуков А.А. Политика Российской Федерации в грузино-абхазском конфликте (1992 – 2008 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Краснодар, 2010. С. 90–92.

²⁴³ Дамениа О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб.: Юридический центр-пресс, 2011. С. 101.

политическим прессингом добиться полного возвращения в Абхазию и реабилитации грузинских беженцев и всеми доступными средствами воспрепятствовать возможным формам абхазского самоопределения²⁴⁴.

24 августа 1993 года резолюцией Совета Безопасности ООН № 858 была учреждена Миссия ООН по наблюдению в Грузии (далее – МООННГ) для ведения посреднической работы и координации выполнения достигнутых соглашений между официальным Тбилиси и представителями Абхазии²⁴⁵.

С 11 по 13 января 1994 года уже традиционно, под эгидой ООН, в Швейцарии при участии Российской Федерации и спецпредставителей СБСЕ (ныне – ОБСЕ) прошел новый переговорный этап: в ходе встречи стороны конфликта подчеркнули необходимость введения в зону конфликта миротворческого контингента на базе российских Вооруженных Сил²⁴⁶.

Заявленная беспристрастность посредников выглядела тем не менее условной на фоне сознательного отстранения от возможности предоставить правовую оценку положению и статусу Абхазии, фактической самостоятельности и состоятельности ее политических и гражданских институтов. Можно признать, впрочем, что диагностируемые в ходе потенциальной оценки факты в принципе были способны заложить основу в выработке оптимальных моделей преодоления грузино-абхазского конфликта. Как следует из принятого коммюнике, участниками был выработан ряд мер («шесть принципов») по преодолению кризиса, в частности: неприменение силы; продвижение политических мер по урегулированию; создание специального фонда; соглашения по репатриации беженцев; создание международных комиссий по восстановлению инфраструктуры в Абхазии и др. Определялась прямая и непосредственная приверженность политическим способам урегулирования, в ходе реализации которых неминуемо предполагалось обсуждение проблемы политического

²⁴⁴ См.: *Шанава Т.Л.* Политические и правовые аспекты проблемы национального самоопределения в современных международных отношениях (на примере Абхазии): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2010. С. 110–118.

²⁴⁵ Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unomig/unomigbackgr.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁴⁶ Коммюнике по итогам второго раунда переговоров между Грузинской и Абхазской стороной в Женеве, 11–13 января 1994 г. // Дипломатический вестник. 1994. № 3–4. С. 43–44.

статуса Абхазии.

С 10 по 14 мая 1994 года в Москве был возобновлен раунд многосторонних переговоров. По его итогам состоялось подписание соглашения, где содержались два важных обращения: первое – к Совету глав государств СНГ о вводе в зону конфликта Коллективных миротворческих сил СНГ, второе – к Совету Безопасности ООН с просьбой расширить мандат военных наблюдателей ООН для тесного взаимодействия с миротворческим контингентом на территории Абхазии²⁴⁷. В ходе реализации этих договоренностей с 23 июня 1994 года в зоне безопасности по реке Ингур стала размещаться миротворческая база, основной задачей которой было поддержание режима прекращения огня и оказание содействия в возвращении вынужденных переселенцев грузинской национальности на территорию Абхазии.

Несмотря на подписанные соглашения, международные посредники, и тем более Грузия, не отказались от давления на Абхазию блокированием ее инициатив и предложений относительно пересмотра политико-правового статуса, возможности национального самоопределения²⁴⁸. Тем не менее, принятые документы институционализировали механизмы урегулирования этнополитического противостояния; сформулировали «правила игры» для субъектов конфликта; определили формат и формы их взаимодействия.

Как отмечают В.И. Блищенко и М.М. Солнцева, в 1990–х годах со стороны России предпринимались всяческие попытки по предотвращению вооруженных акций и полному разрешению грузино-абхазского конфликта. В то же время в сложившихся обстоятельствах не представлялось возможным открыто поддержать Абхазию, признав ее государственную состоятельность (причина во многом скрывалась в острых событиях, разворачивавшихся в Чечне). В тот момент российская правовая оценка фактического статуса Абхазии могла спровоцировать и дестабилизировать ситуацию в остальных республиках

²⁴⁷ См.: Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, подписанное в Москве 14 мая 1994 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unomig/94-583.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁴⁸ См.: *Гицба Х.Д.* Развитие российско-абхазских отношений в период с 1993 по 1999 гг. // *Успехи современной науки и образования*. 2016. Т. 7. № 10. С. 57–60.

Северного Кавказа, став прецедентом, вызвать волну противоречий федеральной власти с регионами²⁴⁹. В этом контексте объяснимы заявления Правительства Российской Федерации: «...абхазские вооруженные формирования с применением бронетехники и артиллерии начали активные наступательные действия <...> Эти действия являются грубым нарушением абхазской стороной сочинского Соглашения...»²⁵⁰. Позиция российской стороны в условиях острой фазы вооруженного конфликта не могла не носить сугубо прагматического характера. Объяснимы и действия абхазской стороны: многие акции народного ополчения были обусловлены необходимостью противодействия продолжающимся провокациям.

В период с 1994 по 1997 годы переговоры по урегулированию грузино-абхазского конфликта базировались на проектах федерализации, итоги встреч, однако, не приводили к существенным практическим результатам. Можно, в связи с этим выделить заявление, принятое в ходе окончания третьего раунда переговоров по урегулированию конфликта (4 апреля 1994 года в Москве), где отмечалось, с одной стороны, наличие у Абхазии собственной конституции и иных атрибутов автономной республики; широких областей «совместной деятельности» с Грузией – с другой²⁵¹. При участии спецпредставителя ООН в переговорах швейцарского дипломата Э. Бруннера был подготовлен совместный проект по урегулированию грузино-абхазского конфликта, предусматривающий установление федеративных отношений между конфликтующими субъектами. Президент Абхазии В.Г. Ардзинба выразил принципиальное согласие с его содержанием, настаивая при этом на необходимости упорядочить в нормативном правовом отношении взаимосвязи Абхазии и Грузии как равноправных и разнозначных государственных образований²⁵². Грузинская же сторона, вплоть до

²⁴⁹ Блищенко В.И., Солнцева М.М. Указ. соч. С. 155.

²⁵⁰ Заявление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 1993 г. // Свободная Грузия. 1993. 17 сентября.

²⁵¹ Заявление о мерах политического урегулирования грузино-абхазского конфликта // Дипломатический вестник. 1994. № 9–10. С. 54.

²⁵² См.: Акаба Н.Н., Хинтба И.Р. Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011. [Электронный ресурс] // URL: <http://apsnyteka.org> (дата обращения: 10.05.2017).

1999 года²⁵³, систематически отвергала предложения по установлению различных по формам отношений федеративного типа с Абхазией, что в итоге и привело к вполне закономерным, с нашей точки зрения, последствиям (результаты референдума 1999 года в Абхазии).

До референдума, однако, ситуации нужно было еще дозреть, переговоры продолжались. Большинство решений Совета глав государств – участников СНГ и резолюций Совета Безопасности ООН на протяжении 1995–1997 годов всячески увязывали политическое урегулирование конфликта с уважением к суверенитету и территориальной целостности Грузии; безальтернативным возвращением беженцев; неприемлемостью связывания абхазской стороной репатриации грузинского населения с вопросом политического статуса Абхазии²⁵⁴ и др.

В 1997 году был подготовлен очередной документ, регламентировавший формы и принципы урегулирования грузино-абхазского конфликта. Он включал пункт о необходимости установления федеративных отношений – с условием предоставления широких политических полномочий регионам (Абхазии, Аджарии и Южной Осетии). 14 августа 1997 года в Тбилиси, по инициативе премьер-министра Е.М. Примакова, прошла беспрецедентная встреча главы Абхазии В.Г. Ардзинба с Э.А. Шеварднадзе. Ими было принято совместное заявление об обоюдном желании преодолеть имеющиеся разногласия и возобновить мирные, добрососедские отношения²⁵⁵. Примечательно, что в тексте заявления подчеркивалась особая роль Российской Федерации как главного арбитра в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Роль ООН и иных субъектов посредничества, конечно же, тоже не была обойдена молчанием. Как бы то ни было, встреча в формате Примаков – Шеварднадзе – Ардзинба означала стратегически выверенный ход российского внешнеполитического ведомства в отстаивании статуса главного посредника в мирном процессе урегулирования.

²⁵³ *Чирикба В.А.* Перспективы урегулирования грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции: Взгляд из Абхазии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.peacebuilding.uci.edu/files/progs/pdfs/-aspect13.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁵⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1065 от 12 июля 1996 г. [Электронный ресурс] // URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1065\(1996\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1065(1996)) (дата обращения: 22.08.2017).

²⁵⁵ Шеварднадзе и Ардзинба подписали заявление // Коммерсантъ. 16.08.1997. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/182652> (дата обращения: 10.08.2017).

Выработанный документ, ориентированный на комплексное решение грузино-абхазской проблемы, не был, однако, парафирован грузинской стороной из-за отсутствия отдельно пункта, касавшегося территориальной целостности Грузии и нерушимости ее прежних границ. Как отмечал С.М. Шамба, главная трудность заключалась в глубоко укоренившемся недоверии оппонировавших сторон друг к другу²⁵⁶. С этим нельзя не согласиться, если дополнить это положение тем, что недоверие между сторонами было обусловлено фундаментальным несоответствием интересов, конечных целей конфликтующих сторон, а значит и неприемлемостью компромиссных подходов. В этих условиях международные инструменты и рычаги поддержания стабильности и безопасности в зоне грузино-абхазского конфликта, предлагаемые и используемые ООН, оказывались явно недостаточными.

С 1999 по 2002 годы произошли действительно трансформационные изменения в переговорном процессе, связанные с результатами проведенного в 1999 году референдума. На всенародное обсуждение были вынесены вопросы принятия Конституции Республики Абхазии, определения политического статуса и дальнейшей судьбы страны. Жители Абхазии практически единодушно выразили свое согласие (Акт «О государственной независимости Республики Абхазия»²⁵⁷. 97,7% участников голосования высказалось за одобрение, приняло участие в голосовании 87,6% населения Абхазии (58,5% от довоенной численности населения по состоянию на 1989 год). Заявленный курс на безальтернативный независимый путь развития и становление суверенного государства был безоговорочно поддержан.

Примечательно, что этому событию предшествовало представление членам Совета Безопасности ООН документа, подготовленного грузинским правительством, о новой форме государственного устройства Грузии, где в одном из первых пунктов было сказано, что «Абхазия является одним субъектом

²⁵⁶ Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия – Грузия: препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 10.

²⁵⁷ Акт «О государственной независимости Республики Абхазия» (принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 12 октября 1999 г. по результатам всенародного голосования (референдума) по Конституции Республики Абхазия 3 октября 1999 г.) // Республика Абхазия. 1999. 13 октября.

создаваемой в Грузии федерации с максимально высоким статусом государственно-территориального образования»²⁵⁸. В тексте документа определялись компетенции, полномочия и суверенные права Абхазии, которые в целом по содержанию соответствовали современным трендам федеративных отношений. Время, однако, было упущено. Возможно, своевременное принятия подобного рода документа (в период острой фазы грузино-абхазских политических противоречий 1991–1992 годов) позволило бы избежать вооруженного столкновения и найти необходимый компромисс. К 1999 году ситуация в Абхазии изменилась, этническое самосознание укрепилось в отношении безальтернативного абхазского государственно-национального самоопределения.

Так, по мнению диссертанта, плебисцит откорректировал повестку международных переговоров вокруг грузино-абхазского конфликта, исключив из обсуждений предлагаемые посредниками варианты политико-правового статуса республики в составе Грузии (т.е. утверждение федеративных отношений). Оказались бесперспективными и другие варианты. Грузинский государственный деятель И. Хаиндрава предложил идею преодоления грузино-абхазского конфликта путем расчленения территории республики на две административные единицы: заселенную преимущественно абхазами в одной (западная), и грузинами – в другой (восточная)²⁵⁹. Предложение не нашло отклика.

Со сменой российского руководства в начале 2000-х годов российско-грузинские отношения постепенно стали истощать доверительно-партнерский формат. Президент Грузии определил «западное направление» в грузинском внешнеполитическом курсе как наиболее приоритетный вектор взаимодействия с мировым сообществом²⁶⁰. Формат российско-абхазских отношений преобразовался в силу частичной деизоляции Абхазии (послабления в торговом,

²⁵⁸ Основные принципы, определяющие статус Абхазии в составе нового государственного устройства Грузии // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989–2006 гг.) / Сост. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Ю.Н., М.: Русская панорама, 2008. С. 90–92.

²⁵⁹ Хаиндрава И. Конфликт в Абхазии и возможный путь его урегулирования [Электронный ресурс] // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/15haindrava.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

²⁶⁰ См.: Маркедонов С.М. Южный Кавказ: многоугольник интересов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.apn.ru/publications/article1406.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

таможенном и контрольно-пропускном режимах российско-абхазской границы, предоставление российского гражданства населению Абхазии). Последнее, как отмечает Г.В. Сляднева, было достаточно закономерным «в условиях отсутствия перспектив мирного урегулирования грузино-абхазских отношений»²⁶¹.

Процедуры по смягчению санкционного режима в рамках урегулирования грузино-абхазского конфликта, предпринятые российским руководством, были во многом обусловлены местонахождением конфликта в плоскости Южно-Кавказских геостратегических координат, из чего следовала недвусмысленная заинтересованность России в поддержании региональной безопасности и стабильности. Предстояла огромная и сложная работа, осложняемая многими встречными обстоятельствами. Так, когда позднее, в марте 2001 года прошел насыщенный содержанием раунд переговоров в Ялте, многообещающей программе совместных действий²⁶², принятой в ходе встречи, не суждено было сбыться: в октябре 2001 года разгорелся скандал вокруг проникновения чеченских бандформирований в Кодорское ущелье Восточной Абхазии²⁶³.

В марте 2003 года прошла встреча президентов России и Грузии, по ее итогам были подписаны соглашения, включавшие создание специальных групп по обеспечению и контролю возвращения грузинских беженцев, запуску железнодорожного сообщения через Абхазию и восстановлению ИнгурГЭС²⁶⁴. Однако, «революция роз» и последующее избрание Президентом Грузии М.Н. Саакашвили в январе 2004 года перспективу предложенных мер по урегулированию грузино-абхазского конфликта свели к нулю. Уже на третьем

²⁶¹ Сляднева Г.В. Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. С. 124.

²⁶² См.: Программа действий по укреплению доверия между Грузинской и Абхазской стороной // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989–2006 гг.) / Сост. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Ю.Н., М.: Русская панорама, 2008. С. 446–448.

²⁶³ См.: Абхазия признала, что бомбила банду Гелаева в Кодорском ущелье три дня [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 29.10.2001. URL: <https://lenta.ru/news/2001/10/29/ruslan/> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁶⁴ См.: Состоялась встреча Владимира Путина с Президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и главой исполнительной власти Абхазии Геннадием Гагулиа [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/-/president/news/28285> (дата обращения: 10.07.2017).

месяце президентского срока грузинский лидер заявил: «Мы вернем Абхазию в мой президентский срок»²⁶⁵.

Параллельно с действиями России по укреплению роли ведущего посредника в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве стал активизировать свои гуманитарные программы и Европейский Союз²⁶⁶. До 2004 года он не проявлял в регионе своей четкой позиции, не демонстрировал даже каких-либо «точечных» политических действий на пути преодоления грузино-абхазских противоречий. Инициативная посредническая роль здесь признавалась им за Россией и США²⁶⁷. Когда, однако, грузинская внешнеполитическая ориентация стала приобретать отчетливо европейский курс развития, подкрепляемый стремлением к евроинтеграции и вхождению страны в военный блок НАТО, деятельность Европейского Союза на Южно-Кавказском направлении резко активизировалась. Примечательно в этой связи то, что именно с 2004 года европейская интеграционная структура была пополнена десятью странами Центральной и Восточной Европы, а чуть позднее, в 2007 году, в нее вошли также Болгария и Румыния²⁶⁸. Эти обстоятельства резко подстегнули интерес Европы и к закавказскому политическому пространству, естественно, с максимально возможным исключением российского влияния здесь.

Программа «Европейская политика соседства» (ЕПС), запущенная Европейским Союзом в 2003 году, всецело определяет приоритеты европейских стран в расширении сотрудничества со странами Южного Кавказа. По политическому направлению – конструктивное сотрудничество в области безопасности, консультации по региональным и международным политическим процессам, консолидация усилий по урегулированию конфликтов и др. По торгового-экономическому – расширение сотрудничества финансовых

²⁶⁵ М. Саакашвили: Мы вернем Абхазию [Электронный ресурс] // РБК. 26.05.2004. URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2004/52202.shtml> (дата обращения: 15.11.2016).

²⁶⁶ См.: *Архипова Е.В.* Роль гуманитарных программ Европейского союза в процессе формирования региональной идентичности в государствах Южного Кавказа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. IV. История. 2013. № 2 (24). С. 90–97.

²⁶⁷ См.: *Stewart S.* The interplay of domestic contexts and external democracy promotion: lessons from Eastern Europe and South Caucasus // *Democratization*. 2009. Vol. 16, № 4. P. 804–824.

²⁶⁸ Болгария и Румыния вступили в ЕС [Электронный ресурс] // Взгляд. 02.01.2007. URL: <https://vz.ru/politics/2007/1/2/63087.html> (дата обращения: 10.07.2017).

институтов, торговых отношений и др. По энергетическому – взаимодействие и увеличение поставок энергоносителей из стран Закавказья²⁶⁹.

Двусторонние отношения конфликтующих сторон этими программами и расчетами трансформированы не были. Ситуация продолжала обостряться. Критическое выражение грузино-абхазские отношения получили летом 2006 года, когда Грузия установила военный контроль над Кодорским ущельем Абхазии. Возможные параметры мирного диалога между сторонами конфликта были попросту исчерпаны, параллельно ухудшились российско-грузинские отношения (Об этом свидетельствовали данные социологических опросов ВЦИОМ, проведенных среди населения России осенью 2006 года: больше половины опрошенных, воспринимало негативно именно действия грузинского руководства в грузино-абхазском конфликте²⁷⁰). Россия в отношении к Грузии вынуждена была осуществить ряд политико-экономических санкций²⁷¹.

«Пятидневная война» 2008 года, развернутая грузинской властью для силового подавления воли «мятежных регионов», и последующее признание Россией Абхазии²⁷² и Южной Осетии субъектами международного права, привнесли кардинальные преобразования в структуру грузино-абхазского противостояния. Надо отметить, что в целом сложившаяся к тому времени конъюнктура вокруг грузино-абхазского конфликта, давала мало шансов прогнозировать признание Россией суверенитета Абхазии в перспективе ближайших лет. Абхазское руководство в этих условиях вынуждено было лавировать, используя всевозможные варианты «стратегического» диалога с Западом. Последний тоже имел свои расчеты, о чем свидетельствует и беспрецедентное количество поездок в Абхазию европейских эмиссаров (в том

²⁶⁹ Программа «Большая Европа – соседи: новая основа отношений с Восточными и Южными соседями ЕС» [Электронный ресурс] // URL: http://www.undp.md/border/RUS/Pol_vecin_ue_rus.html (дата обращения: 26.08.2017).

²⁷⁰ Россия и Грузия: напряженность не спадает (опрос проведенный ВЦИОМ, от 11 октября 2006 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2593> (дата обращения: 25.07.2017).

²⁷¹ Россия отказалась выдавать визы грузинам [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 28.09.2006. URL: <https://lenta.ru/news/2006/09/-28/visa/> (дата обращения: 14.04.2017).

²⁷² Указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. № 1260 «О признании Республики Абхазия» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

числе специального представителя ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланы), проявлявших неподдельное внимание к зоне конфликта²⁷³.

Единственной площадкой многосторонних контактов по вопросам и проблемам преодоления грузино-абхазских противоречий по истечении мандата МООННГ оставались раунды Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье, учрежденные по совместному плану Саркози – Медведева в октябре 2008 года²⁷⁴. Договоренности, принятые на уровне глав двух государств, включали шесть необходимых пунктов урегулирования конфликтной ситуации. Тбилиси принял план, но внес в него существенные коррективы, исключив пункт по «обсуждению статуса Абхазии и Южной Осетии». Как отмечает С.М. Плиев, «Россия столкнулась с весьма своеобразным посредничеством, направленным на результат, необходимый для перевода военного поражения Грузии в политико-дипломатический проигрыш России»²⁷⁵.

Анализируя положения «шести принципов» мирного соглашения Медведева – Саркози, можно прийти к выводу о целесообразности и своевременности принятия данного документа как ключевого элемента в прекращении вооруженного российско-грузинского столкновения, хотя в процессе его согласования и утверждения были обнажены серьезные противоречия между российской и грузинской сторонами. Усилиями европейских и отечественных экспертов и дипломатов пункты соглашения вынужденно были сформулированы в достаточно неопределенном формате: все субъекты конфронтации, соглашаясь с пунктами, имели возможность трактовать их «по-своему». Тем не менее подписанное соглашение способствовало развитию нового витка дипломатических консультаций и переговоров относительно правового закрепления результатов восьмидневной войны в Южной Осетии.

Неоднозначный статус Абхазии и Южной Осетии относительно международной правосубъектности не наделял возможностью подстегнуть все

²⁷³ Европейский союз вступил в Абхазию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 07.06.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/900971> (дата обращения: 10.07.2017).

²⁷⁴ См.: Живущие неопределенностью (Доклад «Хьюман Райтс Вотч») [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2011/07/15/256227> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁷⁵ Плиев С.М. Особенности формирования национальной государственности Южной Осетии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2014. С. 74.

стороны к принятию каких-либо юридически обязывающих документов, позиции сторон носили и по-прежнему носят диаметрально противоположный характер.

Конвенциональные границы, которые очерчивались посредниками переговоров, фокусировались на достижении конкретного результата – сохранении территориальной целостности Грузии, что в принципе выводило абхазскую сторону из орбиты принятия компромиссов. Проблема, по мнению диссертанта, усугублялась следующими причинами:

- асимметрия, отсутствие паритета и непризнание правосубъектности абхазской стороны в переговорном процессе, что прослеживается из содержания принятых соглашений, программных документов и заявлений участников переговорного процесса;
- деструктивное влияние посреднической роли ряда субъектов, преследующих свои цели по экономическому и военно-стратегическому господству в Кавказском регионе;
- недоверие между сторонами противостояния как результат отсутствия транспарентности в вопросах военного потенциала и намерений;
- разночтение в толковании природы, сущности и источников грузино-абхазского конфликта (мнения экспертного сообщества по данному вопросу разнятся: некоторые склонны определять его как политический, другие – как сугубо этнический, третьи – как сепаратистский).

Важно при этом и то, как отмечает А.В. Манойло, что война в Южной Осетии вызвала достаточно острую и необоснованную критику в адрес Российской Федерации со стороны Западных государств²⁷⁶. Осуждение российских действий сопровождалось активным использованием технологий информационно-психологического воздействия на обстановку вокруг вооруженного конфликта. Целью, развернутой Западом «информационной войны», без всякого сомнения, являлась стигматизация «Россия – агрессор» у целевой аудитории западных средств массовой информации. В ходе августовских

²⁷⁶ Манойло А.В. Психологические операции США в войне Грузии против Южной Осетии и Абхазии // Мир и политика. 2009. № 5. С. 91–114.

событий 2008 года были продемонстрированы механизмы манипулирования массовым сознанием путем подачи заведомо сфабрикованных материалов, урезанных и искаженных фактов для недопущения формирования полноценной картины.

В совокупности августовские события лишь упрочили идейно-политическое расхождение позиций и разночтения ранее принятых соглашений в условиях этнополитического противостояния, выявив основополагающие установки, цели и задачи «западных партнеров», посредническая деятельность которых во многом обесмысливалась в контексте поданной ими информационной профанации.

Деформация Грузией контекста грузино-абхазского конфликта связано с отождествлением абхазской проблемы с фундаментальными российско-грузинскими противоречиями военно-политического плана, о чем недвусмысленно свидетельствует принятый в Грузии в октябре 2008 года закон «Об оккупированных территориях»²⁷⁷. Согласно официальной грузинской позиции, политическое противостояние как таковое у нее с Россией²⁷⁸. Следовательно, Абхазия формально не воспринимается стороной конфликта; на ежегодных сессиях Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье Грузией не признается ее правосубъектность. Если эту позицию как-то можно объяснить, остается неясным все же, чем руководствуется грузинская делегация, всячески отказываясь подписывать документ, обязывающий к всестороннему военному сдерживанию.

По нашему мнению, после признания независимости Абхазии, грузино-абхазский конфликт не может быть отнесен к ряду урегулированных по следующим причинам:

— не ликвидирован предмет конфликта (для абхазской и грузинской стороны не сняты ключевые проблемы);

²⁷⁷ Закон Грузии «Об оккупированных территориях» от 23 октября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/19132> (дата обращения: 25.07.2017).

²⁷⁸ См.: George J.A. The Politics of Ethnic Separatism in Russia and Georgia [Электронный ресурс] // URL: <http://georgica.tsu.edu.ge/files/05-Security/George-2009.pdf> (дата обращения: 10.08.2017).

- бескомпромиссность сторон в приоритетных вопросах (для Грузии это проблема беженцев, для Абхазии – подписание соглашения о неприменении силы);
- отсутствует мирное соглашение между Абхазией и Грузией и как следствие этого сохраняется потенциальная возможность возобновления военной интервенции.

После 2008 года широкое распространение на Западе получили дискуссии о необходимости пересмотра превентивных мер в отношении Абхазии и Южной Осетии; ультимативная приверженность территориальной целостности Грузии в политике ведущих мировых держав стала находить критический отклик в научно-экспертной среде. Международный (отчасти европейский) подход в регулировании грузино-абхазского конфликта базировался на принципе: «без признания взаимодействовать в социальной, экономической, гуманитарной, культурной и других сферах». С. Фишер писал при этом, что политическая линия по взаимодействию с Абхазией должна находиться в идейном векторе непризнания ее международной правосубъектности²⁷⁹. Трансформирующийся концептуальный подход политического непризнания был сформулирован в конце 2009 года Комитетом по вопросам политики и безопасности Европейского Союза, основная директива в отношении Абхазии звучала следующим образом – «непризнание, но взаимодействие».

Политика взаимодействия и непризнания Абхазии Европейским Союзом является сегодня широко практикуемым подходом посреднической деятельности, в которой реализуются, как мы видим, приемы «мягкой силы» для поддержания связей и обеспечения геостратегических интересов в Кавказском политическом пространстве²⁸⁰. Данная модель направлена на долгосрочную перспективу «укрепления» территориальной целостности Грузии и сдерживания российского влияния в регионе, в том числе и в отношении частично-признанных государств.

²⁷⁹ Фишер С. Вовлечение Абхазии необходимо Европе для сохранения открытых каналов коммуникации [Электронный ресурс] // URL: <http://caucasustimes.com/ru/sabina-fisher-vovlechenie-abhazii-neob/> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁸⁰ См.: Чайкина В.А. Абхазия: проблемы изоляции и возможности многовекторного сотрудничества (на примере России и ЕС) / Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум: АБИГИ; ИВ РАН, 2016. С. 672–678.

Как подчеркивают А. Кули и Л. Митчелл, центральные идеи «вовлечения и непризнания» базируются на транзите гуманистических, европейских и демократических ценностей; налаживании взаимодействия в политической и социально-экономической областях, которые не обязательно выстраивать через Тбилиси (т.е. официальные каналы), а напротив, напрямую – с фактическими государственными органами республики Абхазии и НПО, действующими на ее территории²⁸¹, с целью формирования доверительного климата среди населения Абхазии к Европейскому Союзу²⁸².

Вслед за своими европейскими партнерами Грузия приняла собственную стратегию в отношении Абхазии и Южной Осетии в 2010 году, практически идентичную европейской. Грузинская стратегия включила все те же европейские установки, за исключением отдельного пункта – «деоккупации» территории Абхазии. Понятно, что со ссылкой на якобы наличие российского «оккупационного» режима в республике²⁸³. К сожалению, и важные перемены в политической жизни Грузии за последние годы (смена руководства, переход к парламентской форме правления) не привели к формированию новых подходов к решению грузино-абхазских противоречий, пересмотру формата ее отношений с Абхазией и Южной Осетией²⁸⁴. Речь может, таким образом, идти лишь о модификации прежней парадигмы.

Рассмотрим ее возможности.

В целом, как уже было отмечено, указанные стратегии являются диверсификацией механизмов регулирования грузино-абхазского конфликта, скоррелированных после августовских событий 2008 года. Их объективная цель – «поддержать» территориальную целостность Грузинского государства²⁸⁵,

²⁸¹ Cooley A., Mitchell L. Engagement without recognition: A New Strategy Toward Abkhazia and Eurasia's unrecognized states // The Washington Quarterly, October. 2010. P. 60–61.

²⁸² См.: Кварцелия Л.В. Восприятие ЕС в Абхазии и перспективы для сотрудничества (аналитический доклад) [Электронный ресурс] // URL: <http://mfapnsny.org/information/?ID=885> (дата обращения: 1.05.2017).

²⁸³ См.: Стратегия в отношении оккупированных территорий: «Вовлечение путем сотрудничества». [Электронный ресурс] // URL: <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20100509/213153532.html> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁸⁴ Выборы в Грузии и абхазские интересы [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия. 11.10.2016. URL: <http://sptnkne.ws/e9ZX> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁸⁵ США приветствуют стратегию Грузии в отношении Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 28.01.2010. URL: <https://ria.ru/world/20100128/206732084.html> (дата обращения: 25.07.2017).

трансформируя определенным образом содержание этнополитического противоречия. В этом случае под трансформацией следует понимать комплекс мер по изменению структуры конфликтной ситуации – усиление формальных и полуформальных контактов между субъектами противостояния; выстраивание доверительных «мостов» между оппонентами, исчерпание деструктивного восприятия друг друга; нахождение взаимовыгодных сфер сотрудничества.

По мнению Л.И. Тания, стратегии урегулирования грузино-абхазского конфликта выражаются в вариативных формах целеполагания участвующих в противостоянии субъектов, таким образом, выделяются: контактная, дистанцированная и интеграционная модели²⁸⁶. Наиболее адаптивной, по общему мнению, является интеграционная модель в силу своей комплексности и динамичности.

Проанализированная поставгустовская политическая конфигурация в регионе позволяет следующим образом определить модель международного регулирования грузино-абхазского противостояния:

1. Формальный подход к политическому воздействию на предмет, структуру и поведение субъектов грузино-абхазского противостояния, который включает традиционные способы урегулирования (поиск компромиссов и взаимоприемлемых условий по ключевым вопросам и интересам участников конфликта под эгидой ООН) для достижения главного результата – принятия концептуального политического решения по взаимоотношениям Абхазии и Грузии, закреплённого нормативными правовыми регуляторами.

2. Полуформальный подход, заключающийся во внедрении и применении инструментов по трансформации грузино-абхазского конфликта, ориентированных на секторальное взаимодействие как конфликтующих сторон, так и субъектов конфликта с основными игроками мировой политической арены, выступающих в роли медиаторов (с использованием приемов «мягкой силы»). Модель функционирует в рамках отдельно взятых структур и организаций:

²⁸⁶ Тания Л.И. Тактические и стратегические подходы к проблеме урегулирования грузино-абхазского конфликта [Электронный ресурс] // URL: http://apsnyteka.org/608-leyla_taniya_izbrannye_statji.html#1 (дата обращения: 10.05.2017).

Европейский Союз, США, Турция и др., и в основе ее лежит модернистская парадигма урегулирования, предметное обсуждение вопроса национально-государственного самоопределения Абхазии и Южной Осетии.

Формулируя авторское отношение к этим моделям, следует оговориться о далеко не полной практической состоятельности классических западных подходов и технологий несилового урегулирования этнополитических конфликтов. По мнению диссертанта, в этих доктринах применительно к Кавказу слабо учитываются следующие обстоятельства:

1. Доктринальная дивергенция западного и отечественного подходов в толковании, понимании и обозначении ключевых свойств этнической группы (западные специалисты полагаются на конструктивистскую парадигму, в то время как в отечественные заметную роль по-прежнему отводят примордиализму). Такая дивергенция, безусловно, сказывается на сложностях в выработке взаимоприемлемых подходов.

2. Этническая идентификация и этническое самосознание – ключевые аспекты самоидентификации народов Кавказа в силу устоявшихся традиций, обычаев, культуры и менталитета. Это находит свое отражение в политических отношениях и процессах Кавказского региона, в условиях острой политизации этничности.

3. Консервативные ценностно-культурные и ментальные установки как противопоставление (защитный механизм традиционного общества на внешние вызовы и угрозы) глобализационным и интеграционным процессам.

4. Тенденции и процессы национального самоопределения как первостепенного способа коллективной этнической самоидентификации на конкретной территории. Стремление к внешнему или внутреннему самоопределению.

5. Особое положение и значение Кавказского региона во внешнеполитической, военно-политической и экономической деятельности ведущих мировых держав.

Сегодня, как и в целом с 2008 года, формат Женевских дискуссий не дает достаточно конструктивного ключа по преодолению военно-политической конфронтации Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Как отмечал экс-министр иностранных дел Абхазии В.А. Чирикба: «На политическом поле прогресс не просматривается, поскольку позиции сторон очень далеки друг от друга»²⁸⁷. В данном случае, отсутствие позитивного продвижения переговорного процесса обусловлено категорическим неприятием грузинской стороны обсуждать вопросы подписания соглашения о неприменении силы²⁸⁸, без которого невозможно продвинуться далее в деле налаживания отношений между оппонирующими сторонами. Низкая эффективность Женевских консультаций связана и с ежегодными проектами резолюций по проблемам беженцев, вносимых Грузией в Генеральную Ассамблею ООН. На обсуждение этих вопросов абхазская и югоосетинская сторона попасть не могут по причине визовых ограничений, которые создают власти США (являющихся главным союзником Грузии); остаются не услышанными, следовательно, позиции официальных властей Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, резюмируя, следует отметить, что модели международного регулирования этнополитического конфликта на Южном Кавказе (на примере грузино-абхазского конфликта) не являются универсальными и эффективными по причине переменчивости и динамичности переговорного процесса, сильно зависящего от международной политической повестки. Очевидно, что политическое урегулирование в регионе будет зависеть от развития ситуаций на Украине и в Сирии, в которых также происходит геостратегическое столкновение интересов Запада и России. Можно напомнить, что Россия противостоит безосновательному военно-тактическому приближению к границам государства (расширение НАТО).

²⁸⁷ Чирикба: политического прогресса в Женевских дискуссиях пока нет [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия. 19.02.2016. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20150219/1013940136.html> (дата обращения: 10.07.2017).

²⁸⁸ МИД РФ: Грузия отказалась обсуждать соглашения о мире с Абхазией и РЮО [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия. 10.12.2015. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/world/20151210/1016565860.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Если модели регулирования грузино-абхазского конфликта определялись спецификой субъектов противостояния, ролью международных посредников, мирополитической конъюнктурой и региональной конфигурацией, то осетино-ингушский конфликт, будучи «локализованным» этнополитическим противоречием, находящимся в строгой и исключительной компетенции российского политико-правового пространства, – в зоне ответственности отечественных механизмов регулирования.

А. Зверев отмечал, что осетино-ингушский конфликт неуместно равно соотносить с другими этнополитическими конфликтами, которые разворачивались на территории Закавказья, потому что конфликт вокруг Пригородного района был и остается исключительно «территориальным спором», не имеющим под собой иной выраженной подоплеки²⁸⁹. С позицией автора сложно согласиться в полной мере. Важно выделять и его политическое содержание, так, как это бывает во всех случаях, когда стороны конфликта пытаются реализовать свои ключевые интересы и ценности, связанные с политико-правовыми проблемами территориального разграничения, когда конфликт приобретает свои отчетливые политические измерения и следствия.

Л.А. Чибиров отмечал, что первые шаги по урегулированию осетино-ингушского конфликта властные структуры стали осуществлять уже в кульминационный момент его развертывания. Первый этап взаимодействия между руководствами обеих республик по вопросу разрешения конфликта датируется первой половиной 1993 года: с января по март проходили неоднократные встречи и подписывались соглашения в Кисловодске²⁹⁰. В роли посредников выступали представители большинства северокавказских республик, делегировавшие право озвучить единую позицию по мерам преодоления осетино-ингушского конфликта делегациям из Дагестана и Ставропольского края²⁹¹. Несмотря на то, что стороны заявляли о взаимоуважении, решительном отказе от

²⁸⁹ См.: Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–1994 гг. / Спорные границы на Кавказе [Электронный ресурс] // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0102.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

²⁹⁰ Чибиров Л.А. Первые шаги по урегулированию осетино-ингушского конфликта. Бесланское соглашение // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 21–26.

²⁹¹ См.: Здравомыслов А.Г. Указ. соч. С. 79–80.

продолжения вооруженного противостояния, о желании разрешения проблемы исключительно мирными средствами, серьезные расхождения в целевых установках конфликтующих сторон не преодолевались. Ингушская сторона уклонялась от принятия вариантов, связанных с уступками по крайне «чувствительному» для них аспекту – притязаниями на территорию Пригородного района; осетинская же сторона, напротив, настаивала на декларировании этого условия как единственно доступной альтернативы для возвращения беженцев²⁹².

С нашей точки зрения, необходимо отметить роль созданного Федеральным центром политического института – Временной администрации, которая выступала особым механизмом посреднической деятельности центральных органов власти России в зоне конфликта. Деятельность органа управления в зоне осетино-ингушского конфликта основывалась на положениях Конституции РФ, регламентировавшего недопущение односторонней демаркации границ субъектов РФ. Важно, что эволюция созданного в 1992 году политического института государственного управления на территории введенного чрезвычайного положения явилась наглядным примером ситуативной трансформации подходов и механизмов решения этнополитических проблем на Северном Кавказе.

После того, как в октябре 1993 года был положен конец противостоянию законодательной и исполнительной ветвей власти России, руководство страны нацелилось на оперативное решение осетино-ингушского конфликта. Это выразилось, в частности, в организации поездки Б.Н. Ельцина на Северный Кавказ. Президент России провел многосторонние встречи с главами субъектов и в ходе одной из них были сформулированы и представлены критерии по исчерпанию осетино-ингушского конфликта (дальнейшие события показали, что выдвинутые предложения не имели практического эффекта):

– ремиссия требований ингушской стороны по включению Пригородного района в состав Ингушетии;

²⁹² См.: Дзадзиев А.Б. Указ. соч.

- признание решения осетинских властей в отказе приема ингушских беженцев в Пригородный район неправомерным;
- недопустимость односторонней демаркации границ субъектов Российской Федерации;
- правовое преследование виновников эскалации осетино-ингушского конфликта и провокации этнической нетерпимости²⁹³.

Позднее, был издан Указ Президента РФ «О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Республики Ингушетия»²⁹⁴, конкретизирующий основные положения, принятые в ходе октябрьских консультаций с северокавказскими лидерами. В контексте проходящей тогда предвыборной кампании принятый нормативный правовой акт воспринимался, однако, в региональной общественно-политической среде скорее тактическим шагом по накоплению политических «баллов» и рейтинга, нежели политическим инструментом разрешения конфликта (о чем свидетельствовали и многочисленные публикации в СМИ²⁹⁵. Москву неоднократно упрекали и в другом. Так, И.М. Сампиев особо выделяет негативную роль федерального центра, на первых порах возложившего на себя роль арбитра урегулирования осетино-ингушского конфликта, на основании довода о спланированной, по его мнению, федеральными властями акции по провоцированию «включения» Чечни в открытую фазу осетино-ингушского вооруженного конфликта. Что, как он считает, в последующем позволило бы Центру применить превентивные меры по разъединению участников конфликта и одновременно пресечь тенденции чеченского сепаратизма²⁹⁶. В.А. Тишков также писал, что «чеченский мотив присутствовал и в действиях федеральных властей, <...> что подтверждается

²⁹³ См.: Здравомыслов А.Г. Указ. соч. С. 83.

²⁹⁴ См.: Указ Президента РФ от 13 декабря 1993 г. № 2131 «О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²⁹⁵ На Северном Кавказе критикуют Ельцина [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 09.12.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/66840?query=осетины-ингушский> (дата обращения: 10.07.2017).

²⁹⁶ Сампиев И.М. Этнополитическая ситуация в Ингушетии: новые вызовы и альтернативы [Электронный ресурс] // URL: http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/_trainings/other/Severnyi-Kavkas-Konflikt.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

дальнейшим ходом событий»²⁹⁷. Можно добавить, что хотя данный тезис находит свое подтверждение в высказываниях и других видных экспертов и специалистов, с нашей точки зрения, он по ряду причин продолжает оставаться дискуссионным, в силу очевидности назревавшего кризиса в Чечне на фоне сепаратистских тенденций того периода.

Другое дело – последовательность и выверенность действий федеральных властей. Так, Ю.Ю. Карпов вполне определенно отмечал неоднозначное влияние их посреднической роли в разрешении осетино-ингушского конфликта, писал, в частности, о противоречивости действий федерального центра, из-за попустительства которого получило почву для роста межнациональное напряжение между Северной Осетией и Ингушетией²⁹⁸. Иными словами, как считает диссертант, речь идет о просчетах в подборе наиболее эффективных подходов для консервирования конфликта, в условиях нарастающих внутриполитических проблем России.

Отмечая действия субъектов противостояния, стоит указать на то, что позиция осетинской стороны, связанная с беженцами, трансформировалась от категорического неприятия вынесения на обсуждение проблемы репатриации до осознания важности и необходимости проведения обстоятельных переговоров по данному вопросу. По нашему мнению, именно в этом пункте прослеживается возросшее влияние и давление федеральных властей на принимаемые оппонирующими сторонами политические решения. К тому же 30 мая 1994 года был продлен режим чрезвычайного положения в зоне конфликта и к концу июля был окончен первичный этап возвращения беженцев. Позднее же, к 1 декабря планировалось организовать и обеспечить всеми необходимыми условиями полное переселение представителей ингушской национальности.

С апреля по июнь 1994 года интенсифицируются встречи ингушской и осетинской сторон по обсуждению острых проблем, касающихся вынужденных

²⁹⁷ Тишков В.А. Осетино-ингушский конфликт (Антропология этнической чистки) / Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский Мир, 1997. С. 388.

²⁹⁸ Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа / Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. С. 242–244.

переселенцев. Начатые в г. Нальчике переговоры получают логическое продолжение в г. Беслане, оканчиваясь Бесланскими соглашениями. В трехстороннем формате «Аушев (от Ингушетии) – Галазов (от Северной Осетии) – Лозов (от Временной администрации)» подписывается ключевое соглашение о «Порядке возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев в местах их прежнего компактного проживания...»²⁹⁹. Намеченный процесс тем не менее тормозится по разным причинам. Оценки разнятся. Кто-то упрекает в большей степени ингушей, кто-то, как, например, И.Я. Новицкий, считает, что реализация перспективного алгоритма действий по ликвидации и преодолению последствий осетино-ингушского конфликта, изложенного по пунктам в Бесланских соглашениях, была торпедирована именно Северо-Осетинскими властями³⁰⁰, что руководство Северной Осетии под предлогом первоочередной необходимости восстановления социальной инфраструктуры Пригородного района преднамеренно затягивало поэтапное исполнение условий и обязательств принятого соглашения.

В августе 1994 года Временная администрация начинает полномасштабную координацию репатриации ингушского населения, что нельзя не отметить как положительный эффект принятых в Беслане соглашений. Эти процессы, однако, серьезно осложняются тяжелой постконфликтной психологической обстановкой в зоне конфликта; ростом финансовых трудностей в ходе возвращения беженцев, вызвавшее недовольство в Ингушетии³⁰¹.

В феврале 1995 года специальным указом главы России чрезвычайное положение в Ингушетии и Северной Осетии было отменено³⁰². Временная администрация была преобразована во Временный государственный комитет по ликвидации последствий осетино-ингушского противостояния. Тупик в

²⁹⁹ Порядок возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев в места их прежнего компактного проживания в населенных пунктах Чермен, Донгарон, Дачное, Куртат Пригородного района Республики Северная Осетия // Республика Северная Осетия-Алания. Пригородный район: выбор цели? Сборник документально-исторических документов. Владикавказ, 1997. С. 126–128.

³⁰⁰ Новицкий И.Я. Управление этнополитикой на Северном Кавказе. Краснодар: «Здравствуйте», 2011. С. 107.

³⁰¹ Руслан Аушев подверг резкой критике Владимира Лозового [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 29.01.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/69972?query=осетины-ингушский> (дата обращения: 10.07.2017).

³⁰² Указ Президента РФ от 4 февраля 1995 г. № 93 «О введении чрезвычайного положения на части территорий Северной Осетии и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

переговорах преодолен, однако, не был: те требования, которые выдвигали субъекты этнополитического противостояния, оставались взаимоисключающими: ингушская сторона продолжала настаивать на полномасштабном возвращении беженцев в Пригородный район, оппонирующая сторона связала невозможность проведения этих мероприятий с «морально-психологической обстановкой среди осетин»³⁰³. 11 июля 1995 года главами республик Северной Осетии и Ингушетии было подписано очередное соглашение о мерах по улучшению взаимоотношений между республиками, которое также не принесло ощутимых положительных результатов, более того, добавились дополнительные несоответствия в трактовках принятого документа.

В октябре 1997 года произошли очередные структурные изменения в центральных органах власти, в ведении которых находились вопросы регулирования осетино-ингушских отношений. Так, ранее Временный государственный комитет преобразовался в институт Представительства полномочного представителя Президента России в Северной Осетии-Алании и Ингушетии³⁰⁴, просуществовав до 2000 года (до создания представительств Президента России в федеральных округах как меры централизации федеральной власти). Позднее, 4 сентября 1997 года был подписан «Договор об урегулировании отношений и сотрудничестве между Республикой Северная Осетия – Алания и Республикой Ингушетия» между Р.С. Аушевым и А.Х. Галазовым. Содержание документа носило, как и прежде, достаточно декларативный характер, не предусматривавший конкретных мер. 15 октября 1997 года в ходе трехсторонней встречи Аушев – Галазов – Черномырдин была подписана более предметная программа совместных действий по ликвидации последствий конфликта, но и ей не было суждено реализоваться в полной мере³⁰⁵.

³⁰³ См.: *Дзадзиев А.Б.* Осетино-ингушский конфликт: современное состояние проблемы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2003. № 6 (30). С. 96–106.

³⁰⁴ Указ Президента РФ от 17 сентября 1996 г. № 1360 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Республике Северная Осетия – Алания и Республике Ингушетия» // *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

³⁰⁵ От взаимных претензий ингуши и осетины не отказались [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. 17.10.1997. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/186003> (дата обращения: 10.07.2017).

Как отмечает Е.А. Куштавкина, в ходе постконфликтного периода урегулирования осетино-ингушского конфликта неоднократно подписывались взаимно обязывающие политико-правовые акты, которые так и не сумели устранить фундаментальные противоречия³⁰⁶. В том числе не привнес весомого результата, подписанный в 2002 году между лидерами республик (Президентом Северной Осетии – А.С. Дзасоховым и Президентом Ингушетии – М.М. Зязиковым) документ о развитии отношений между Республикой Северной Осетией и Республикой Ингушетией³⁰⁷.

Мы согласны с мнением Р.М. Татиева, что более существенный эффект в социальной, экономической и политической сферах в регионе, отразившийся на динамике постконфликтного урегулирования осетино-ингушского противоречия, был связан напрямую с учреждением федеральных округов и назначением спецпредставителей Президента России в регионах государства³⁰⁸.

С началом 2000-х годов подходы федеральных органов власти в регулировании осетино-ингушского конфликта заметно трансформировались, их цель – нахождение удовлетворяющих все стороны компромиссов и устранение последствий драматических событий осени 1992 года. 6 октября 2004 года Президент России подписал Указ «О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия»³⁰⁹, в соответствии с которым упразднялся институт спецпредставителя Президента РФ по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта. Его обязательства были возложены на полномочное представительство Президента РФ в Южном федеральном округе (позднее – на полпреда в Северо-Кавказском федеральном округе).

³⁰⁶ Куштавкина Е.А. Осетино-ингушский конфликт: история и современное состояние [Электронный ресурс] // URL: http://www.politregionalistika.ru/ru/kushtavkina_e_a.php (дата обращения: 10.05.2017).

³⁰⁷ Северная Осетия и Ингушетия подписали соглашение о развитии сотрудничества и добрососедства [Электронный ресурс] // РИА Новости. 11.10.2002. URL: <https://ria.ru/politics/20021011/241318.html> (дата обращения: 29.08.2017).

³⁰⁸ Татиев Р.М. Территориальные этнополитические конфликты: политико-правовые основы урегулирования (на примере осетино-ингушского конфликта): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. С. 8–9.

³⁰⁹ См.: Указ Президента РФ от 6 октября 2004 г. № 1285 «О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Складывающаяся модель регулирования осетино-ингушского конфликта ориентировалась на меры по целостному реформированию социального климата, преодолению ценностно-психологических барьеров. В этих целях федеральную поддержку получили многие общественные и публичные проекты, стали проводиться многосторонние встречи молодежных, религиозных и общественных организаций из «конфликтующих» республик и иных субъектов России.

В феврале 2006 года полномочный представитель президента России в ЮФО Д. Козак обратился к республиканским органам власти с Планом мероприятий по ликвидации последствий вооруженного конфликта 1992 года. Однако документ был отвергнут Парламентом Ингушетии в связи с отсутствием положений, удовлетворяющих, как было зафиксировано в решении, базовые интересы и нужды ингушского народа. Имелось в виду перекраивание административно-территориальной границы между конфликтующими республиками и включение «спорного» района в состав Ингушетии; реабилитация вынужденных переселенцев. От имени законодателей Президенту России было направлено коллективное обращение с критикой в адрес «проосетински» ориентированного полпреда Президента РФ в ЮФО³¹⁰. Этот факт свидетельствовал о сохраняющемся недоверии к представителям российского руководства в регионе, непризнании за ним качеств беспристрастного арбитра.

Важно отметить, что лидеры Ингушской Республики, сначала М.М. Зязиков, потом Ю.Б. Евкуров испытывали серьезное давление со стороны ингушской общественности относительно территориального спора, ставшего, в частности, центральной темой на внеочередном Съезде ингушского народа в городе Назрани 31 января 2009 года³¹¹, съезде, явившимся беспрецедентной площадкой открытого взаимодействия и обсуждения проблем, касающихся ингушского народа и его государства, между органами власти и общественно-активными гражданами.

³¹⁰ Ингуши не ужились с Дмитрием Козаком [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 20.02.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/651313> (дата обращения: 10.05.2017).

³¹¹ См.: Съезд ингушского народа открылся в Назрани [Электронный ресурс] // РИА Новости. 31.09.2009. URL: <https://ria.ru/politics/20090131/160614579.html> (дата обращения: 10.05.2017).

Третьим Президентом Ингушетии Ю.Б. Евкуровым были сделаны очередные шаги со стороны республики к решению проблемы. Как резюмировал К.И. Казенин, «Ингушетия теперь настаивает на возвращении вынужденных переселенцев, покинувших свои дома во время конфликта октября–ноября 1992 года, именно в те села Пригородного района, где они жили до конфликта...»³¹².

В этих сложных условиях в 2009 году федеральным центром было инспирировано подписание главами субъектов РФ «Программы совместных действий по развитию добрососедских отношений между Республикой Северная Осетия–Алания и Республикой Ингушетия на 2010 год»³¹³. Основной акцент в программе делался на необходимости вовлечения в постконфликтное урегулирование общественно-политических и молодежных организаций для дальнейшего обсуждения имеющихся трудностей между осетинами и ингушами, а также возможности их совместного преодоления.

Процесс гармонизации взаимоотношений между осетинами и ингушами, как мы видим, еще далек от каких-либо положительных достижений; по мнению, в частности О.А. Васильевой, модели регулирования осетино-ингушского конфликта путем политического воздействия с целью ликвидации последствий столкновения встречают широкий спектр препятствий: не учитывается историческое значение этнотерриториальных образований; неоднократные изменения административно-территориальных границ; депортации народов; отсутствует общепризнанная политико-правовая оценка событий осени 1992 года; налицо противоречивость и иллюзорность воплощения Закона «О реабилитации репрессированных народов»; неготовность официальных представителей конфликтующих республик к конструктивному диалогу и нахождению взаимовыгодных компромиссов³¹⁴.

³¹² Казенин К.И. Пять главных дел Евкурова [Электронный ресурс] // URL: <http://www.regnum.ru/news-1177785.html> (дата обращения: 10.05.2017).

³¹³ Программа совместных действий по развитию добрососедских отношений между Республикой Северная Осетия–Алания и Республикой Ингушетия на 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/164079/> (дата обращения 29.08.2017).

³¹⁴ Васильева О.А. Трудности по разрешению осетино-ингушского конфликта в разрезе современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-234-0/978-5-88431-234-0_88.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

На наш взгляд, существующие противоположные оценки событиям октября – ноября 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии не позволяют ни концентрироваться, ни переступить через укоренившиеся стереотипы в поиске альтернативных конфликтному взаимодействию путей решения спорных вопросов. Основным политическим субъектом регулирования осетино-ингушского противостояния выступило федеральное государство. Была институционализирована соответствующая модель политического регулирования осетино-ингушского конфликта. Сопутствующие данной процедуре политико-управленческие механизмы по прекращению насилия и непримиримости между оппонирующими сторонами создавались оперативно, это, несомненно, повлияло на качество и эффективность деятельности федерального центра в урегулировании осетино-ингушского конфликта.

По мнению диссертанта, оптимизировать на современном этапе модель отечественного регулирования этнополитического конфликта в контексте осетино-ингушского противостояния следует на основе следующих элементов консоциального подхода:

1. Единое (общегосударственное) нормативное правовое пространство, в рамках которого используются правовые и превентивные механизмы по разъединению конфликтующих сторон, их принуждению к миру.
2. Арбитражное как основополагающая прерогатива федеральных властей (представительных органов российской власти) в стратегии объективного и беспристрастного участия в процессе урегулирования, предложение и совместное обсуждение планов, максимально полно отвечающих интересам всех субъектов этнополитической конфронтации.
3. Формирование инновационного общероссийского информационно-культурного пространства, способствующее процессу деполитизации этничности.
4. Государственная национальная политика, ориентированная на поддержание межнационального мира и межконфессионального согласия, развитие межкультурного взаимодействия.

5. Разработка форм, средств и технологий политического воздействия, которые коррелируют с социокультурной спецификой и общественной средой Кавказа.

В этом направлении, по нашему мнению, необходимо выработать и комплекс мер и процедур профилактики этнополитического размежевания в современной России, а именно: мер политического институционального характера по очерчиванию полномочий и компетенций как центральных органов власти, так и субъектов; мер по поддержанию и развитию самостоятельной социально-экономической инфраструктуры; мер и действий в культурной и образовательной областях; мер по соблюдению этнического плюрализма и профилактики этнорелигиозной дискриминации; мер по мониторингу межнационального и межконфессионального климата.

Эволюция института представительства в зоне осетино-ингушского конфликта и комплекс политико-правовых действий по нейтрализации последствий конфликта, отделении «территориального спора» от проблемы репатриации перемещенных лиц определяет отечественную модель решения этнополитических конфликтов в особом ключе. Она воплощает в себе позитивные стороны традиционной, марксистской и модернистской парадигм урегулирования, синтезируя наиболее эффективные принципы обозначенных подходов.

Международная модель регулирования этнополитических конфликтов (под эгидой ООН) в различной степени проявляется в форме как традиционной, так модернистской парадигм урегулирования в зависимости от конкретной обстановки. В ее основе в идеале лежат принципы международного права, регулирующие систему международных отношений. На деле, однако, реальное отношение субъектов международного права к решению этнополитических проблем, политика «двойных стандартов» существенным и негативным образом сказывается на эффективности этой модели.

В целом же наиболее существенные отличительные особенности моделей регулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье характеризуются следующими индикаторами: разноуровневые формы протекания

вооруженных столкновений; политико-правовой статус субъектов противостояния; пространственно-временные границы конфликтного действия; разные подходы в менеджменте этнополитических конфликтов; активность и результативность деятельности посредников, положение и статус задействованных в урегулировании субъектов (международные посредники – иностранные государства и организации; и внутренние посредники – центральные органы власти, общественно-политические организации внутри государства); формат, контекст и характер процесса урегулирования.

2.4 Современные условия стабильности и безопасности в Кавказском регионе

Кавказ имеет прямое отношение к истории и судьбе России³¹⁵. Северный Кавказ, как и Закавказье, находятся в лоне единого геостратегического пространства России. Более того, «Большой Кавказ» является одним из самых центральных звеньев во внешнеполитическом курсе Российского государства с позиции поддержания стабильности и обеспечения безопасности в стратегически важном регионе. Имеющиеся проблемы на Кавказе подводят к необходимости подбора оптимальных способов и средств их безболезненного преодоления в целях благополучия и единства Российской нации, а также укрепления и пролонгации гарантий защищенности и мира для новопризнанных государств Южного Кавказа – Абхазии и Южной Осетии.

В рамках проведенного исследования представляется возможным выделить отечественной модели регулирования этнополитических конфликтов, включающей специальные меры по поддержанию стабильности и безопасности на российском Кавказе. Эта модель предусматривает исключительную компетенцию федеральных органов власти воздействовать на социально-политические процессы в различных частях государства, что позволяет формировать магистральные проекты и «дорожные карты» по предотвращению

³¹⁵ См.: Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 295.

территориальных споров, властных и статусных противоречий с этническим компонентом. Как отмечает Л.Г. Коваленко, для России актуальна проблема региональных конфликтов, особенно на территории Кавказа, в связи с чем жизненно необходима выработка различных моделей урегулирования, в том числе, той, которая будет основана на технологиях информационно-психологического воздействия на общественное мнение³¹⁶. Согласно Е.С. Карсановой, для Северокавказского региона России на данный момент свойственны в большей степени тенденции этнокультурного обособления, нежели интеграционные пути формирования общегражданской идентичности и среды общенационального согласия³¹⁷. Отмеченный автором факт прямо свидетельствует о наличии достаточно серьезного барьера на пути стабилизации социально-политической ситуации в Кавказском регионе.

В.И. Коваленко, определяя основные векторы по укреплению безопасности и стабильности в полиэтничном социуме, приводит ряд целевых совокупных мер государства по потенциальному предотвращению конфликтов и оптимизации процесса регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений:

- политические действия (реализация государственной национальной политики, совершенствование нормативной правовой базы в сфере регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений, разработка и исполнение целевых государственных программ, выработка и принятие эффективных управленческих решений в этноконфессиональной сфере);

- социально-ориентированные действия (преодоление социального размежевания; адресные действия в целях ликвидации противоречий на почве различий по этническому, культурному, лингвистическому, религиозному и другим признакам);

³¹⁶ Коваленко Л.Г. Проблема конфликтов и их урегулирования, место России в этом процессе // Дневник АШПИ. 2011. № 27. С. 52–55.

³¹⁷ Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в полиэтничных федерациях: природа и практика решения в условиях глобализации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2012. С. 186–192.

– действия по реформированию персонифицированного самосознания (создание и поддержание ценностно-идеологических конструкций, призванных консолидировать граждан – гражданское общество, нацию)³¹⁸.

Центральным документом в сфере регулирования межнациональных отношений и предотвращения этнополитических противоречий в Российской Федерации является принятая Указом Президента РФ «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года»³¹⁹. Как отмечают В.Ю. Зорин и М.А. Аствацатурова, ключевая задача доктринального документа заключается в «предотвращении межэтнического противостояния, профилактике этнополитических конфликтов, их эффективное урегулирование и постконфликтная реконструкция». ³²⁰ По нашему мнению, в содержании принятого документа очерчиваются основные положения российской модели регулирования этнополитических конфликтов, главным инструментом которой выступает формирование общегражданской идентичности – российской нации, где этничность была бы выведена из политической орбиты и получила бы импульс для развития в условиях национально-культурных автономий. Безусловно, наряду с необходимостью формирования общегражданской нации, приоритет отводиться поддержанию конституционного строя государства, прав и свобод личности, этнического плюрализма, толерантности и терпимости. Стратегия получила свое логическое продолжение в программе по реализации государственной национальной политики, принятой Правительством РФ³²¹.

В 2013 году был создан «Распределенный научный центр межнациональных и межконфессиональных проблем» для мониторинга и прогнозирования состояний межэтнических отношений, выявления уровня этнополитической напряженности, предупреждения и оперативного урегулирования противоречий.

³¹⁸ Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во Московского университета, 2016. С. 339–355.

³¹⁹ См.: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³²⁰ Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2016. [Электронный ресурс] // URL: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/%E2%84%96236.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

³²¹ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Позднее, весной 2015 года, Указом Президента России было создано Федеральное агентство по делам национальностей³²². Функции нового ведомства состоят в государственном мониторинге межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактике различных проблем на этнической и религиозной почве, а также предупреждении различных форм дискриминации. Стоит отметить, что основная цель указанного агентства в эффективной реализации принятой государственной стратегии.

Некоторые трудности межнациональных отношений в России обусловлены особенностями современного российского федерализма, в котором заложены административно-территориальный и национально-территориальный принципы государственного устройства. Эти принципы в сложившихся исторических условиях во многом определяют содержание безопасности и стабильности на всей территории страны, особенно на территории субъектов многонационального Северного Кавказа, с учетом разносторонней общественно-политической жизни регионов государства.

По мнению диссертанта, поддержание безопасности и стабильности в Северокавказском регионе, реализуемое механизмами и мерами по предотвращению этнополитических противоречий, в значительной степени зависит от состояния общественного сознания, степени удовлетворения этнокультурных предпочтений и социально-экономического благосостояния граждан.

М.А. Аствацатурова отмечает, что угрозы безопасности на Северном Кавказе кроются в этнизации политики как в социально-политическом пространстве, так и в структуре местных органов власти³²³. Как правило, реализуемые процедуры и меры по поддержанию безопасности и стабильности в республиках Северного Кавказа основаны на этнотерриториальном принципе: ареал расселения этнической группы имеет не только историческое значение, но и является политико-правовым пространством, закрепляющим базовые интересы

³²² См.: Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³²³ Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). М.: Московское бюро по правам человека. 2011. С. 78.

того или иного народа. Подобное обстоятельство выступает в качестве мотивационного двигателя в консолидации и выработки единой позиции в отношении спорных с иными этническими группами вопросах.

Примечательно, что на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, проходившем в Йошкар-Оле 20 июля 2017 года, Президентом России В.В. Путиным была озвучена достаточно серьезная проблема, стоящая на пути гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений – несвоевременность и неспособность предотвращения конфликтов властями местного уровня. В связи с этим Президентом было внесено предложение о целесообразности «ввести во всех органах местного самоуправления ответственных за сферу межнациональных отношений, так, как это сделано на федеральном и на региональном уровнях. <...> Очень важно выстраивать чёткую систему подготовки и повышения квалификации региональных и муниципальных служащих в сфере межнациональных отношений»³²⁴.

Безусловно, подготовка высококвалифицированных кадров в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, обладающих нужными компетенциями в вопросах культуры народов, их традиций и религий, позволит повысить уровень оперативного и качественного реагирования на возникающие угрозы в обеспечении мира и согласия на просторах России. В том числе, позволит своевременно вырабатывать и предлагать меры по решению и профилактике этнополитического размежевания.

В этих условиях оптимальным средством обеспечения безопасности и стабильности Северного Кавказа представляется распознавание структуры, роли и тенденций системообразующих факторов современных этнополитических процессов: внешнеполитического, внутривнутриполитического, социально-экономического, этнокультурного, конфессионального и др.; с последующей усиленной корректировкой их содержания и выработкой мер позитивного

³²⁴ Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (20 июля 2017 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president-news/55109> (дата обращения: 05.09.2017).

политического воздействия. Как справедливо отмечают В.В. Гайдук и Ю.А. Демьяненко, «...необходимо постоянно и глубоко анализировать этнонациональный характер региональных противоречий, выявлять их причины»³²⁵.

По нашему мнению, основным условием достижения безопасности и стабильности в Северокавказском регионе следует считать ослабление либо устранение процессов этнизации политики и политизации этнических вопросов. Государству как системе, внутри которой находят свое многомерное выражение этнополитические процессы и отношения, необходимо прикладывать значительные усилия для противодействия крайним проявлениям политического партикуляризма, дискредитируя его конечные цели, которые, без всякого сомнения, наносят ущерб общенациональным интересам.

В отличие от отечественных моделей регулирования этнополитических отношений и конфликтов на Северном Кавказе, международные подходы, реализующиеся на просторах современного Южного Кавказа, нельзя расценивать вне их тесной связи с геополитической конъюнктурой и расстановкой военно-политических сил. Крупные международные форматы взаимодействия по разрешению конфликтных ситуаций, поддержанию мира, стабильности и безопасности в Кавказском регионе часто приобретают чисто условные очертания в связи с антагонизмом целевых установок, убеждений и разным пониманием природы и источников конфликтов. В конечном итоге действующие площадки, такие как Минская группа ОБСЕ по урегулированию Карабахского конфликта и Женевские дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье, не в состоянии дать продуктивные и практические результаты для конфликтующих сторон. Посредническая роль в решении насущных этнополитических противоречий в Закавказье прикрывается отдельными зарубежными странами и их приверженностью общепринятым принципам гуманизма, за которыми на деле скрывается желание геостратегической реконструкции западного гегемонистного

³²⁵ Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Этнополитический инструментарий национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3 (22). С. 125.

миропорядка. Регулирование этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве «Большого Кавказа» является составной частью политико-идеологического противоборства между Западом и Россией, в этой конкурентной среде разворачивается борьба за статус государства-фаворита, способного единолично определять политическую «повестку дня». Исторически роль лидера в Кавказском регионе отведена России, и ее посильные действия по мирному решению конфликтов в регионе носят наиболее действенный характер.

По мнению К.С. Гаджиева, в перспективе ближайшего времени не представляется возможным ожидать полной ликвидации очагов этнополитической напряженности в Кавказском регионе³²⁶. За последнее десятилетие многие этнические сообщества и этнотерриториальные образования идеологически дистанцировались друг от друга вследствие вооруженного противоборства; несовместимости и невозможности принятия общих формул мирного взаимодействия и сотрудничества; поверхностных и оценочных суждений об источниках и природе разгоревшихся конфликтов; влияния внешних деструктивных сил под видом международной посреднической деятельности; объективизации роли и значения субъектов этнополитического противостояния, когда локальное столкновение становится фундаментом для развертывания регионального противостояния мировых держав.

Помимо России и США действующими акторами регионального политического процесса на Кавказе выступают Турция, Иран, Европейский Союз, Азербайджан, Армения, Грузия и частично признанные Абхазия и Южная Осетия. Как отметил В.В. Путин на встрече с Р.Д. Хаджимба в августе 2017 года, «...у нас особые, совершенно особые отношения с Абхазией. Мы надежно гарантируем безопасность и самостоятельность Абхазии, независимость. Уверен, что так и будет дальше»³²⁷. Это в очередной раз показывает, что Россия, в отличие от многих других государств имеет в Кавказском регионе фундаментальные военно-политические и социально-экономические интересы, которые сопрягаются с

³²⁶ Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 329.

³²⁷ Путин гарантировал Абхазии безопасность и независимость [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 08.08.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/08/08/suhum_nezavisimost/ (дата обращения: 15.08.2017).

основополагающими вопросами национальной безопасности государства. О чем свидетельствуют пункты 18, 26, 81 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной указом Президента РФ 31 декабря 2015 г.³²⁸ В том числе, Концепция внешней политики России, где пункт 57 декларирует: «В числе российских приоритетов остается содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению»³²⁹.

По мнению И. Бабича, многие процессы на пространстве современного Кавказа связаны со степенью эффективности методов отечественного регулирования этнического и религиозного разнообразия, с которым столкнулась Россия, усилив собственное присутствие в регионе в далеком прошлом³³⁰. Следовательно, многосторонняя деятельность по ослаблению роли и влияния России в регионе внешними силами является главной угрозой безопасности и стабильности на Кавказе.

Вовлеченность главной региональной державы в урегулирование этнотерриториальных и этнополитических противоречий на Южном Кавказе способствовала формированию российской модели региональной безопасности и патерналистского политического курса в отношении некоторых закавказских республик, а также способствовала разъединению вооруженных формирований оппонирующих сторон в зоне их силового соприкосновения. На заре российских политических преобразований в 1992 году А. Вольский отмечал: «Безопасность, как внешняя, так и внутренняя, должна являться стратегическим приоритетным интересом России на Кавказе»³³¹. Несомненно, у Кавказского региона, обладающего разнофакторностью общественных процессов, неоднозначностью

³²⁸ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³²⁹ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³³⁰ Бабич И.Л. Методы имперского управления этническим и религиозным многообразием на Кавказе // Вестник Российской нации. 2015. № 6. С. 26–41.

³³¹ Вольский А. Геополитическая реальность в Закавказье // Московские новости. 1992. 4 октября.

деятельности внутренних национально-политических элит, особым территориальным расположением и другими не менее важными аспектами – особое положение на просторах бывшего СССР.

Достижению мира и согласия между конфликтующими сторонами на Кавказе препятствуют серьезные осложнения, выражающиеся в большом объеме взаимных недовольств и претензий, оказывающих значение на формирование деструктивного взаимовосприятия. В этих условиях, как на Северном Кавказе, так и в Закавказье, стороны конфликта вынуждены привлекать к участию авторитетных и объективных посредников или представительные органы власти государства (если этнополитический конфликт разворачивается внутри одной страны). Результатами официальных встреч и переговоров по урегулированию этнополитических конфликтов, в которых российское участие являлось фактором, определяющим структуру и исход, стали пресечения вооруженных действий как в северокавказском регионе, в контексте преодоления осетино-ингушского противоречия путем профилактики вооруженных акций и актов межэтнического насилия, так и в Закавказье – поддержка новопризнанных государств, основных военно-стратегических партнеров России на Южном Кавказе – Абхазии и Южной Осетии.

Учитывая современные этнополитические процессы на Кавказе, следует выделить следующие условия стабильности и безопасности на его территории:

1. Оппонирование и принятие политических мер по ослаблению влияния внерегиональных акторов мировой политической арены, вовлеченных в разноплановые процессы на Кавказе (прежде всего в сфере урегулирования этнополитических конфликтов).
2. Отождествление этнополитической и этноконфессиональной стабильности на Кавказе с системой главных приоритетов национальной безопасности России.
3. Нейтрализация тенденций террористической, религиозно-экстремистской и националистической направленности в Кавказском регионе,

особенно в условиях активной борьбы с «Исламским государством» (запрещенной в Российской Федерации) в Сирийской Арабской Республике.

4. Развитие социального, экономического и культурного взаимодействия с другими субъектами международного права в регионе, в частности с новопризнанными республиками – Абхазией и Южной Осетией.

5. Развитие военно-стратегического сотрудничества постсоветских государств в рамках ОДКБ, в том числе военно-политическая синергия России, Абхазии и Южной Осетии, в целях сдерживания потенциального расширения НАТО в регионе.

6. Поддержка деятельности по сохранению и развитию русского мира, популяризации русского языка и культуры на постсоветском пространстве.

Политическое прогнозирование и регулирование этнополитических противоречий на Кавказе должно базироваться на системном анализе ранее использованных механизмов урегулирования конфликтов, которые в сложившихся обстоятельствах в полной мере не решили проблем. Участникам переговорного процесса необходимо подбирать адаптивные к окружающей политической конъюнктуре подходы, предполагающие не разовое решение конфликтной ситуации, что в принципе практически бесперспективно для постсоветского пространства, а последовательно реализуемый комплекс мер социально-политической, экономической и культурной направленности³³². Как отмечает С.М. Маркедонов, необходимы поэтапные действия для укрепления доверительных отношений между оппонирующими сторонами; регулирование этнополитических конфликтов в этом случае заключается в проработке и обсуждении имеющихся вопросов касательно безопасности и гуманитарного взаимодействия³³³. Предельное внимание сторон переговорного процесса должно быть сфокусировано на принятии промежуточных документов, а не всеобъемлющей декларации. Регулирование этнополитического конфликта должно строиться на ряде согласований по ключевым аспектам и интересам

³³² Ласария А.О. Регулирование этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сущность и специфика // *PolitBook*. 2017. № 1. С. 98–99.

³³³ Маркедонов С.М. Указ. соч. С.127–128.

субъектов конфликта, где центральным звеном является процесс, в условиях которого стороны активно взаимодействуют, а не получают готовый «продукт» извне.

Перспективы урегулирования и разрешения этнополитических противоречий на Кавказе основываются на гибкости и конструктивности политических решений. Однако, что немаловажно, сроки преодоления и замораживания противоречий зависят от неоднозначных геополитических, военно-тактических и социально-экономических целей, задействованных в процессе урегулирования государств и организаций³³⁴.

Выводы ко второй главе

1. Кавказский регион имеет особое значение и месторасположение на постсоветском пространстве, свою несомненную важность он приобретает по геополитическим, социально-политическим, культурным, экономическим, идеологическим и другим основаниям. Внутри региона компактно сосуществуют представители многих этнических сообществ, лингвистических групп, религиозных общин и конфессиональных объединений. Одной из важных причин эскалации этнополитических и других типов конфликтов на Кавказе является глубокая и разносторонняя социальная дифференциация населения, в том числе неравномерное развитие социальной инфраструктуры и экономического потенциала как на Северном Кавказе России, так и в республиках Закавказья.

2. На протяжении многих веков на Кавказе пересекались интересы ведущих мировых держав, стремившихся установить над стратегической местностью единоличную власть. Так и сегодня, Кавказ остается приоритетным направлением внешнеполитического курса для многих внерегиональных государств (прежде всего для США, ЕС, Ирана и Турции).

3. Распад СССР явился катализатором генезиса острых межэтнических проблем, нашедших свое отражение в территориальных спорах, появлении

³³⁴ Ласария А.О. Конфликтные контуры Кавказского региона // Вестник Российской нации. 2017. № 5. С. 58–59.

общественно-политических движений по реализации права на самоопределение, политике и практике обособления (сепаратизме), стремлениях расширить и пересмотреть политический статус этнического сообщества и территории (автономизации), вооруженных столкновениях и локальных войнах. Источники многих кавказских этнополитических конфликтов были порождены в советские годы. В качестве истоков и причин эскалации этнополитических противоречий на территории Кавказа выделяются следующие факторы:

- многонациональный и поликонфессиональный состав региона;
- размежевание этнических сообществ в связи с территориальными проблемами и спорами;
- диспаратные нормативные правовые статусы этнотерриториальных и административно-территориальных образований, иерархичность и разноплановость субъектов;
- ирредентистские течения по объединению народов, разделенных государственными границами.

4. Этнополитическим конфликтам на Северном Кавказе и в Закавказье свойственна дуалистичная форма протекания – открытая и скрытая. Яркими примерами этнополитического столкновения на Северном Кавказе является осетино-ингушский конфликт, в Закавказье – грузино-абхазский конфликт. Конфликты на Северном Кавказе и в Закавказье обладают некоторыми сходствами (этническая мобилизация, территориальные споры, этническое самосознание) и существенными различиями (политико-правовой статус участников конфликта, формат процесса урегулирования, значение и роль вовлеченных в переговорный процесс структур). Осетино-ингушский и грузино-абхазский конфликты обусловлены историческими предпосылками, этнопсихологическими и культурно-ценностными установками, известными издержками национальной политики советского периода и другими явлениями.

5. Исследуемые конфликты на Северном Кавказе и в Закавказье, несмотря на схожую сущность, развитие и некоторые цели, имеют различную специфику. Так, этнополитические противоречия между осетинами и ингушами носят сугубо

этнотерриториальный контекст, противостояния грузин и абхазов носят выраженный статусный характер (уточняя, стоит отметить, что современное абхазское этнотерриториальное образование ориентировано на широкое международное признание своей правосубъектности).

6. На основе экстерриториального принципа в урегулировании этнополитических конфликтов выделяются отечественная (исключительно в рамках российского политико-правового пространства и государственной национальной политики) и международная практика (международные площадки по вопросам урегулирования конфликтов при активной посреднической роли внерегиональных акторов) регулирования этнополитических конфликтов.

7. Переговорный процесс как форма регулирования и урегулирования этнополитических конфликтов, по мировому (гуманитарному) признанию, признается наиболее эффективным и приемлемым методом решения противоречий и междоусобиц. Однако в конфликтных контурах Кавказа он оказывается пока еще недостаточно эффективным в силу особых ментально-ценностных, политико-исторических и этнокультурных установок противоборствующих сторон, исключающих достижения важных договоренностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо еще раз отметить, что проблематика регулирования этнополитических конфликтов приобретает крайне актуальное значение в современных условиях. Этнополитические конфликты, с разной степенью остроты и периодичности, возникают и развиваются в самых разных регионах мира, в том числе в постсоветской России, странах СНГ и ближнего зарубежья. И в этом смысле Кавказский регион как пространство, крайне неоднородное, специфическое и уникальное выступает одновременно объектом и предметом пристального изучения в политической науке.

1. Связь этничности и политики обладает существенным значением в общественно-политической жизни современных государств: чем глубже этническая поляризация в обществе, тем выше удельная вероятность этнополитической конфронтации. Соответственно, серьезные проблемы, имеющие этнополитическую подоплеку, чаще свойственны полиэтническим национально-государственным образованиям (независимо от их государственного устройства, будь то федеративное государство или унитарное).

2. Среди множества других разновидностей конфликтного взаимодействия этнополитическое размежевание является достаточно распространенным социально-политическим противоречием. В рамках политической науки этнополитический конфликт справедливо следует понимать как особую разновидность социального конфликта (протекающего в политической сфере и включающего в себя в качестве искомых причин этнические атрибуты).

3. Беспрецедентный всплеск научного интереса к вопросу природы и специфики этнополитического конфликта пришелся на вторую половину XX века, после осознания мировым сообществом факта потенциальной угрозы и опасности «взрыва» латентных очагов этнополитической напряженности во многих частях современного мира – в Африке, в Азии, в Евразии и др.

4. Причины большинства этнополитических противоречий кроются в следующих сферах: исторической (обстоятельствах прошлого, наложивших негативный отпечаток на динамику этнополитических процессов и отношений); территориальной (острых спорах и притязаниях по принадлежности территории тому или иному этническому сообществу); политической, выраженной стремлением и желанием этнических сообществ (прежде всего их представителей – элит) добиться корректировки либо пересмотра политического статуса и объема властных полномочий; социальной, включающей кризисно-фрагментированную стратификацию общества, а также глубокую дифференциацию в ней по этническому признаку; экономической, фиксируемой неравенством этнических сообществ (отдельных групп людей или слоев населения) в обладании и использовании материальных ресурсов, в том числе высоким уровнем депривации социально-экономического благосостояния людей. Следует подчеркнуть, что этничность сама по себе не способна выступать в качестве единственной и исчерпывающей причины столкновения: этнополитическому конфликту всегда свойственна многофакторность проявления и развития.

5. Урегулирование этнополитического конфликта – это совокупность социально-политических и политико-правовых мер и процедур, реализуемых как государством, так и другими участниками конфликтного взаимодействия в целях устранения источников и последствий противостояния. В числе основных форм урегулирования этнополитических конфликтов выделяются политические, переговорные, силовые, экономические, культурные и информационные. Регулирование этнополитических конфликтов характеризуется использованием средств и технологий политического воздействия на структуру и динамику конфликтного взаимодействия для достижения желаемых результатов как посредниками, так и самими субъектами этнополитического противостояния.

6. В рамках этнополитической науки выделяют политические меры и процедуры по сужению этнических различий (интеграционно-ассимиляционные процессы) и поддержанию этнокультурных различий (консоциация).

7. Важно, что использование вышеуказанных политических средств является оправданным решением проблемы только для конкретного случая, обладающего специфическими особенностями содержания и протекания. Следовательно, любой процесс по разрешению конфликта носит ситуативный характер, требующий, по мнению диссертанта, выработку инновационного инструментария решения проблемы, основывающегося на учете окружающей обстановки и конъюнктуры.

8. Генезис этнополитических противоречий, угроз безопасности и стабильности в Кавказском регионе связан с несвоевременным решением межэтнических противоречий, имевших место в прошлом, а также современной международно-политической и экономической архитектоникой в регионе. К числу ключевых источников развития острых этнополитических конфликтов в регионе относятся: многонациональный и поликонфессиональный состав населения; геостратегическое расположение региона, высокая вовлеченность ведущих мировых держав в кавказские региональные процессы; территориальные споры; иерархичность и статусные различия этнотерриториальных единиц бывшего СССР; ирредентизм как следствие распада СССР и усиление политической риторики по необходимости воссоединения разделенных народов.

9. Диссертантом были выявлены следующие центральные звенья в эскалации этнополитической конфронтации на просторах Кавказа: наличие спорных территорий, которые для каждой из сторон противостояния являются их неотъемлемым пространством или частью государства; действия этнического сообщества, направленные на реализацию права внутреннего или внешнего самоопределения; противоречия, обусловленные регенерацией статуса и принадлежности административно-территориальных единиц репрессированных этнических групп.

10. Несмотря на широкий спектр общих черт, каждый из кавказских конфликтов, получивших широкую огласку и общественный резонанс в мировом сообществе, обладает значительной долей специфических особенностей, придающих ему неповторимое своеобразие. Среди критериев, которые отличают

конфликты друг от друга, отмечаются: международно-правовые статусы (международная правосубъектность) участников противостояния; сущность конфликтов (на основе территориальных споров – осетино-ингушский конфликт; на основе сецессионных процессов – грузино-абхазский конфликт); политическое положение на мировой арене участвующих в столкновениях субъектов, отношение мирового сообщества к участникам конфликта; масштабы конфликта в пространстве и времени (локальный или региональный масштаб); вовлеченность и прямое воздействие на динамику и структуру конфликта третьих сторон; формирование международных площадок по вопросам мирного урегулирования и преодоления кризисных ситуаций.

11. Компаративистский метод исследования динамики этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье позволил диссертанту, на примере осетино-ингушского и грузино-абхазского противостояний, выявить ряд тенденций и закономерностей этнополитических конфликтов, установить хронологию событий и причинно-следственные связи развития конфликтов и их последующего регулирования.

Так, осетино-ингушский конфликт связан с проблемами принадлежности Пригородного района Северной Осетии. Обострение этой проблемы стала не только основой для одного из первых вооруженных столкновений в России, но и базисом для постсоветской самоидентификации осетин и ингушей. В ходе проведенного исследования осетино-ингушских отношений были определены два наиболее характерных подхода к причинам конфликта. Первый: осетино-ингушский конфликт был детерминирован историческими и политическими аспектами; второй: вооруженная фаза осетино-ингушского противостояния – искусственно спровоцированный конфликт. Взаимоисключающее толкование причин противостояния сильно дистанцирует стороны конфликта от возможности принятия общих ценностей, формул мирного урегулирования и нахождения опор для сотрудничества в преодолении проблем деструктивного осетино-ингушского взаимовосприятия.

Грузино-абхазское противостояние имеет схожий, но не идентичный с осетино-ингушским конфликтом сценарий развития. Общее в них: предпосылки и истоки этнополитических противоречий, заложенные издержками и прямыми ошибками национальной политики советского периода. Значительная часть обстоятельств и фактов, диагностируемых в структуре грузино-абхазского противостояния, свидетельствует о его проявлении на идеологическом, этнокультурном и ценностном уровнях.

12. По мнению диссертанта, обоим этнополитическим конфликтам, и на Северном Кавказе, и в Закавказье, свойственно наличие психологической составляющей. В массовом сознании абхазского населения события 1992–1993 годов истолковываются как национально-освободительное движение, реализация права на самоопределение. С точки зрения грузинской стороны, предмет спора состоит в неотъемлемости территориальной целостности Грузии, где Абхазия – безоговорочная составная часть единого Грузинского государства. В случае осетино-ингушского конфликта для осетин отчуждение Пригородного района в пользу Ингушетии – проблема «национальной безопасности», для ингушей – это торжество исторической справедливости.

13. Политические отношения, развивавшиеся после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов вокруг процесса урегулирования, определили конкретные этапы преодоления грузино-абхазских политических противоречий. На основе анализа этих этапов можно выделить два подхода в модели международного регулирования грузино-абхазского конфликта: формальный (объективизация, унификация и реализация общепринятых подходов урегулирования конфликтов, поиск компромиссов) и полужформальный (отход от ортодоксальных подходов урегулирования в пользу развития сотрудничества в перспективных общественно-экономических сферах, без признания правосубъектности Абхазии).

14. Августовская «пятидневная война» 2008 года, развернутая грузинской властью против автономных республик, и последующее признание Абхазии и Южной Осетии Россией субъектами международного права привнесли серьезные трансформационные сдвиги в конфигурацию грузино-абхазского противостояния.

Единственной площадкой для многосторонних контактов по грузино-абхазскому конфликту стали Женевские дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье, учрежденные по совместной российско-французской договоренности в 2008 году.

15. Учитывая нерешенность грузино-абхазского конфликта, различные международные акторы вынуждены проявлять видимую и скрытую активность в вопросах его урегулирования. Особенно это касается европейских стран. К примеру, основная директива Комитета по вопросам политики и безопасности ЕС в отношении Абхазии звучит следующим образом – «непризнание, но взаимодействие». Суть ее – не признавая суверенитета, взаимодействовать с республикой в различных сферах. Таким образом, политика взаимодействия и непризнания Абхазии Европейским Союзом является практикуемой (полуформальной) моделью регулирования грузино-абхазского противоречия в рамках посреднической деятельности.

16. Стратегии обеих моделей диверсифицируют механизмы регулирования грузино-абхазского конфликта, скоррелированные после войны в 2008 году. На фоне этих обстоятельств модели регулирования этнополитических конфликтов в Закавказье, включающие международную посредническую деятельность и глубокое вовлечение третьих сторон (Западных государств и международных организаций) в решение кризисов и проблем Европы, частью которой являются все постсоветские государства Южного Кавказа, должны обеспечивать эффективные подходы, основанные не на заиклениости демаркации базовых интересов и позиций конфликтующих сторон, а на формировании единой и унифицированной системы представлений по решению противоречий, тесно взаимодействуя в гуманитарной сфере.

17. Отечественная модель регулирования осетино-ингушского конфликта имеет характер сугубо внутрирегиональный, основные векторы определяются российским политико-правовым пространством – отечественным подходом регулирования. Предпринимаемые государственными органами России действия формируют перспективный подход к регулированию этнополитических

отношений и процессов. Этот подход адаптирован под современные условия, он включает следующие концептуальные решения: функционирование единого политико-правового пространства; роль центральных (федеральных) органов власти в качестве арбитра в разрешении межнациональных конфликтов; создание культурно-информационного пространства (этнокультурная грамотность населения); «дорожная карта» по гармонизации межнациональных отношений и поддержке межконфессионального согласия; социальные проекты, учитывающие этнопсихологические аспекты самоидентификации народов России; формирование общегражданской идентичности.

18. К существенным различиям моделей регулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье следует отнести следующие факторы: уровень и форма вооруженного противоборства; статус субъектов противостояния; границы и контуры противостояния; внутренний и международный менеджменты этнополитических конфликтов; характер и качество посреднической роли; формат процесса урегулирования.

19. В качестве рекомендаций по преодолению кавказских этнополитических проблем и кризисов диссертант предлагает выделить: *развитие и поддержку этномедиацции*, альтернативной формы урегулирования споров и конфликтов в межнациональной плоскости, основанной на активном участии нейтральной, беспристрастной стороны, в роли которой способны выступать различные общественные организации; *развитие и усиление отраслевого сотрудничества* между сторонами противостояния, нахождение тех сфер общественной жизнедеятельности (прежде всего, экономической, социальной и культурной), где имеется острая потребность в тесном взаимодействии для улучшения благосостояния населения; *деполитизация этнических атрибутов*, разработка и внедрение программ по выведению этнических различий из политической орбиты в культурную.

20. Крупные международные площадки сотрудничества и консультаций по урегулированию конфликтов, поддержанию мира и согласия, безопасности на Кавказе приобрели достаточно условные очертания из-за неразрешимого

противоречия интересов и позиций сторон, затрудняющих перспективу ликвидации очагов этнополитической напряженности на Кавказе в ближайшее время. В регионе присутствует множество акторов международной политической арены, однако для России Кавказский регион – жизненно важный плацдарм. В связи с этим, Россия заинтересована в постоянной стабильности и безопасности в регионе, максимально возможными средствами предотвращая эскалацию этнополитических противоречий.

21. Отечественные модели регулирования этнополитических конфликтов напрямую коррелируют с вопросами обеспечения безопасности и стабильности в государстве; этнополитические конфликты на территории Северного Кавказа носят локализованный характер, отчего подвержены активному политическому воздействию как центральных органов власти, так и других внутригосударственных структур, ориентированных на несомненное преодоление кризисов и угроз этнополитического и этноконфессионального характера. Подходы и меры отечественного регулирования этнополитических процессов способны выступать в качестве действенных моделей гармонизации межнационального климата, основанных на консоциальном методе. На этом фоне международные модели регулирования этнополитических конфликтов на территории Южного Кавказа носят ситуативный и дисперсный характер, в связи с фрагментацией политических задач и целей субъектов урегулирования, что в принципе лишает возможности диагностировать унифицированные подходы к урегулированию конфликтов. Соответственно, известные подходы регулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе не способны проецироваться на иные реалии и обстоятельства в качестве оптимальных форм разрешения этнополитических противоречий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Официальные документы и правовые акты:

1. Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост.: Р.Х. Гожба. Сухум: Дом печати, 2009. – 708 с.
2. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 / Отв. ред. Сагария Б.Е., Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Сухум: Алашара, 1992. – 566 с.
3. Акт «О государственной независимости Республики Абхазия» (принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 12 октября 1999 г. по результатам всенародного голосования (референдума) по Конституции Республики Абхазия 3 октября 1999 г.) // Республика Абхазия. 1999. 13 октября.
4. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV: Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе / Сост.: Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев, И.В. Пашенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 120 с.
5. Ачугба Т.А. Страницы грузино-абхазской информационной войны. Документы и материалы. Т. I. Сухум: АБИГИ. Дом печати, 2015. – 512 с.
6. Второй съезд ингушского народа. Документы и материалы. Грозный, 1990. – 224 с.
7. Декларация «О конфедерации союза горских народов Кавказа» // Эхо. 1991. 13 декабря.
8. Декларация о государственном суверенитете Абхазской ССР от 25 августа 1990 г. // Советская Абхазия. 1990. 28 августа.
9. Декларация о государственном суверенитете Северо-Осетинской АССР от 20 июля 1990 г. // Социалистическая Осетия. 1990. 21 июля.
10. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики от 27 ноября 1990 г. // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 28 ноября.
11. Декрет ВЦИК от 7 июля 1924 г. № 656 «Об упразднении Автономной Горской Социалистической Советской Республики <...> о выделении города Владикавказа в самостоятельную административную единицу» // Конституции и

конституционные акты РСФСР. (1918–1937). М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 153–154.

12. Закон Грузии «Об оккупированных территориях» от 23 октября 2008 г. // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/19132>.

13. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-І «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями от 1 июля 1993 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

14. Закон РФ от 04 июня 1992 г. № 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

15. Заявление о мерах политического урегулирования грузино-абхазского конфликта // Дипломатический вестник. 1994. № 9–10. С. 54.

16. Заявление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 1993 г. // Свободная Грузия. 1993. 17 сентября.

17. История Советской Конституции в документах, 1917–1956. М., 1957. – 1046 с.

18. Коммюнике по итогам второго раунда переговоров между Грузинской и Абхазской стороной в Женеве, 11–13 января 1994 г. // Дипломатический вестник. 1994. № 3–4. С. 43–44.

19. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

20. Конституция Республики Абхазия от 26 ноября 1994 года // URL: <http://apsnypress.info/constitution>.

21. Конституция Грузии от 24 августа 1995 года, с пересмотром 15 октября 2010 года // URL: <http://www.parliament.ge>.

22. Конституции Абхазии. XX век (Документы по политической истории Абхазии) / Сост.: Т.А. Шанава, С.З. Возба; Ред. В.А. Чирикба; АНА. Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. И.Д. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2015. – 192 с.

23. Конституция СССР (ред. от 5 декабря 1936 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
24. Конституция СССР (ред. от 26 декабря 1990 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
25. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии (документы 1989–2006 гг.) / Сост. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Ю.Н., М.: Русская панорама, 2008. – 495 с.
26. Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2008. – 288 с.
27. Меморандум о понимании между грузинской и абхазской сторонами на переговорах в Женеве от 1 декабря 1993 г. // Дипломатический вестник. 1994. № 1–2. С. 38.
28. Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) // URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unomig/unomigbackgr.htm>.
29. Постановление Верховного Совета Грузинской ССР о решениях Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. 1990. № 8. С. 97–98.
30. Постановление Верховного Совета РФ о ходе выполнения постановления Верховного Совета РФ «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» от 25 сентября 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 2. С. 184–185.
31. Постановление ВЦИК от 15 января 1934 г. «Об образовании Чечено-Ингушской Автономной области» // Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918–1937). М.: Изд-во Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 251.
32. Постановление Кабинета Министров Кабардино-Балкарской Республики от 17 августа 1992 г. № 172 «О политической поддержке и оказания гуманитарной помощи Республике Абхазия» // Кабардино-Балкарская правда. 1992. № 157.

33. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

34. Программа «Большая Европа – соседи: новая основа отношений с Восточными и Южными соседями ЕС» // URL: http://www.undp.md/border/-RUS/Pol_vecin_ue_rus.html.

35. Программа совместных действий по развитию добрососедских отношений между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия на 2010 г. // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/164079/>.

36. Протокол встречи председателя Госсовета Республики Грузия Э.А. Шеварднадзе и председателя Верховного Совета Северо-Осетинской ССР А.Х. Галазова от 10 июня 1992 г. // Северная Осетия. 1992. 11 июня.

37. Резолюции Совета Безопасности ООН в 1993 г. // URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.

38. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1065 от 12 июля 1996 г. // URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1065\(1996\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1065(1996)).

39. Республика Северная Осетия-Алания. Пригородный район: выбор цели? Сборник документально-исторических документов. Владикавказ, 1997. – 300 с.

40. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. – 172 с.

41. Советы Абхазии. (1922–1937 гг.). Сборник документов и материалов. Сухуми: Алашара, 1976. – 398 с.

42. Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением от 27 июля 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 15–16. С. 21–22.

43. Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, подписанное в Москве 14 мая 1994 г. // URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/-unomig/94-583.pdf>.

44. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992 г. // Российская газета. 1992. 26 июня.
45. Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (20 июля 2017 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>.
46. Стратегия в отношении оккупированных территорий: «Вовлечение путем сотрудничества» // URL: <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20100509/-213153532.html>.
47. Указ Президента РФ от 13 декабря 1993 г. № 2131 «О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Республики Северная Осетия и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
48. Указ Президента РФ от 17 сентября 1996 г. № 1360 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Республике Северная Осетия – Алания и Республике Ингушетия» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
49. Указ Президента РФ от 2 ноября 1992 г. № 1327 «О введение чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
50. Указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. № 1260 «О признании Республики Абхазия» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
51. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
52. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
53. Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

54. Указ Президента РФ от 4 февраля 1995 г. № 93 «О введение чрезвычайного положения на части территорий Северная Осетии и Ингушской Республики» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

55. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. № 721/4 «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

56. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. № 116/102 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Материалы социологических исследований:

57. Северный Кавказ: знания и представления о регионе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 11 августа 2005 г.) // URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/eur/dd053224>.

58. Ситуация на Северном Кавказе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 4 февраля 2010 г.) // URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/eur/d100412.

59. Россия и Грузия: напряженность не спадает (опрос проведенный ВЦИОМ, от 11 октября 2006 г.) // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2593>.

Публикации в СМИ, материалы информационных агентств:

60. Абхазия признала, что бомбила банду Гелаева в Кодорском ущелье три дня // Lenta.ru. 29.10.2001. URL: <https://lenta.ru/news/2001/10/29/ruslan>.

61. Акаба Н.Н. Северокавказский фактор в абхазо-грузинском конфликте // URL: <http://apsnypress.info/analytic/6359.html>.

62. Акаба Н.Н., Хинтба И.Р. Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011. // URL: <http://apsnyteka.org>.

63. Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности // Credo. 1997. № 1. / URL: <http://credonew.ru/content/view/46/49>.

64. Болгария и Румыния вступили в ЕС // Взгляд. 02.01.2007. URL: <https://vz.ru/politics/2007/1/2/63087.html>.
65. Васильева О.А. Трудности по разрешению осетино-ингушского конфликта в разрезе современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-234-0/978-5-88431-234-0_88.pdf.
66. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
67. Выборы в Грузии и абхазские интересы // Sputnik Абхазия. 11.10.2016. URL: <http://sptnkne.ws/e9ZX>.
68. Европейский союз вступил в Абхазию // Коммерсантъ. 07.06.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/900971>.
69. Живущие неопределенностью (Доклад «Хьюман Райтс Вотч») // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2011/07/15/256227>.
70. Жители Грузии 26 лет назад поддержали восстановление независимости // Sputnik Грузия. 31.03.2017. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20170331/235423513/Zhiteli-Gruzii-26-let-nazad-podderzhali-voss-tanovlenie-nezavisimosti.html>.
71. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 гг. / Спорные границы на Кавказе // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0102.htm>.
72. Значение кавказских процессов для безопасности Евразии // Sputnik Абхазия. 12.01.2017. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20170112/102021-8939/znachenie-zakavkazskix-processov-dlya-bezopasnosti-evrazii.html>.
73. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2016. / URL: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/%E2%84%96236.pdf>.
74. Ингуши не ужились с Дмитрием Козаком // Коммерсантъ. 20.02.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/651313>.

75. Информация о некоторых результатах расследования событий, имевших место в г. Сухуми, других городах и районах Абхазской АССР 15–16 июля 1989 года // URL: <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/1019>.

76. Казенин К.И. Пять главных дел Евкурова // URL: <http://www.regnum.ru/news/1177785.html>.

77. Кварчелия Л.В. Восприятие ЕС в Абхазии и перспективы для сотрудничества (аналитический доклад) // URL: <http://mfaapsny.org/information/?ID=885>.

78. Куштавкина Е.А. Осетино-ингушский конфликт: история и современное состояние // URL: http://www.politregionalistika.ru/ru/kushtavkina_e_a.php.

79. Лавров отмечает предвзятость Запада в отношении Абхазии и Южной Осетии // Российская газета. 25.08.2013. URL: <https://rg.ru/2013/08/25/lavrov-anons.html>.

80. Лакоба С.З. Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991 – 2000 гг.) Sapporo: Hokkaido University, 2001. // URL: <http://apsnyteka.org/104-Lakoba1.html>.

81. Лакоба С.З. Настоящее, продавленное историческим прошлым, или о новых грузинских «разысканиях» // URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21-/publish/no5_ses/preface.pdf.

82. Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm>.

83. Маркедонов С.М. Южный Кавказ: многоугольник интересов // URL: <http://www.apn.ru/publications/article1406.htm>.

84. Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian-/pdf/02_Nodia.pdf.

85. М. Саакашвили: Мы вернем Абхазию // РБК. 26.05.2004. URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2004/52202.shtml>

86. Сампиев И.М. Этнополитическая ситуация в Ингушетии: новые вызовы и альтернативы / Северный Кавказ: профилактика конфликтов М.: ИЭА РАН, 2008. // URL: http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/trainings/other-/Severnyi-Kavkas-Konflikt.pdf.
87. МИД РФ: Грузия отказалась обсуждать соглашения о мире с Абхазией и РЮО // Sputnik Абхазия. 10.12.2015. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/-world/20151210/1016565860.html>.
88. На Северном Кавказе критикуют Ельцина // Коммерсантъ. 09.12.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/66840?query=осетины-ингушский>.
89. Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей // РИА Новости. 22.02.2008. URL: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html>.
90. Осетино-ингушский конфликт: 25 лет спустя // ИА REGNUM. 30.10.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2339791.html>.
91. Осетино-ингушский конфликт: у каждой из сторон своя правда // Независимая газета. 02.11.2007. URL: http://www.ng.ru/ideas/2007-11-02/10_-konflikt.html.
92. От взаимных претензий ингуши и осетины не отказались // Коммерсантъ. 17.10.1997. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/186003>.
93. Путин гарантировал Абхазии безопасность и независимость // Lenta.ru. 08.08.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/08/08/suhum_nezavisimost/.
94. Российские адыги создают организацию для помощи своим землякам в Сирии // РИА Новости. 19.12.2012. URL: <https://ria.ru/society/20121219-/915464387.html>.
95. Россия отказалась выдавать визы грузинам // Lenta.ru. 28.09.2006. URL: <https://lenta.ru/news/2006/09/-28/visa/>.
96. Руслан Аушев подверг резкой критике Владимира Лозового // Коммерсантъ. 29.01.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/69972?query=-осетины-ингушский>.

97. Северная Осетия и Ингушетия подписали соглашение о развитии сотрудничества и добрососедства // РИА Новости. 11.10.2002. URL: <https://ria.ru/politics/20021011/241318.html>.

98. Сергей Шамба о 20-летию движения «Аидгылара» и национально-освободительной борьбе народа Абхазии // ИА REGNUM. 17.12.2008. URL: <https://regnum.ru/news/1100732.html>.

99. Симановский С.И. Сравнительный анализ как метод исследования в политической науке // URL: <http://www.law.bsu.by/pub/32/Simanovski2.pdf>.

100. Состоялась встреча Владимира Путина с Президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе и главой исполнительной власти Абхазии Геннадием Гагулия // URL: <http://kremlin.ru/events/-president/news/28285>.

101. США приветствуют стратегию Грузии в отношении Абхазии и Южной Осетии // РИА Новости. 28.01.2010. URL: <https://ria.ru/world/20100128-/206732084.html>.

102. Съезд ингушского народа открылся в Назрани // РИА Новости. 31.09.2009. URL: <https://ria.ru/politics/20090131/160614579.html>.

103. Тания Л.И. Тактические и стратегические подходы к проблеме урегулирования грузино-абхазского конфликта // URL: http://apsnyteka.org/608-leyla_taniya_izbrannye_statji.html#1.

104. Тео Янс М. Персональный федерализм: решение для этнонациональных конфликтов? Что он означал для Брюсселя и что он мог бы означать для Абхазии? // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/-16jans.pdf.

105. Фишер С. Вовлечение Абхазии необходимо Европе для сохранения открытых каналов коммуникации // URL: <http://caucasustimes.com/ru/sabina-fisher-vovlechenie-abhazii-neob>.

106. Хаиндрава И. Конфликт в Абхазии и возможный путь его урегулирования // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/15haindrava-.pdf.

107. Хинтба И.Р. Основные этапы переговорного процесса (1992–2008): эволюция подходов и анализ результатов // Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы / URL: <http://apsnyteka.org/1154>.

108. Чирикба В. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода // URL: http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian/pdf/03_Chirikba.pdf.

109. Чирикба В.А. Перспективы урегулирования грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции: Взгляд из Абхазии // URL: <http://www.peacebuilding.uci.edu/files/progs/pdfs/-aspect13.pdf>.

110. Шамба С.М. Роль западных стран в урегулировании грузино-абхазского конфликта // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/21496>.

111. Шеварднадзе и Ардзинба подписали заявление // Коммерсантъ. 16.08.1997. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/182652>.

112. Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай // URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/ShirokogorovEthnos.html>.

Литература

Монографии, учебные пособия:

113. Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М.: Изд-во РУДН, 1997. – 224 с.

114. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. – 320 с.

115. Авидзба А.Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум: АБИГИ, 2012. – 424 с.

116. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум: АБИГИ, 2013. – 640 с.

117. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. М.: Альфа-М, 2007. – 208 с.

118. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. – 480 с.
119. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. – 366 с.
120. Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М.: РАН, 1997. – 320 с.
121. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.
122. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб.: Питер, 2014. – 512 с.
123. Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорква «Георгии Мерчуле – грузинский писатель X века» / Избранные труды. Т. II. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухум: АБИГИ, 2011. – 349 с.
124. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. – 416 с.
125. Аршба О.И. Этнополитические конфликты и геополитические факторы. М.: Агент, 1998. – 124 с.
126. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). М.: Московское бюро по правам человека, 2011. – 192 с.
127. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум: АБИГИ, 2010. – 356 с.
128. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Сухум, 2007. – 392 с.
129. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
130. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 2014. – 304 с.
131. Большаков А.Г. Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции. Казань: ЦИТ, 2004. – 90 с.

132. Бочарников И.В. Кавказская политика России в X–XX веках. М.: Экон-Информ, 2013. – 253 с.
133. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. – 418 с.
134. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. – 283 с.
135. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 408 с.
136. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. – 420 с.
137. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.: Кучково поле, 2014. – 288 с.
138. Васильева О.А. Этнополитические конфликты на южных рубежах постсоветской России: опыт политического управления. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2011. – 388 с.
139. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / Пер. с нем. яз. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – 448 с.
140. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. – 532 с.
141. Геллнер Э. Нация и национализм / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
142. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. – 152 с.
143. Грузины / Отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. – 813 с.
144. Грузины и абхазы. Путь к примирению / Общ. ред.: Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю.Д. Анчабадзе. М.: Весь мир, 1998. – 248 с.
145. Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014. – 214 с.

146. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
147. Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб.: Юридический центр-пресс, 2011. – 535 с.
148. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2002. – 320 с.
149. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М.: Изд-во МНУЦ, 1998. – 57 с.
150. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.
151. Жоржолиани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э. Исторические, политические и правовые аспекты конфликта в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1995. – 254 с.
152. Захаров В.А., Арешев А.Г. Кавказ после 08.08.08. Старые игроки в новой расстановке сил. М.: Квадрига, 2010. – 272 с.
153. Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. – 160 с.
154. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1999. – 286 с.
155. Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М.: РОССПЭН, 1998. – 128 с.
156. Зорин В.Ю. Этнополитика в современной России: статьи, выступления, интервью. Саратов: Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2012. – 132 с.
157. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1965. – 694 с.
158. Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум: АБИГИ, 2003. – 704 с.

159. Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М.: Экзамен, 2005. – 224 с.
160. Казенин К.И. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. – 180 с.
161. Казенин К.И. Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сборник. М.: Европа, 2013. – 100 с.
162. Калхун К. Национализм / Пер. Смирнова А., М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
163. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 1024 с.
164. Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа / Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. – 531 с.
165. Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в многонациональных государствах: компаративный анализ. Одинцово: АНОО ВПО ОГИ, 2010. – 231 с.
166. Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А. Политическая конфликтология. М.: Ижица, 2002. – 400 с.
167. Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во Московского университета, 2016. – 704 с.
168. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. М.: Старый сад, 1999. – 343 с.
169. Козырев Г.И. Политическая конфликтология. М.: ФОРУМ, 2012. – 432 с.
170. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.
171. Коппитерс Б. Федерализм и конфликт на Кавказе. М.: Московский центр Карнеги, 2002. – 128 с.
172. Куштавкина Е.А. Этнополитические отношения и конфликты: теория и практика. М.: Дом МИСиС., 2010. – 121 с.
173. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990. – 153 с.

174. Ландабасо Ангуло А.И., Коновалов А.М. Терроризм и этнополитические конфликты. Книга первая. Из истории басков. М.: Огни, 2004. – 454 с.
175. Ланцов С.А. Политическая конфликтология. СПб.: Питер, 2008. – 319 с.
176. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
177. Лежава Г.П. Технологии этнической мобилизации. Из истории становления грузинской государственности (1987–1993 гг.). М.: ЦИМО, 2000. – 372 с.
178. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: «Аспект-Пресс», 1997. – 287 с.
179. Манойло А.В. Управление международными конфликтами. Торонто: Altaspera Publishing & Literary Agency Canada, 2013. – 521 с.
180. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. М.: Горячая линия, 2015. – 392 с.
181. Маркедонов С.М. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. – 260 с.
182. Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. М.: Макс Пресс, 2005. – 379 с.
183. Медведев Н.П. Политические кризисы и конфликты: теория и практика. М.: Изд-во журнала «Вопросы политологии», 2017. – 176 с.
184. Ментешашвили А.М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918–1921 гг.). Тбилиси: Знание, 1990. – 79 с.
185. Миэлл Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Берховского центра. М.: Наука, 2007. – 583 с.

186. Новицкий И.Я. Управление этнополитикой на Северном Кавказе. Краснодар: Здравствуйте, 2011. – 270 с.
187. Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России., М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с.
188. Патиев Я.С. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Магас: Сердало, 2004. – 606 с.
189. Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликта // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Берховского центра. М.: Наука, 2007. – 583 с.
190. Садохин А.П. Этнология. М.: Гардараки, 2004. – 287 с.
191. Сморгун Л.В. Сравнительная политология. СПб.: Питер, 2012. – 448 с.
192. Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 280 с.
193. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. – 352 с.
194. Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М.: Макс Пресс, 2006. – 268 с.
195. Тишков В.А. Осетино-ингушский конфликт (Антропология этнической чистки) / Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский Мир, 1997. – 530 с.
196. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. – 532 с.
197. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. – 544 с.
198. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. – 240 с.
199. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета. 2011. – 376 с.

200. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.
201. Тужба Э.Н. Абхазия в глобализирующемся мире: социологический анализ. М.: Этносоциум, 2011. – 370 с.
202. Филиппов В.Р. «Советская теория этносов». Историографический очерк. М.: Институт Африки РАН, 2010. – 185 с.
203. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: ЦЦРИ РАН. 2003. – 379 с.
204. Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения. Гарвардский метод. / Пер. с англ. Новикова Т.М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 272 с.
205. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2003. – 604 с.
206. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991 / Пер. с англ. Е.М. Нарышкиной. М.: Независимая Газета, 2004. – 636 с.
207. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. – 200 с.
208. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 568 с.
209. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
210. Чайкина В.А. Абхазия: проблемы изоляции и возможности многовекторного сотрудничества (на примере России и ЕС) / Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум: АБИГИ; ИВ РАН, 2016. – 736 с.
211. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. – 262 с.
212. Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. Кильдюшов. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. – 272 с.

213. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академика», 2003. – 592 с.

214. Э. Смит. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализм / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М.: Праксис. 2004. – 464 с.

215. Ямсков А.Н. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии / Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Отв. ред.: Олкотт М.Б., Тишкова В.А., Малащенко А.М. М.: Московский центр Карнеги, 1994. – 488 с.

Статьи:

216. Авксентьев В.А., Васильченко В.А. Этнические элиты и этнократия Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 68–87.

217. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43–49.

218. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92–99.

219. Аргун Б.М. Событие 1978 г. в Абхазии // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум: АБИГИ, 2003. Вып. II. С. 151–158.

220. Архипова Е.В. Роль гуманитарных программ Европейского союза в процессе формирования региональной идентичности в государствах Южного Кавказа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия IV. История. 2013. № 2 (24). С. 90–97.

221. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 37–43.

222. Бельков О.А. Этнические факторы геополитики // Этнополитический вестник. 1995. № 4. С. 81–94.

223. Большаков А.Г. Региональные политические конфликты в государствах европейской периферии: концептуально-методологические параметры конфликтологического анализа // PolitBook. 2012. № 3. С. 9–22.
224. Бочарников И.В. О евразийской геополитической стратегии России // Международные отношения. 2016. № 2. С. 130–138.
225. Бройдо А. И. Добровольческое движение в поддержку Абхазии 1992–1993 годов и процесс этногенеза Абхазов // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3 (12). С. 14–17.
226. Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 93–109.
227. Василенко И.А. Проведение переговоров в условиях острого конфликта: использование процедуры посредничества // Дипломатическая служба. 2012. № 3. С. 8–14.
228. Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 144–163.
229. Вольский А. Геополитическая реальность в Закавказье // «Московские новости» от 4 октября 1992 г.
230. Воронов Ю.Н. Абхазо-грузинская война: истоки и предпосылки (политологический анализ) // Абхазский вестник. 1993. № 2 (2). С. 3.
231. Гаджиев К.С. К вопросу о цивилизационной идентичности Кавказа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34). С. 98–105.
232. Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Этнополитический инструментарий национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3 (22). С. 113–125.
233. Гегешидзе А. Конфликт в Абхазии в контексте интеграции Грузии в НАТО // Кавказ и глобализация. 2007. № 4. С. 34–41.
234. Гицба Х.Д. Развитие российско-абхазских отношений в период с 1993 по 1999 гг. // Успехи современной науки и образования. 2016. № 10. С. 57–60.

235. Глухова А.В. Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 100–107.
236. Дзадзиев А.Б. Осетино-ингушский конфликт: современное состояние проблемы // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 6 (30). С. 96–106.
237. Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х – начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / Отв. ред. Шевцова Л.Ф. М.: ИМЭПИ РАН, 1993. С. 240–242.
238. Жуков Д.С. Урегулирование конфликтов на основе регионального сепаратизма (на примере Квебека и Северной Ирландии) // Россия и Америка в XXI веке. 2012. № 3. С. 9–10.
239. Закарешвили П. Правительство Грузии исключает даже мысль о вооруженном решении конфликтов с Абхазией и Южной Осетией // Экономические стратегии. 2013. № 3 (111). С. 80–87.
240. Капицын В.М. Форматы регулирования насилия в международных отношениях // Политическая наука. 2016. Специальный выпуск. С. 72–90.
241. Карпович О.Г. Проблемы и перспективы исследования современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами // Национальная безопасность. 2013. № 5. С. 104–107.
242. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность. 2013. № 4. С. 605–612.
243. Коваленко Л.Г. Проблема конфликтов и их урегулирования, место России в этом процессе // Дневник АШПИ. 2011. № 27. С. 52–55.
244. Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20–27.
245. Костелянец С.В. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 4. С. 196–202.
246. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63–76.

247. Ласария А.О. Регулирование этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сущность и специфика // PolitBook. 2017. № 1. С. 91–102.
248. Ласария А.О. Конфликтные контуры Кавказского региона // Вестник Российской нации. 2017. № 5. С. 51–62.
249. Манойло А. В. Психологические операции США в войне Грузии против Южной Осетии и Абхазии // Мир и политика. 2009. № 5. С. 91–114.
250. Манойло А. В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. 2013. № 10. С. 130–140.
251. Маруховская-Картунова О.О. Этнополитическая конфликтология в полиэтничных обществах: многофакторный анализ ее актуализации // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 7–8. С. 65–69.
252. Михайлов В.А. О некоторых стратегических подходах к достижению социально-политической стабильности на «российском Кавказе» в новых условиях // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2011. № 1. С. 157–174.
253. Моница Л.В., Гунгер И.Ф. Использование силы в современной практике урегулирования международных конфликтов // Дневник АШПИ. 2011. № 27. С. 65–70.
254. Мутагиров Д.З. Правовые коллизии современных этнополитических кризисов // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 14–20.
255. Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтничных государствах. 1994. С. 275–278.
256. Осипов И.Д. Концептуально-методические основы истории конфликтологии // Конфликтология. 2015. № 4. С. 251–255.
257. Полунов А.Ю. Национальное и религиозное в системе имперского управления: к вопросу о деятельности и политических взглядах К.П. Победоносцева // Государственное управление. Электронный вестник. № 34.
258. Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ конструктивного разрешения региональных конфликтов: северокавказская специфика // Вестник

Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2017. Т. 23. № 1. С. 83–96.

259. Пушкарева Г.В. Механизмы формирования политических идентичностей в политическом пространстве современного общества // Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012. С. 99–113.

260. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.

261. Сергеев С.А. Этнофедерации в современном мире // Политическая наука. 2014. № 1. С. 243–248.

262. Соловьев А.И. Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // Политическая наука. 2006. № 3. С. 95–113.

263. Тимофеева Л.Н., Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. 2016. № 2. С. 13–37.

264. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.

265. Троицкая О.В. Право наций на самоопределение: концептуальные подходы и практики применения // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 116–130.

266. Хагба Б.А. Конфликты на юге России: поиски выхода // Этнополитический вестник. 1996. № 1 (13). С. 110–117.

267. Хоперская Л.Л. Этнополитические конфликты: модели и возможности разрешения // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 11. С. 191–194.

268. Христофоров В.С. К истории геополитического противостояния на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 58–64.

269. Цветкова О.В. Трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона // Вестник Российской нации. 2016. № 5. С. 116–131.

270. Чибиров Л.А. Деятельность временной администрации по урегулированию осетино-ингушского конфликта (1992–1995) // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. № 4. С. 28–34.

271. Чибиров Л.А. О причинах, вызвавших осетино-ингушское противостояние // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т. 14. № 3. С. 20–26.

272. Чибиров Л.А. Первые шаги по урегулированию осетино-ингушского конфликта. Бесланское соглашения // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 21–26.

273. Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия – Грузия: препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 4–12.

274. Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

275. Элайзер Д. Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115.

276. Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации: материалы международной научной конференции. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 77–83.

Диссертационные исследования:

277. Абгаджава Д.А. Причины и источники межнациональных конфликтов в постсоциалистическом обществе: на примере грузино-абхазского конфликта: дис. ... канд. социо. наук: 23.00.02. СПб., 1998. – 196 с.

278. Аванесян А.А. Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве и методы их урегулирования (на примере Южного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2013. – 184 с.

279. Архипова Г.Г. Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2006. – 217 с.

280. Баймлер О.Р. Национально-культурная автономия в системе технологий предотвращения и урегулирования внутригосударственных конфликтов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2013. – 173 с.

281. Бараш Р.Э. Явление разделенных этнонациональных групп: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. – 189 с.

282. Барбаряна К.Б. Этнополитические конфликты в Закавказском регионе: истоки и развитие: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2007. – 153 с.

283. Барциц А.Л. Право народа Республики Абхазия на самоопределение и восстановление суверенной государственности: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2017. – 202 с.

284. Болотникова О.Р. Проблемы урегулирования этнополитических сепаратистских конфликтов в XXI веке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. – 173 с.

285. Васильев Ю.В. Этнополитические конфликты на Юге России: возникновение и системообразующие механизмы разрешения: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2006. – 299 с.

286. Ефремова О.Н. Политические аспекты интернационализации этно-территориальных конфликтов в современных условиях (на примере югославского кризиса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. – 156 с.

287. Жуков А.А. Политика Российской Федерации в грузино-абхазском конфликте (1992 – 2008 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2010. – 234 с.

288. Зухба М.И. Проблема независимости Абхазии: история и политика: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Краснодар, 2012. – 186 с.

289. Идаятов А.К. Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов (на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2014. – 192 с.

290. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2012. – 344 с.
291. Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в полиэтнических федерациях: природа и практика решения в условиях глобализации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2012. – 381 с.
292. Кесян Г.Г. Миротворческий потенциал предотвращения и урегулирования современных этнополитических конфликтов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. – 174 с.
293. Киреев Х.С. Государственная национальная политика Российской Федерации на Северном Кавказе в условиях развивающейся демократии: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2010. – 450 с.
294. Кольба А.И. Политическое управление конфликтами в регионах современной России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.05. Саратов, 2013. – 400 с.
295. Кузьмина Н.В. Правовое регулирование этнических конфликтов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Кострома, 2004. – 217 с.
296. Мейриев Х.М. Осетино-ингушский конфликт в контексте современной геополитики России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2016. – 147 с.
297. Николаев Д.Г. Политические основания и условия признания независимости Абхазии, Южной Осетии и Косово: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2011. – 185 с.
298. Плиев С.М. Особенности формирования национальной государственности Южной Осетии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2014. – 154 с.
299. Сляднева Г.В. Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. – 214 с.

300. Татиев Р.М. Территориальные этнополитические конфликты: политико-правовые основы урегулирования (на примере осетино-ингушского конфликта): дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. – 163 с.

301. Тужба Э.Н. Трансформация социальных процессов в постсоветской Абхазии: дис. ...д-ра социо. наук: 22.00.04. Краснодар, 2012. – 419 с.

302. Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия на Кавказе: историко-политологический анализ: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. М., 1996. – 170 с.

303. Ханалиев Н.У. Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского Федерального Округа: факторы формирования и системные характеристики: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2015. – 208 с.

304. Хохлов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: истоки и динамика урегулирования: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2006. – 197 с.

305. Шанава Т.Л. Политические и правовые аспекты проблемы национального самоопределения в современных международных отношениях (на примере Абхазии): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2010. – 135 с.

Литература на иностранном языке:

306. Azar E. The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. Aldershot: Dartmouth, 1990. – 157 p.

307. Banton M. Ethnic Conflict // Sociology. 2000. Vol. 34. № 3. P. 481–498.

308. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. IL: Waveland Press, 1998. – 153 p.

309. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper & Row, 1966. – 207 p.

310. Boulding K. Conflict and Defense. N.Y.: Harper & Row, 1962. – 349 p.

311. Brass P.R. Ethnic Groups and the State. L.: Croom Helm, 1985. – 341 p.

312. Brown M.E., Cote O.R., Lynn-Jones S. and Miller S. (eds). Nationalism and Ethnic Conflict. Cambridge: MIT Press. 2001. – 509 p.

313. Burton J. Conflict: Human Needs Theory. L.: Macmillan, 1990. – 383 p.

314. Celine F. Conflict resolution and status: the case of Georgia and Abkhazia (1989–2008). Brussels: VUBPress, 2011. – 320 p.

315. Charap S., Welt C. A more proactive U.S. approach to the Georgia conflicts. Washington: Centre for American Progress, 2011. – 70 p.
316. Cooley A., Mitchell L. Engagement without recognition: A New Strategy Toward Abkhazia and Eurasia's unrecognized states // The Washington Quarterly, October. 2010. P. 60–61.
317. Cordell K. Ethnicity and Democratization in the New Europe. L.: Routledge, 1998. – 240 p.
318. Coser L. The Functions of Social Conflict. N.Y.: The Free Press, 1964. – 194 p.
319. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959. – 336 p.
320. Easton D. The Analysis of Political Structure. N.Y.: Routledge, 1990. – 352 p.
321. Elazar D.J. Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements // URL: <http://www.jcpa.org/dje/books/-fedsysworld-intro.htm>.
322. Enloe C. Ethnic Conflict and Political Development. Boston: Little, Brown and Company, 1973. – 282 p.
323. Esman M. An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge: Polity Press, 2005. – 200 p.
324. Esman M. Ethnic Conflict in the Western World. N.Y.: Cornell University Press, 1977. – 399 p.
325. Galtung J. The True Worlds. N.Y.: Free Press. 1981. – 469 p.
326. George J.A. The Politics of Ethnic Separatism in Russia and Georgia // URL: <http://georgica.tsu.edu.ge/files/05-Security/George-2009.pdf>.
327. Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1993. – 448 p.
328. Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflicts in World Politics. Boulder, CO: Westview Press, 1994. – 256 p.

329. Hannum H. *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia, PA: Pennsylvania University Press, 1996. – 552 p.
330. Hechter M. *Ethnicity and Industrialization: On the Proliferation of the Culture Division of Labor // Ethnicity*. 1976. Vol.3. P. 214–224.
331. Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. L.: Routledge, 1975. – 361 p.
332. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. – 699 p.
333. Horowitz D. *The Daily Ethnic Riot*. Berkeley: University of California Press, 2001. – 605 p.
334. Kriesberg L. *Sociology of Social Conflict*. Englewood, NJ: Prentice-Hall, 1973. – 300 p.
335. Kriesberg L., Dayton B. *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. – 428 p.
336. Lijphart A. *Multiethnic Democracy // The Encyclopedia of Democracy*. (ed.) Lipset M., Vol. 3. Washington: CQ Press. 1995. P. 853–865.
337. Lipset S. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Garden City, NY: Doubleday, 1960. – 432 p.
338. McGarry J., O’Leary B. (eds.) *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. L.: Routledge, 1993. – 336 p.
339. McGarry J., O’Leary. *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. L., N.Y.: Routledge, 1993. – 295 p.
340. Newman S. *Ethnoregional Conflict in Democracies: Mostly Ballots, Rarely Bullets*. Westport, CT: Greenwood Press, 1996. – 279 p.
341. Parsons T. *An Outline of the Social System // Theories of Society*. N.Y.: The Free Press, 1961. – 844 p.
342. Posen B. *The Security Dilemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 103–124.

343. Rothschild D. (eds.) The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion and Escalation. Princeton: Princeton University Press, 1998. – 424 p.
344. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981. – 290 p.
345. Schopflin G. Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West / Nationalism and Nationalities in the New Europe. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1995. P.37–65.
346. Shibutani T., Kwan K.M. Ethnic Stratification. N.Y.: Macmillan 1965. – 626 p.
347. Sick T.D. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflict. Washington, DC: USIP Press, 1995. – 143 p.
348. Slider D. Crisis and Response in Soviet Nationality Policy: The Case of Abkhazia // Central Asian Survey. 1985. Vol. 4. № 4. P. 52–54.
349. Smith D. Trends and Causes of Armed Conflict // URL: <http://www.berghof-foundation.org>.
350. Stavenhagen R. Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke: Macmillan, 1996. – 324 p.
351. Stavenhagen R. Ethnic Question: Conflict, Development and Human Rights. Tokyo: UN University Press, 1990. – 185 p.
352. Stewart S. The interplay of domestic contexts and external democracy promotion: lessons from Eastern Europe and South Caucasus // Democratization. 2009. Vol. 16, № 4. P. 804–824.
353. Stewart S. The Role of the United Nations in the Georgian-Abkhazian Conflict // Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe, 2003, № 2. P. 17.
354. Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. N.Y.: Elsevier, 1981. – 301 p.
355. Young C. The Politics of Cultural Pluralism. Madison and London: The University of Wisconsin Press, 1976. – 560 p.